

ЛИРА БОСПОРА
альманах
выпуск V

Симферополь
2005
«Школа»

ISBN

ББК

Редактор Вдовенко А. Н.

Составитель Левченко Т. В.

Компьютерный набор Левченко Т. В.

Выходит в дорогу пятый выпуск альманаха «Ли́ра Боспора», подготовленный «Керченским городским литературным объединением «Ли́ра Боспора».

Материалы альманаха подобраны в сложившихся для издания традициях, которые раскрывают всю палитру творчества керченских литераторов: поэзию, прозу, публицистику и даже драматургию. Более широко представлен жанр литературной пародии.

Мы старались поддержать высокий творческий уровень альманаха. Насколько это удалось — судить читателям. С ними, как и в прошлом, мы надеемся на новые встречи.

Алексеева Л. П. © 2005 г.
 Артёмин К. А. © 2005 г.
 Бойченко-Керченский А. И. © 2005 г.
 Бондаренко Е. В. © 2005 г.
 Бурова С. А. © 2005 г.
 Васильев-Пальм Б. А. © 2005 г.
 Вдовенко А. Н. © 2005 г.
 Володин В. С. © 2005 г.
 Голубева Н. А. © 2005 г.
 Громов Е. В. © 2005 г.
 Дадой З. С. © 2005 г.
 Дерий Ф. П. © 2005 г.
 Дмитрюкова Г. Н. © 2005 г.
 Дубинская В. Г. © 2005 г.
 Кацуба А. Н. © 2005 г.
 Коваль В. Ф. © 2005 г.
 Котельников П. П. © 2005 г.
 Котлер Ю. И. © 2005 г.
 Кузнецов А. И. © 2005 г.
 Лапченко Е. В. © 2005 г.
 Левченко Т. В. © 2005 г.

Лось В. М. © 2005 г.
 Макаричева Г. А. © 2005 г.
 Марин Н. Т. © 2005 г.
 Молодцов С. В. © 2005 г.
 Молодцова М. В. © 2005 г.
 Нестеренко В. М. © 2005 г.
 Олейник Л.С. © 2005 г.
 Панин Л. Т. © 2005 г.
 Рабочая-Маринич Е. Ю. © 2005 г.
 Ромазанова Е. В. © 2005 г.
 Романенкова О. © 2005 г.
 Синеглазов А. В. © 2005 г.
 Синеглазова А. А. © 2005 г.
 Случанко-Поплавский Б. П. © 2005 г..
 Ткаченко А. Д. © 2005 г.
 Трушкова Н. С. © 2005 г.
 Храмова Л. В. © 2005 г.
 Чудновская А. М. © 2005 г.
 Чудновский М. Е. © 2005 г.
 Шапран О. Д. © 2005 г.
 Щербина Е. В. © 2005 г.

*Елена
Рабочая-Маринич*

ПОЛУЛУНИЕ

Сияет мне в окошко пол-луны,
 Рождая полугрёзы-полусны.
 И в час полуночный не сразу и поймёшь,
 Что — полуправда в них, что — полуложь.
 Я просыпаюсь, я ищу ответ.
 Но полулунье! Всё — ни да, ни нет.
 И, размышляя, поняла я вдруг,
 Что часто друг — наполовину друг.
 Что полутьма уже не значит «мрак».
 И враг, быть может, вполовину враг.
 И что я зря любви твоей ждала, —
 Полулюбима я тобой была.

И что живём мы все, — хоть ты, хоть я, —
 Полуобиды давние жуя.
 И покупаем мы за полцены
 Себе те вещи, что полунужны.
 А, умничая, — наш удел таков, —
 Поддержку ищем полудураков!
 Глаза закрыв, я вижу, как, легки,
 Несутся стаей полудураки.
 Галдя, толкуются вещи возле касс,
 За полуцену покупая нас.
 Берёт билет в далёкие края
 Полулюбовь уставшая твоя,
 И, полуоправданием больна,
 С ней, с багажом, моя полувина.
 ... Насторожённо, будто полудруг,
 Глядит в глаза мне лунный полукруг.
 И полуявь сменяет полусон,
 А полусмех похож на полустон...

СКРИПАЧ

На сцене стоя, старый музыкант
 Нанизывает бриллианты звуков

На нитку времени. Ах, как захвачен он
 Твореньем драгоценных этих чётков!
 Как горбоносый профиль напряжён
 И строй движений выверенно-чётков!

От зала, что в волнении затих,
Сейчас далёк он, будто небожитель,
Ваятель звуков и оградчик их,
И им до смерти преданный служитель.

Но выйдет срок: изящны и легки
Закончат свой полёт ноктюрны, вальсы.
Цветов преподнесённых лепестки,
Опав, застынут у подножья вазы.

В квартире, где так незатейлив быт,
Где по шкафам хранится хлам бесценный,
Где зеркало устало подтвердит
Печальный смысл речей часов настенных,

Где по углам пылится тишина
И добрых слов уже никто не скажет.
Где скрипка лишь, как верная жена,
Привычно на плечо его приляжет.

СНЕГ

Наш зимний гость, твой взор небесный ясен.
Зачем же ты доверчиво летишь
На скользкое самодовольство грязи,
На узость улиц и на серость крыш?

Ну для чего, спускаясь к нам без страха,
В наш бранный мир, в его тщету и ложь,
Ты на асфальт ложишься, как на плаху
И под колёса голову кладёшь?

Того ли стоят шумных улиц нервы
И декабря простуженного грязь?!
А снег летит, весёлый, чистый, первый,
Парит, в закатных отблесках искрясь.

Он в поднебесном кружится просторе,
Как белый сон, как белые стихи,
Собой земные прикрывает хвори,
Прощая миру все его грехи.

Он каждый куст обнимет на рассвете,
Земли и неба праздную родство.
Ах, как он свеж, как первозданно светел,
Пока не затоптали мы его...

СОБИРАТЕЛЬ КАМНЕЙ

Вот я иду. А он — опять за мной.
Он неотступен. И, должно быть, злится.
Какой кошмар ему ночами снится,
Что он так тяжело дышит за спиной?!

Он, будто тень, идёт, неутомим,
 Придерживает пазуху руками.
 Себя назначив судией моим,
 На каждый грех мой заготовил камень.

Он подбирал их — чтоб потяжелей.
 И добавлял, мои грехи итожа.
 И всё весомей становилась ноша.
 И он всё больше горбился над ней.

Своею беспристрастностью кичась,
 Он камням счёт опять ведёт, насуплен.
 Моей расплаты предвкушая час,
 Их гладит и хмелеет от зазубрин.

Я под его тяжёлым взглядом стыну.
 Как объяснить, — бессильная стою, —
 Что даже все их запустив мне в спину,
 Он вряд ли сможет распрямить свою...

Ответ Василию Нестеренко на его стихотворение

«СТАЛ ДРУГ НЕСНОСЕН И ЖЕНА...»

*Стал друг несносен и жена,
Ему поддакивая, рдела...
... С женой давно разведены
И где-то сын живёт отдельно...
... Одной даря сынка с дочуркой...
... О Боже, что ты с нами сделал...
... Кричу Чёрт что ты с нами сделал...
... Пап это что ты с нами сделал...
... Ну натворил ты это сделал...
(В. Нестеренко)*

Да, друг твой рядышком сидел.
И, может, даже я и рдела.
Но до моих, Василий, дел,
Скажи, тебе какое дело?

Ты позабыл: я не жена.
Я рядом в качестве соседки.
Давно сменились времена,
А так же Томки, Натки, Светки...

Втащив меня в свои стихи,
Да прав ли ты, сосед Василий?
А наши давние грехи
Достойны ль нынешних усилий?!

Дожить похвально до седин,
Писать, свой славный путь итожа.
Но ГДЕ живёт родной твой сын,
Неужто позабыл ты тоже?!

А вот в страстей апофеоз
Ты вплёл неведомую дочку.
Не время ль подлечить склероз,
Ну а на мне поставить точку?!

Хотя, что я. Но, вдруг, во сне
МАРИНА на дороге белой
— Вот что ты, Вася, сделал мне! —
Воскликнет, — Больше так не делай!

* * *

*...Озвучивался брод, мыча по-человечьи.
(В. Нестеренко, «Боспор»)*

Что сделалось кругом?!
Трясётся каждый дом,
Волнуется пролив, в экстазе девы Керчи!
А это, впавши в раж,
Поёт Василий наш,
Про свой чудесный сон мыча по-человечьи!

* * *

*...Пробьёт свой час —
И прошлогодний снег
Ковром зелёным
Под ногами ляжет.
(Л. Храмкова «У порога»)*

Храмковой час пробил в обед сегодня.
На улицах царит переполох:
Зелёный снег, к тому же, прошлогодний,
Ковром под ноги горожанам лёг.

Застыл весь транспорт... Мэр в недоуменье...
На всех Людмила смотрит, весела, —
Мол, бегайте, ищите объясненье!
Давно я часа этого ждала!

* * *

*О, небо Родины! О, вкус родной земли!
(Л. Храмкова «Возвращение к истокам»)*

Вкусна земля в моём родном краю!
Бывало, в детстве я сойду с дороги,
Присяду, и жую её, жую,
Лишь сплёвываю камушки под ноги.

О холодок набитых ею щёк!
В ней все гнилушки разгрызу легко я.
А если попадётся червячок —
Так это ж удовольствие какое!

... Вот наконец-то в край родной назад
Приехала я, вышла в чисто поле,
Подумала и побежала в сад:
Там удобрялось и червей поболее!..

* * *

*Как мало я знаю, хоть, в общем, не дура,
Ищу корень истины, стержень опоры,
Вгрызаюсь, как червь, в макулатуру...
(Е. Бондаренко «Единороги»)*

Я шум услышала и думаю сдуру:
Червяк поедает макулатуру.
Да больно большой! Подхожу понемногу...
И что же я вижу? Знакомую ногу!
То пятка в бумажках мелькнёт, то коленка...
Ещё подхожу... Так и есть! Бондаренко!
Червём она вьётся, разута, раздета,
Картонки жуёт и кусает газеты.
Пытаясь добраться до корня и смысла,
Огромные дырки повсюду прогрызла.
Ах, Лена, не в этом призванье твоё!
За книжки берись! Не грызи вторсырьё!

* * *

*Если бы корабли
Умели совокупляться,
Как далеко раздавался бы их стон?*

*Если бы мы,
Как корабли, тёрлись боками...
... Арбузные корки перетирая
Ржавыми корпусами...
(А. Ткаченко «Светлане»)*

Пили водку, вино. Вечер наш, несомненно, удался.
Вот закончился он, и в постель мы со Светой легли.
Всё пошло хорошо, и уже я стонать собирался,
Только вдруг обожгло: ну, а как они там, корабли?!
И застыл я над Светой, от страшной догадки немея,
Поднялся, свет зажёг и по книгам вопрос изучил.
Не ошибся я, нет! Так, как мы, — корабли не умеют,
Ведь никто же их этому не научил!
Утром вышел, гляжу: вон линкор подплывает к линкорке,
Вон трудяга буксир подрулил к толстобокоей барже...
Нет обняться бы им, так взялись за арбузные корки!
Трут и трут, понимаешь, хотя и декабрь уже...
Сколько я ни глядел, непонятно мне, братцы,
Что они в этих корках такое нашли?!
Решено! Я на личном примере
совокупляться
Научу
все на рейде стоящие
корабли!

* * *

*Да, мы — грешные люди!
 Так чего же скрывать?
 Любим белые груди
 Между пальцев сжимать.
 Часто пьём без закуски,
 Но, не зная преград,
 Как ракеты на пуске,
 Наши члены стоят.
 (А. Вдовенко «Жрецы Афродиты»)*

Ой, мужики, что знаю я!
 Дрожи, планета!
 Ведь есть у каждого своя
 В штанах ракета!

Дерябнем водки ли, вина,
 Да без закуски,
 И вот, родимая, она
 Стоит на пуске!

... Собрался как-то в дальний путь
 Я ночью душной.
 Держу в умелых пальцах грудь,
 Как руль послушный.

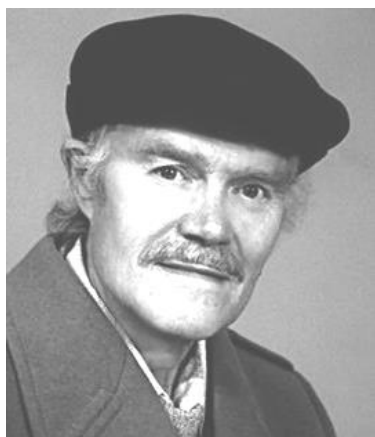
Мне все задачи по плечу,
 Стартую смело!
 Лечу, лечу, лечу, лечу!
 И вдруг заело...

Дымит мой двигатель... Дела...
 Горит проводка...
 (Палёной, видимо, была
 На рынке водка...)

В полёт ракету снарядить
 Пытаюсь снова.
 А пассажирка зло глядит,
 Убить готова.

И где видала, говорит,
 Таких пилотов!
 ... Назавтра, точно, предстоит
 Разбор полётов...

*Борис
Васильев-Малыт*

НЕ СВОЕЮ ВОЛЕЙ

Не остывает пыл воинственный.
 Всё нарушается зарок
 Судить,
 как будто ты единственный,
 Кто жизни выучил урок.
 Не получается немотствовать,
 Жить хатой с краю, —
 созерцать,
 Как продолжают люди скотствовать,
 Губить природу и бряцать

Такими смерти инструментами,
Что всей Земле несдобровать...

Вербовка

дьявола агентами

мне не даёт спокойно спать.

Но что могу я, Боже,

лирою

труб сатанинских супротив?

Ни песнопеньем, ни сатирою

не долетает мой мотив

От красоты и миротворчества...

Нет, вся надежда на Тебя,

И не Твоей ли волей, Отче, стал

Я петь во гневе и скорбях?

* * *

Предки жили в стране кулаков.

Говорят, извели, — раскулачили.

А теперь вот страна дураков,

И мечта об одном — раздурачить бы.

Но пока что страну дураков

Не пришельцы опять раскурочили:

Одурачив своих стариков,

Внуки дедов мечту опорочили.

Да, мечтою химера была...
Вновь идея какая-то в розыске.
О! Бредовых идей кабала —
Не живётся нам просто по-божески.

Будто в стае под вой вожаков,
В суете были силы растрачены...
Гражданина страны дураков
Осенило: себя раздурачить бы!

**ПО ПОВОДУ «ЖЕЛАНИЯ»
«КРЕСТЬЯНСКОГО» ПОЭТА
ПЕТРА ОРЕШИНА**

*«Я б хотел пожить ещё лет со сто,
Жить и жить, как птицы и трава...»
(П. Орешин)*

Он мечтал пожить «ещё лет со сто,
Жить и жить, как птицы и трава».
На длину дороги до погоста
Были у правительства права,

У того, что власть к рукам прибрало
Силою таких вот простаков,
А потом соратников карало,
Ставя ниже всяких пустяков.

Расстрелять царя с семейством — ладно,
 Это как-то можно объяснить:
 Ненависть плебеев беспощадна.
 Но поэтов из крестьян казнить?!

И за что? Не те стихи слагали!
 Пели о желание быть травой,
 О себе и Родине не лгали.
 И за то платили головой.

Впрочем, Пётр пытался, пел натужно
 Про стальных коней — про трактора.
 Не спасло. Не искренно — не нужно,
 На «верху» решили: «Всё. Пора!»

Девочек, расстрелянных в подвале,
 Жаль до боли в сердце, только вот
 Меньше боль в истерзанном едва ли, —
 За поэтов, пущенных в расход.

*«Миллиардеров больше, чем в России,
только в Америке.»*

(Из газетных и радиосообщений)

*«Простому смертному, хотя бы и поэту,
подобает быть почтительнее
и вежливее с матерью своею.»*

(П. Вяземский)

И ВСЁ-ТАКИ

Россия-мать, мне стыдно за тебя
Не потому, что ты других беднее,
А потому, что, деньги любя,
Твои миллиардеры всех виднее
На фоне поголовной нищеты.
Америке богатой уступила
По «сумме» олигархов, мама,
ты,
Которая богатства прокутила
У всяких революций на пиру.
Вот если бы могла ты похвалиться:
«Имею бедных меньше, чем в Перу»,
Тогда бы мы могли тобой гордиться.

ВОЙНЫ ГРАЖДАНСКОЙ ОТГОЛОСКОМ

Моим врагам на склоне Геликона,

Хулителям, охальникам —

мерси! —

За остракизм, за место вне закона...

От мести жалким, Боже упаси!

Тем паче, что препоны и запреты —

В печатный орган, скажем, «не пущать!» —

Подобьем звания ношу, как эполеты,

Как знак отличия от бездарей.

Прощать

Мальчишеские козни мелочишке

Приятно,

с превосходства высоты.

Во многом сам подобен я мальчишке,

Но не предам заветов красоты.

Меня в моих богатствах не ограбить,

Как грабанули предков большаки,

Их внукам поумнеть уже пора б ведь,

Но, видно, не умнеют дураки.

И делают противнику рекламу

Ценою униженья своего,

В ретивой службе мумийному хламу,

Останкам застеклённого, того

Вождя-антихриста в кургузой кепке,

Что дал работу пулям и гробам.

Пусть спит спокойно. Я орешек крепкий, —

Его последышам — не по зубам.

... Гражданская война ещё дымится,

И на подходе новые полки.
Но храмы возрождаются,
и мнится,
Что в меньшинстве по девочкам стрелки.*

ОТ ЧИТАТЕЛЯ XXI ВЕКА

*«Читатели двухтысячного года...
Мы начали — вы подхватили гимн...
Возьмите наш последний лозунг — вот он!
Возьмите наше завтра — вот оно!»*
(П. Антокольский)

Пальцем в небо попал Антокольский,
Нашим дням отправляя привет.
Кончен бал, — путь воителей скользкий,
той России давно уже нет.

Ту великой державы разруху,
что Октябрь окровавил в дыму,
достижений его показуху
мы в чужом обживаем Крыму.

Мировой революции гидра
долго жить приказала, поэт.
Вместе с ней обмшурился Гитлер,
но и Родины-матери нет.

* В 1918 году большевиками расстреляны Великие Княжны Анастасия, Мария, Татьяна и Ольга, вместе с родителями и братом — царевичем Алексеем.

Тот, кто «знал», как весь мир осчастливить,
заблудился — не предан земле...
А своих-то не раз уж могли ведь, —
те, державшие вожжи в Кремле.

Революции только б кобылу
не сажать на российский фураж,
не протягивать «грабли» к Кабулу,
поумерить бы красный кураж.

Как из пушкинской сказки старуха,
окорытилась КаПээСэС...
А в Крыму чужестранного Руха
на беду, воспалился процесс.

Ведь при вас ещё, Павел Григорьич,
Крым подарен соседней стране.
Лишь теперь «подаруночка» горечь
ощутил россиянин вполне.

Говорят про поэтов — пророки...
Ой, не знаю, — наверно, не все.
Только знаю: людские пороки
на граничной цветут полосе.

ВИВАТ, АМАТОРЫ!

Как-то умник доморощенный
 обозвал меня аматором.
 Институтом замороченный,
 лишь себя мнит литератором.
 Целил дядя в самолюбие,
 а убил червя сомнения:
 в элитарном, значит, клубе я,
 ибо, в классиках —
 от гения
 до таланта просто явного —
 стихотворцы все —
 любители.
 Клуб аматоров!
 И я в него
 вхож.
 Любовью укротители
 тут —
 наездники пегасовы.
 Всем дела другие ведомы,
 кроме, разве что, Некрасова.
 Тютчев, скажем, с Грибоедовым —
 дипломаты,
 Фет и Лермонтов —
 офицеры,
 но по нервам-то
 это лирики нетленные.

Был директором гимназии
 мастер Анненский и —
 гением, —
 все в поэзии — оказией,
 не учебным заведением.
 Я молчу про камер-юнкера
 и Гаврилу — губернатора...
 Так что, может,
 крикнул Мунк: «Ура-а!»*
 тем, кто в звании аматора?
 Были, да, — и не «служившие»:
 Блок,
 Цветаева,
 Ахматова, —
 лишь стихом на свете жившие,
 но и эти —
 из аматоров:
 института не кончавшие, —
 на поэтов им —
 у «Горького»?!
 Душу с Музой обвенчавшие,
 как на свадьбе, крикну:
 «Горько вам!»

* Имеется в виду картина Э. Мунка «Крик»

КРЕДО

Мне говорят: «Ты старомоден!»
 Ну что же, значит, я хорош.
 Мне моды нынешние вроде,
 Как на заду с брильянтом брошь.

У женщин в моде агрессивность,
 У мужиков — цинизм, нахрап.
 Да, рядом с этим я — пассивность, —
 Непредприимчив, вял и слаб.

Быть шустряком-авангардистом,
 Эквилибристом — не по мне.
 Предпочитаю быть артистом
 Не новой моды на волне,

Не колебаний бесконечных,
 Со сменой меток на шкале...
 Я отстаю от быстротечных
 И преходящих в свете вечных
 Течений моды, — на скале

Красот, незыблемых, как небо,
 С движенье звёзд, комет, планет.
 На них похожим быть и мне бы,
 И старомодным, как сонет.

МОЕМУ ВРАГУ

*«О, как же дорог, как любезен
самой природой данный враг.»
(Е. Баратынский)*

Хорошо, что снял ты маску друга.
Я теперь и сам себе виднее
в рамке заколдованного круга...
Ты меня на этот круг беднее.
У тебя на свете только точка,
точка обывательского зренья,
зависти от злого Рока дочка,
мать и клеветы, и подозренья.
Бог тебе судья! Моё — спасибо
за урок доверчивости-дуре.
Обо мне и впредь судить могли бы
по твоей предательской натуре.
Ставлю твою маску лыком в строку:
жизнь была в Союзе маскарадом,
и твои соратники по «блоку»
всё ещё командуют парадом,
к дьяволу послали партбилеты,
рук же не убрали со штурвала...
В новом веке прошлого приметы:
маски... Маски, я вне карнавала.

* * *

Не бывают ангелы поэтами.
 Не бенгальский нужен тут огонь, —
 Страсть потребна дикая, поэтому
 В услуженье им — крылатый конь.

Сила в нас гривастая с копытами,
 С ядовитым дымом из ноздрей.
 Звон стиха рождается под пытками,
 С дырами в ладонях, от гвоздей.

Только там поэзию и видели,
 Где любви и ненависти связь.
 Если вы поэта не обидели,
 Муза говорит поэту: «Слазь!»

Долго подражал я в жизни голубю,
 Истово молился Красоте,
 Но когда увидел Правду голую,
 Понял: мир не тот и мы не те.

Только осознал себя обманутым,
 Музыка стиха — тук-тук — в окно:
 «Хватит, набродился по туманам ты, —
 говорит, — я жду тебя давно!»

СООТЕЧЕСТВЕННИКУ

В костры — поленьями, —
 Всё по колена нам —
 С «ура», да с песнями,
 Как на парад,
 Своим ли Лениным,
 Чужим ли Ленноном
 Ведомы к бездне мы,
 А ты и рад.
 Давай, — моленьями,
 Да покаяньями, —
 Ведь есть же Радонеж —
 Верни стократ!
 Свои воления
 Да с устроеньями...
 Что ты всё падаешь,
 Очнись же, брат!

ПРИЗНАНИЕ ХУДОЖНИКА

Вокруг меня не адовы круги,
 И странным показаться я рискую,
 А всё же, «вот такие пироги»,:
 Друзья моих врагов мне не враги,
 Но я их, извините, не рисую.

Её поводыри,
 мы тащимся за ней —
 Пустой фонарь луны
 над нами флагом поднят.
 А красота растёт бездумно,
 без корней...
 Я сочинял бы так,
 но вряд ли буду понят.

*«Оказалось: поэты плохие друзья.»
 (Кто-то из крымских стихотворцев)*

РЕПЛИКА

Нет, уважаемый, это вы врёте.
 Вас назовут фантазёром-бездельником
 Дружбы известные: Шиллера с Гёте,
 Макса с Цветаевой, Пушкина с Дельвигом.

Личный тут опыт, как видно, виною.
 С опытом новым ошибочка новая.
 Вряд ли нельзя согласиться со мною:
 Плохи поэты — и дружба хреновая.

Впрочем, рискую и я под удары
 Критики встать, новой жертвою мщения.
 Ложью чреватые вообще обобщения,
 Есть среди бездарей дружества пары,

Званья достойные «мастер общения».

Нет, уважаемый, сказано скверно.

Кончу я реплику эту советом:

Чтоб о поэтах судить достоверно,

Станьте сначала хорошим поэтом.

*«Как же удалось Александру Сергеевичу,
вечная ему слава, до сих пор вселять в нас
чувство оптимизма...
... За два прошедших столетия в нашей
жизни стало немного больше весёлых зву-
ков и чистых красок...»
(Из газетной статьи)*

НЕ СОГЛАСЕН

Нет, не быть мне всю жизнь оптимистом.

Уж и так я старался, и сяк,

Но на финише муторно мглистом

Пыл мажорных звучаний иссяк.

Слишком мрачные, всё же, картины

Меж оазисов света с добром...

То садисты рулят, то кретины.

Для крымчанина Русь — «за бугром»!

Тут и Пушкин не смог бы светиться.

Явно слышу, как он говорит:

«Век двадцатый, тебе не простится

Дымно-чёрный трудов колорит.

Как ты матушку-Землю загадил,

Отравил, исковеркал, изгрыз,
Потакания алчности ради...
Не пришлось бы, подобием крыс,
С корабля опустевшей планеты
На соседние людям бежать...
Удивляюсь, — иные поэты
Продолжают тебя обожать.
Я-то солнечным был,
оптимистом
При имениях, под кронами лип.
А потомок-то мой,
с твоим свистом,
К террористам в историю влип»...
Нет, конечно же, Пушкин минуты
На такой не пожертвует акт.
Но, что время у нас, —
время смуты
И серей, чем его,
это факт.
Пули в Клюева и в Гумилёва,
Мандельштама пропажа в тюрьме
И Марине петля — это клёво?
Век двадцатый,
во тьме и в дерьме
Ты пытался и звуки и краски
Растворить. Слава Богу — не смог!
От Рейхстага до самой Аляски
Разгоняем твой дьявольский смог.

КТО МЫ?

Один знакомый мой — строитель —
 стал сапожником
 От безработицы, от жизни нашей
 подлости.
 Так я когда-то стать был вынужден
 художником, —
 не мог советским быть поэтом.
 Не из гордости.
 Скорей всего — по недостатку
 просто смелости:
 ни в лагеря я не хотел,
 ни в эмиграцию;
 да — из отсутствия торгашеской
 умелости
 лепить ума и сердца ложь
 за ассигнацию.
 Поэта знаю тех времён,
 враждебных творчеству, —
 перо забросил под предлогами
 приличными,
 как только рухнула система
 богоборчества,
 и перестали за слова платить наличными.
 Но я отвлёкся, — я ведь начал
 о строителе,

Я превращаюсь в палача, —
 Так вы ко мне несправедливы,
 Так мир наш грязен и убог!»
 И вот я —
 «с миром под оливы» —
 Стихом внушаю:
 «С нами Бог!»

ПРО ЦИФРУ «40»

Ненавижу цифру 40,
 Как увидел Вас, — с тех пор.
 Сорок, ты мой главный враг:
 Сторож прелестей и вор!

Раньше нравилось мне 40.
 Даже — сорок сороков!
 Даже — срок, — тот долгий морок
 По пустыне ходоков.

Роковая цифра — 40:
 И разбойников число,
 И по смерти суток враг
 На хароново весло.

А теперь вот, — между нами
 Прошлых разницею лет
 Эта дура, будто зная,
 Развекает слово «Нет»!

А по сути — дважды сорок
Или двадцать — всё одно,
Если ты горишь, как порох
И любви не видно дно.

Вся-то жизнь — всего лишь вспышка
В бесконечности веков...
Страсть поэта — вот где вышка
В мире мер, —
без дураков!

МЕЖ «ВЫ» И «ТЫ»

И. К.

Я между «Вы» и «ты» качаюсь,
Как между двух высоких гор.
То с лаской солнца повстречаюсь,
То вижу лик луны в упор,
Столь безучастно отстранённый,
Всё усыпляющий вокруг...
Но в Вас и там и тут влюблённый,
Тебя хочу я, милый друг!
Мне обожать Вас обнажённой
Дана воображеньем власть,
И некой мощью поражённой, —
Тебе внушить Венеры страсть!
С поклоном Вам целую ручки,

Как бы ведя на па-де-де,
 Тебе ж, с искусством самоучки,
 Целую ножки и т.д.
 Простите, милая, безбожник
 Так размечтался, — спасу нет...
 Но Вам известно: он — художник,
 И ты же знаешь: он — поэт,
 И «оба-два» с воображеньем...
 Итак, доверимся судьбе.
 К Вам обращаюсь с уважением,
 С любовью пламенной — к тебе!

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Часто я люблюсь фото,
 Где в руках у Вас винтовка,
 Где Вы целитесь в кого-то...
 Долго я понять не мог,
 Чем сбивает меня с ног
 Это фото. Но, поняв, —
 Восхитился: «Ах! Плутовка»:
 Плечи, целясь, приподняв,
 Обнажили Вы пупок...
 Тайной мыслью между строк.
 Эта милая уловка
 И сбивает меня с ног!

P.S Так что Ваш «прицел» был точен:
 Наш роман не обесточен, —
 Больше я не одинок...
 Попадаю тоже метко:
 Вилка я, а Вы — розетка...
 В общем, я у Ваших ног!

* * *

«Так вот где таилась погибель моя»,
 Ожгло меня мыслью при встрече, —
 Умна, молода и красива... А я
 От этих достоинств далече.
 Вот разве что можно сказать — не дурак,
 Но это так мало для... Впрочем,
 Ну да! На безрыбье — известно — и рак
 За рыбу сойдёт, коль захочет...
 Быть может, не так уж и пуст водоём,
 Но воля судьбы несказанна:
 Коль мы под луною случимся вдвоём,
 То рак превратится в сазана.
 Такие бывают у сказок концы:
 Становится чудище принцем...
 Творить чудеса не способны юнцы,
 А ставка на чудо — мой принцип!
 И всё-таки гибелью пахнет она —
 Любви настоящей привада, —
 Царицей Тамарой...
 Бери меня, — на!

Мне жизни важнее награда
 За верность себе или —
 року-судьбе.
 С глубоким презрением к бедам.
 Дерзания знак у меня на гербе,
 А слава идёт за мной следом.

* * *

Для оценки шумного,
 Нужен шум.
 Для оценки умного,
 Нужен ум.
 Шум у нас,
 как водится, —
 из ничего,
 ума ж не находится
 своего.
 Хожу не оцененный
 весь свой век,
 на любовь нацеленный
 человек.
 Отчего всё мимо я, —
 Знает Бог.
 Ох! — узнала б милая,
 Как не плох.
 Где-то всё же, кажется,
 есть одна...
 И душа куражится,

пью до дна
чаяния чарочку.
Милый друг,
образуем парочку
счастья слуг!

* * *

Попугайчик гуттаперчевый,
деревянная изба,
у крылечка пёс доверчивый,
хвои с листьями резьба,
а точнее даже — кружево
в небе бледно-голубом.
Но для чувства слова нужного
не найти за старым лбом,
чтобы выразить то первое
впечатленье бытия
там, на севере, не серое, —
Без подкладки: вот и я
распрощаюсь с миром солнечным,
не на век его краса...
Слава Богу! Этот сон ещё
не подрезала коса
той разлучницы, что очередь
на отлёт души блюдёт.
Как не сетовать-то, очень ведь
быстро длинная идёт.

БЕЗ ВАРИАНТОВ

(песня фаталиста)

Наши «если б да кабы» — мыслям бремя, —
Жизнь — растение, а не галерея:
В основании ж растения — семя:
В судьбах заданность, а не лотерея.

Выбираем между «влево» и «вправо»,
И нередко то и то — с негативом.
На ошибку нам даровано право,
Но ведь выбор обусловлен мотивом.

А мотив — он тоже вызрел на почве,
А у почвы свой каприз — удобренье,
И деяния листок зреет в почке,
А на почку-то в корнях одобренье!

И выходит, что из жёлудя репа
Или пальма не растёт, хоть ты тресни,
Как покойник не выходит из склепа,
А без музыки в словах нету песни.

Нет у жизни вариантов, поверьте,
Оттого-то есть на свете пророки,
А чтоб не было нам скучно до смерти, —
И достоинства при нас, и пороки.

* * *

Грусти горечью пропитан,
 Но, как прежде, бью копытом
 Страсти с нежностью даритель, —
 не купец.

Как поэт, я не прочитан,
 Как мужик, не доиспытан,
 И почти что не услышан,
 как певец.

Не стою на одном месте,
 Но, неведомой невесте,
 С века прошлого безлюбой
 холостяк.

Как художник, неизвестен,
 Как обманутый, без мести,
 Говорю про жизни подлости:
 «Пустяк!»

Я, быть может, невезучий,
 И субъект не самый лучший,
 Но звезды своей коварной, —
 верный паж.

Как игрок, не верю в случай,
 Как философ, многих круче,
 И у смерти тут не выйдет —
 баш на баш.

*Юлия
Котлер*

WATCH *

О, как песочны эти ночи!
В стеклянном теле без души
Жизнь жёлтой бабочкой шуршит.
Тишь сквозь незримый позвоночник
Начинкой золота — в гроши.

Здесь ни персидских, ни арабских
Времён, ремёсел и ремней.
И стрелки кажутся ровней,
Когда без цифр. Крылатей краски...
Здесь рифмы ластьются ко мне.

* Watch (англ.) — Часы

И лоб приравнивая к небу,
Я укрощаю облака —
Таблеткой, как мигрени, как
Проворной муки глупый ребус,
Земле завидуя слегка.

И я почти неуязвима.
Почти. Барханы, паруса...
О, как приятно прогрузать
В свои же тени. Уловима
Неуловимость на часах.

* * *

Украсть её, как сонную беглянку,
С неокрылённых сонных простыней,
Ещё хранящих свой лилейный глянец
Меж обнажённых складок и теней.

Узнать её, как выпущенную в сердце,
Среди толпы, среди волос и спин.
И, оробев, не смей в неё взглядеться,
В себя взглядеться... Жизнь повсюду спит.

Успеть в неё, как в странную надежду.
Одеться ею. Улыбнётся Бог:
Пусть это платье плоть твою утешит.
Она была и есть. Она — Любовь.

MARINA

М. Цветаевой

Моё alter ego. Цветущий алтарь —
 Слепой, расцветающий всюду и всеу.
 Какой-то немислимоу сущью желта
 Цветочность, что парус летящий рисует.

Разрозненным древом пополнится плот.
 На тёплой младенческой коже распила
 Солёная правда проступит светло:
 Как странно, но море она не любила.

Когда средь любви, как средь шумной листвы,
 Я сердце её примеряя, как платье,
 Сжимаю цветучесть, разъявшую швы:
 Размером бы меньше! Его не объять мне.

Моё alter эхо. На ухо, как всхлип:
 Промокшие листья всегда тяжелее.
 Воздушные веточки, как корабли,
 Как туфельки-лодочки врозь по аллее.

ПЕЧАЛЬНОЕ ПЛАВАНЬЕ

Во вчерашней покинутой комнате,
С ослеплённым окном на восток,
О, пугливые стены, вы помните
Этот мой старосветский восторг?

Оттого, что полнеба — белёный свод
И теряется смысл потолка,
Оттого, что привычка влюблённости
Нас в объятия бессмертья толкать.

О, жемчужные утра, вы помните,
Как из раковин хрупкой рукой
Вас вылавливать в млеющей комнате
Было мне безнадёжно легко?

В незашторенном парусом робости
Сверхлетучем голландце окна,
На краю расцветающей пропасти
Я была так геройски одна.

И кораллы мерещились комнате
Средь безтвердья, саргассовых чар.
О, июльские лимбы, вы помните,
Как пронзительно грех мой молчал?

* * *

Европу похищает смуглый бык,
С такими азиатскими глазами,
Что названы Евразией не зря ли
Два мира, где разняться Бог и быт.

Где смазанные краски бытия:
Смола и смелость, сытость и ситара,
Кочевничья раскосость веры старой
И ветерка языческого яд.

Где сны обнажены подобьем чакр,
Свивающихся ласково и блудно,
И где ваяет выпуклые луны
Клешней богоподобною гончар.

А солнце убегает на Восток,
Под вечер оставляя с носом Запад,
Ведь на Востоке бесподобный запах
Имбирных заблудившихся дорог.

И странная двукровная борьба
Изысков, мифов, музык и мистерий,
Ведь зачат был в одной большой постели
И выкрестков, и крестоносцев бал.

А мне — в себе носящей две судьбы,
Как два попутно данных обещанья,
Забавно наблюдать, как похищает
Европу азиатский смуглый бык.

* * *

сыну

Ещё незнакомый, едва осязаемый, нежный,
Румяный и тёплый, как пряничный летний рассвет,
Под занавес марта, совсем не оставив надежды
Апрелю, мой бог небоглазый явился на свет.

И мир изменился, и город запел по-другому.
Всё стало мгновенным и спорным: дождь, лица, сло-
ва.

Во всём новый смысл и отсутствие смысла любого.
И лишь небеса повесеннеть успели едва...

А новое солнце на личико крохи похоже.
А капельки пота, как бусинки свежей росы.
Ведь в ласковой речи Шекспира недаром, быть мо-
жет,
Два слова роднятся в звучании: солнце и сын.

* * *

сыну

От слёз моих ты станешь только слаще.
И в каждой капле будущих твоих
Обид светло мой отразится стих.
Ведь всё живое в этом мире плачет.
Но помни: лес страданий свят и тих.

Покажется тебе смешным и древним,
Написанным, когда ты был вне дня
И ночи, и не знал ещё меня,
Мой стих — тебе приснится, как деревьям
Приснилось бы дыхание огня.

Ты будешь пилигримом, перенявшим
Мою разверстоглазую печаль,
Как дар иль пропасть. Крылья всех начал
Наследникам сулят паденья наши.
Мой первенец, надежда — твой причал.

Мерцающую бабочку — креолку
В цветистом сне поймать захочешь ты.
И вспыхнешь предвкушением мечты,
Которую наколешь на иголку,
Чтоб пепел первой власти не остыл.

Ослепнув от рассветов, грёз и сказок,
 Научишься на ощупь жить и ждать,
 Любить, и вдохновляться, и летать,
 И познавать ежеминутный праздник
 Святого бытия. Да будет так!

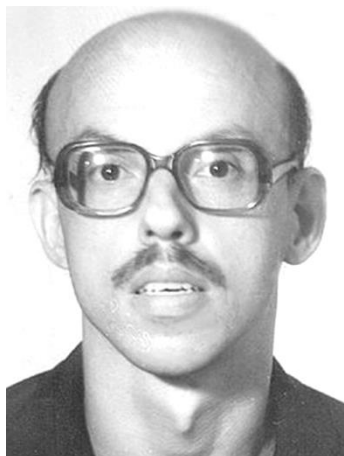
МОЙ РАЙ

сыну

Повидала Иерусалим
 И гробницу царя Давида.
 Сны и яви Святой Земли
 Я своими глазами видела.

Робкой розы нежнее рассвет
 Разливался над камнем и золотом,
 И в оливковой липкой листве
 Зябла грусть солонее соли.
 Золотую видала луну,

Звёзды, веток вишнёвых ниже.
 В твои синие глазки взглянув,
 Поняла я: ты — рай мой, сынишка.

*Алексей
Вдовенко*

КЕРЧЕНСКИЙ МОТИВ

Всю землю искренне люблю,
Я верный сын планеты всей.
Но в сердце бережно храню
Родной причал у двух морей.

Пусть ветрено в моём краю,
Вода в колодцах здесь горчит,
Сто раз судьбу благодарю
За то, что родился в Керчи.

За то, что славный Митридат
Навечно в сердце у меня
Соединил Деметры взгляд
И отблеск Вечного Огня.

Что щедрых есть путин пора —
Отрада стойким рыбакам,
Когда с уловом сейнера
Плывут как знакомым берегам.

Что даль и ширь степных равнин
И в волнах пенистых пролив
В душе сливаются в один,
Родной мне, керченский мотив.

ПОДЪЕЗД

Гулкость старого подъезда
Меня снова оглушила.
Здесь с великою надеждой
Моё детство в жизнь входило.

Здесь же та, что всех милее,
«Нет» сказала мне, прощаясь.
Здесь же, сердцем холодея,
Встречу я спокойно старость,

Как встречал спокойно беды,
Светом рифмы озарённый.

И сюда за мной приедут
Из конторы похоронной.

На ступеньках спотыкаясь,
Гроб мой вынесут из дому,
Спяну матерно ругаясь,
Что малы дверей проёмы.

СМЕРТЬ СОЛДАТА

Как в двадцать лет должно быть странно
Предвидеть жизненный финал.
Солдат от огнестрельной раны
На жёсткой койке умирал.

Сражённый пулею душмана,
Исполнив долг печальный свой,
От знойных гор Афганистана
Вернулся всё же он домой.

Судьба не стала ставить точку
Вдали от мест его родных.
У смерти вымолив отсрочку,
Он был счастливее других.

Других, с далёких полустанков —
Российских горестных трущоб, —
Чьих окровавленных останков
Не положили даже в гроб.

Не совершив и сотой доли
Того, что совершить бы мог,
По чьей-то злой, корыстной воле,
Он должен подводить итог.

До боли губы сжав упрямо,
Он замер, скорбно недвижим.
И в поцелуе горьком мама
Склонилась тягостно над ним.

* * *

Затерялася счастья подкова,
Не уйти от навязчивых дум.
И в кого я такой бестолковый,
Не желаю приняться за ум.

У друзей — и семья, и работа...
Всё струится там будто на лад.
У меня лишь одна забота —
Сочиняю стихов листопад.

И, растратив природную силу,
Распылив безотчётно года,
Я сойду незаметно в могилу,
Своего не оставив следа.

Только всё же я смерти не трушу,
 Не совсем бестолков мой удел,
 Ведь кому-то озябшую душу
 Я стихом в час печали согрел.

У МОРЯ

Море неистово бьётся
 В берег упругой волной.
 Кажется мне, что смеётся
 Море сейчас надо мной.

Море недаром смеётся.
 Стало быть, я заслужил.
 Мне за друзей воздаётся,
 Многих друзей я забыл.

В вихре клокочущей пены,
 Брызгами гулко звеня,
 Прежним любимым измены
 Заполонили меня.

Всплыли поступки плохие.
 Смею ль грехи утаить?
 Рядом с всесильной стихией
 Трудно неискренним быть.

ВОЛОШИНУ

Большой затворник Коктебеля,
По воле чудотворных сил,
Полёт стиха и акварели
Легко в себе соединил

С огромной смелостью прекрасной,
Когда повсюду льётся кровь,
Быть ни за «белых», ни за «красных»,
Но за Мечту и за Любовь.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ШУТКА

Есть верные приметы
(Ну, что поделать тут?) —
Способные поэты
Подолгу не живут.

Так издавна ведётся —
Не любит Правды Ложь.
Всегда Дантес найдётся,
Да и Мартынов тож.

Поэта жизнь тревожна,
Свята его стезя.
Стрелять в Поэта можно,
Убить его — нельзя.

Яд, эшафот и пуля
 Не стоят и гроша:
 У приближённых к Богу —
 Бессмертная душа!

* * *

*«Какая холодная осень...»
 (А. Фет)*

Какая холодная осень!
 И ветер так жалобно стонет,
 Как будто не листья уносит,
 А радость навеки хоронит.

И хочется крикнуть: «Довольно!»
 Душа не выносит укора.
 И сердце сжимает невольно
 При звуках печального хора.

А впрочем, печали не надо,
 Ещё не погибла планета,
 Пока существует отрада
 Потёртого томика Фета.

ОСЕННИМ УТРОМ

Осенним утром в парке старом
Тоскует мокрая трава.
Но очищающим пожаром
Горит кленовая листва.

А вместе с нею — все печали
Сгорают тихо, чуть шурша.
И снова в солнечные дали
Зовёт ожившая душа.

СТАРОЕ ФОТО

Старое тусклое фото
Снято давным-давно,
Словно оставил кто-то
Кадр немого кино.

Дети с трудом поверят,
Что мама — венец красоты,
Скромно стоит у двери
И держит в руках цветы.

Нет ни одной морщинки,
Яркий весенний наряд,
Глаз озорные искринки,
Как угольки горят.

Ещё не стоят тревоги
На светлом её пути,
Там, впереди, дороги,
Целая жизнь впереди.

Очень давно это было.
Но молодость вечно жива.
Правды великая сила
Будет всегда права.

ФРОНТОВИК

Продали давно и Ленина,
И партию вместе с ним.
А новые поколения
Живы, конечно, другим.

Весь мир захватили «сникерсы»
Обёрточной мишурой.
А дедушке снятся «Юнкерсы»
В небе над «Курской дугой».

Так горько от всякой сволочи!
(Сволочи, ох, немало!)
Но горше горчайшей горечи —
Гибель всех идеалов.

Да, чем нынче от боли киснуть,
Скакать на одной ноге,
Не лучше ли было погибнуть
Под «тигром» на той дуге?

Но жизнь свою не выбирают.
Её не вернёшь назад.
Дед, прости нас! За что? Не знаю...
Ты — настоящий солдат.

СОЛДАТСКАЯ МАТЬ

Потемнели от дождей ступени
Из простого камня-дикаря.
Захожу я в низенькие сени,
В сердце грусть о чём-то затая.

И о чём грустить? Не знаю, право.
Посреди спокойной тишины
На меня, с улыбкой, чуть лукавой,
Чьё-то фото смотрит со стены.

А навстречу женщина выходит,
Волосы седые, добрый взгляд,
И негромкий разговор заводит,
Запрокинув голову назад:

«Что ж ты так, сынок родимый, Слава,
Позабыл совсем седую мать.

Ах, ты мой шалун, солдатик brave,
Столько лет себя заставил ждать.»

Вдруг мне стало ясно, что случилось.
И я сразу вспомнил грусть свою.
Словно путник, встретивший немилость,
Робко опустился на скамью.

Как ей объяснить, что я — не Слава?
Не придёт с войны её солдат.
Угасают логики уставы
Перед вечной памятью утрат.

* * *

Луч последний ясный
Погрузился в тень.
Вовсе не напрасно
Прожил ты свой день.

Если в мир прекрасный
Радость отдаёшь, —
Вовсе не напрасно
На земле живёшь.

Время не развеет
Светлые мечты,
Если их согреет
Солнце доброты.

*Татьяна
Левченко*

* * *

Пути Господни неисповедимы.
Но путь судьбы мы выбираем сами.
А после, становясь же седыми,
Фальшивыми рыдаем голосами,

Что жизнь прошла бездарно и бесследно,
Что зря когда-то верили поспешно
В научные и анти-... в общем, бредни,
И оттого так горько неутешно.

Не сожалею об уходящем часе.
 Не сожалею об уходящем веке.
 Не плачь о растворяющейся расе, —
 Плачь о несовершенстве человека.

Плачь о его пути, ведущем в бездну,
 Плачь о планете, гибнущей нелепо.
 Но даже эти слёзы бесполезны,
 Как и стенанья: «Провиденье слепо!..»

Ведь и слепец во тьме найдёт дорогу.
 Ведь и глухой вибрации почует.
 Ведь и немой глазами молит Бога.
 И лишь глупец судьбу свою линчует.

* * *

З. В. В.

А ты опять с иронией глядишь
 И отстранился, усмехнувшись криво.
 Опять не те слова ты говоришь,
 Каких я жду давно и терпеливо.

Ты от себя меня отгородил
 Последним, горьким, високосным летом,
 Тем, что однажды, на вопрос один,
 Мы отыскиали разные ответы.

Уходишь, так и не сумев понять,
 Как больно: обойдя насмешки мимо,
 Взглянуть в глаза, обнять, поцеловать
 И не успеть назвать тебя любимым. —

Ведь ты опять с иронией глядишь
 И отстранился, усмехнувшись криво.
 Опять не те слова ты говоришь,
 Каких я жду давно и терпеливо.

БЕДА

Не аукнется —
 не откликнется.
 Покричи. —
 Стая воронов
 в небо вскинется
 С каланчи.
 Покачнут они
 тяжкий колокол —
 Гул пойдёт.
 Этот гул тебе
 сердце холодом
 Обожжёт.
 Видно, быть беде:
 так тревожен он,
 Так тосклив.
 Чей-то взгляд мелькнёт,
 настороженный,

Боль разлив.
 Так беда беды
 криком чинится —
 Заучи.
 Не аукнется —
 не откликнется.
 Помолчи.

* * *

А. Синеглазовой

Крушение всех основ
 — сыновние могилы
 И тени матерей,
 скорбящие на них.
 И вечное «Прощай!»
 вытягивает силы,
 И вечное «Прости...»
 поддерживает их.
 «Позволь уйти с тобой!» —
 Но он не позволяет.
 И с фото, и из снов:
 «Мам! Что ты... Не грусти!»
 И верую Господь
 их — тени — оделяет,
 Чтоб матери
 сынов
 продолжили пути.

АНТИ-МИРОВАЯ ШУТКА

В призрачно-туманном полумраке
Видятся химеры сотворенья:
Время отрицательного знака;
Антимир; иное измеренье.

Ты пройдёшь ТУДА, *ОНО* — ОТТУДА.
Встречь и сквозь — поёжишься невольно.
Встретить анти-я — совсем не чудо:
Не смешно, но, главное, — не больно.

Встретиться, мгновенно подивиться:
Зеркало миров меж вами встало?! —
Воспринять нелепой небылицей:
В анти-я нам верить не пристало.

Может, анти-я помыслит так же,
В антимире так же усмехнётся,
От тебя виденья отмахнётся:
Мол, химера! Не обидно даже.

И ни ты, ни он не раскусили,
Что на миг короткий постоят,
Встречь и сквозь пройдя, миры сместили:
Обменялись временем-пространством.

Вот и всё! Теперь вы — анти-люди.
Только вряд ли это ощутили.
Ну, а дальше? Что же дальше будет?
Ничего. Живите, как и жили.

ОСТАННІ ГАСТРОЛІ

Дощ вночі розклеював афіші:
Осінь бо закінчує гатролі.
Дерева прикрасили сукеньки
Павутинням, з краплями туману.
Ось, на небі, хмари відкривають
Виставу пластичної скульптури;
Водночас, на землю демонструють
П'єсу власного театру тіній,
У якому сонце — режисером.
А в оркестрі диригує вітер.
І, між іншим, зовсім непогано
Створює музику листопаду.
От і знову оплески зриває.
А вже, як пташиний хор доладно
Видав ораторію «У вирій!» —
Тут аж навіть море схвилювалось:
Хвилі повставали для овацій.
Вистава закінчилась. Й тихенько,
Легкою завісою, на землю
Перші опускаються сніжинки...

Но мы стояли
 западней Востока,
 Мы выходили
 в северные воды.
 В Европу мы оконца
 пробивали,
 Как думали —
 из затхлого подвала.
 Ну, а на деле было —
 мы вползали
 В болотный смрад,
 из Руси светлой дали.
 Европа *окультурить* нас желала:
 Чтоб скифов
 переделать на арийцев
 Или на франков...
 хоть бы на австрийцев... —
 Все их потуги Русь перевирала.
 Насильно насаждали,
 как картофель
 (Мы и картофель —
 тоже не просили!).
 Но переделать
 наш курносый профиль
 На римский —
 даже Богу не по силам.
 И бьётся Запад,
 нами озабочен,

Пытаясь притянуть
 к себе поближе.
 Но мы-то, мы-то
 Запада восточней
 И несколько
 посеверней Парижа.
 И почему б России,
 Украине,
 Как говорилось прежде:
 Малой, Белой, —
 Великой не остаться
 и поныне?
 В чём дело, а?
 За чем же стало дело?!

ЧЕРНУХА

На что истратили мы годы и столетия? —
 На то, чтоб травы не росли по нас в пустыне.
 А чтоб уже наверняка, по всей планете, —
 В пустыню Землю обращаем мы отныне.

Посторонитесь, земноводные приматы!
 Вы пропитаетесь и манною небесной.
 Пещеры горные — пойдут под казематы.
 А что там реки и леса? — не интересно.

«Огонь очищающий пошлёт Господь на Землю»?
 Да Бога ради! Мы исполним волю Бога!
 Зачем ему ещё трудиться, в самом деле?! —
 У нас горючего в запасе очень много.

И вот тогда увидим точно, кто же прав был —
 Буддист, еврей, иль православный мусульманин:
 Чей Бог опустится на Землю? (Эх бы, сам бы!)
 Мы полюбуемся и... — залпом по вимане! *

КОЗЫРЯ

Как хотите, судьбу поверните —
 Хоть с изнанки, коль будет резон.
 Но Козырный Король, извините,
 Стать не сможет Козырным Тузом.

Ведь судьба непомерно упряма:
 Так порой завернёт, что — держись!
 Если бьётся Козырная Дама, —
 Значит, бьётся она не на жизнь.

Годы жизни — что жёсткая тёрка:
 Изотрут до костей до поры.
 И бывает: простая шестёрка
 Вдруг выводит тебя из игры.

* Вимана — в индийской мифологии, летающая колесница богов.

Правду-матку и крыть уже нечем...
 Не о том, понимаете, речь...
 Где-то сыплются звёзды на плечи.
 Где-то сыплются головы с плеч...

КОНЕЦ ЗЕМЛИ

Я подходил, забавы для,
 С вопросом к людям:
 «Там, где кончается земля, —
 Что ждёт? Что будет?»

Подружка, глазки округля,
 В ответ смеётся:
 — Там, где кончается земля, —
 Трава начнётся!

Сосед водитель шутке рад,
 Ответил ловко:
 — Шоссейка там начнётся, брат:
 Конец грунтовке.

А дед селянин плюнул: — Вот,
 Уйдут все в город, —
 Тут и конец земле придёт!
 Начнётся голод.

Моряк ответил, с корабля,
 Ни с кем не споря:
 — Там, где кончается земля, —
 Там только море.

Какой-то парень заправлял
 За уши космы:
 — Мой друг, где кончится Земля, —
 Начнётся Космос.

А дуболом ответил: — Гля!
 (На буквы слово он разъял.)
 Во: где кончается земля, —
 Там только я! —

И гыкнул, голову задрав.
 Я обомлел:
 Ведь, если дуболом был прав, —
 Конец Земле!

*Наталья
Прушкова*

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

ДУША ЧЕЛОВЕКА

«Лечит слово, трава и нож» — сказал Гиппократ, и «слово» поставил первым в этом ряду.

Есть люди, которые врачуют словом. К ним принадлежит Еникова Любовь Захаровна, одна из ярких личностей в УТОСе, в организации, где трудятся слепые и полужрячие люди. Она работает и в городском обществе инвалидов, руководит первичной организацией слепых; она и помощник депутата Верховной Рады Крыма Лютикова В. М.

Симпатичная блондинка, невысокая, фигуристая, с крепким, боевым характером, она знакома многим руководителям предприятий города, бизнесменам, потому что часто хлопочет перед ними о своих подопечных, беспомощных людях.

Какова история её жизни? Родилась в 1944 году на Смоленщине. Детство провела в Крыму.

Гнали немцы пленных через небольшое крымское село, и уже хотели их перестрелять, потому что у несчастных кончились силы, да потом решили раздать их, желающим взять к себе местным жителям. Мама нашей героини, имея на руках голодных детей, не выдержала, сжалилась и забрала раненого пленного. Каким-то чудом удалось выжить всем. Спасённый мужчина стал отцом Любы, которую односельчане звали «сибирячкой» — оттуда был родом солдат.

Деревня, труд в поле, дома, рано начала готовить, помогая маме по хозяйству. Да и младшие дети были у неё на руках. Но больше всего смыслёная девочка любила читать. В свободное время — в библиотеку, к книгам! Когда Любе было 12 лет, в местной газете появилась фотография её с подругами, с подписью: «Лучшие читательницы библиотеки».

Но злая доля уже ждала свою жертву. У костра в походе сидят школьники. Кто-то что-то бросает в костёр... взрыв... боль в глазу... Инва

лидность. И сразу сузилось не только поле зрения, но и возможности.

Закончила школу и поступила на работу в Джанкойский УТОС. А потом в Симферополь переехала, а там, в обществе молодых девушек и парней, кипела обычная жизнь. Крым, его горы всегда манили к себе людей, независимо от того, как они видят. И молодёжь ходила в походы. Слепые шли, держась за лямки рюкзаков слабовидящих, а те рассказывали им о том, что было вокруг. И невидящие люди представляли себе те красоты, которые их окружают. Люба шла уверенно, пока не показалась опасная тропа рядом с обрывом. Отступать некуда, с помощью товарищей, кое-как преодолела этот ужас. Дала себе слово больше никогда не ходить в походы, но, конечно, всё продолжалось.

А ещё пришли на выручку шахматы. Играла хорошо, а всё это давало радость и осознание своей полноценности. Была чемпионкой Крыма по шашкам. На фотографии, в команде Украины по шахматам, одна девушка — Люба Еникова. В 1971 году перворазрядница Любовь Захаровна — чемпион Украины по шахматам. Причём, не только с женщинами, но с мужчинами она сражалась на равных.

«Сколько поездила по всему Союзу, — везде нас очень хорошо встречали, со сколькими интересными людьми познакомилась, сколько всего

повидала!» — улыбаясь, рассказывает Любовь Захаровна.

— Как же совсем слепые играют? Это же надо на память представлять всю доску, все фигуры!

— Да, многие помнят хорошо, некоторые трогают фигуры руками, чтобы вспомнить, где что стоит.

— А любовь свою тоже в УТОСе встретили?

— Нет, он зрячий. Это был брат моей подруги. Когда поженились, я стала мечтать о ребёнке. И вот уже забеременела, а врач ни в какую: рожать нельзя — последнее зрение потеряешь. Пришла на работу и плачу. Женщины бросились утешать, спрашивают, в чём дело. Я объяснила. Все стали смеяться, говорят: «Нам никому рожать не разрешают — рожаем. Не бойся! Зато ребёнок будет.»

Родила двоих девочек, красивых, здоровых. Уже замужем, есть внуки. Семья сложилась.

Каждая слабовидящая женщина в этой критической ситуации делает выбор — или ребёнок и потеря зрения, или бездетность. Иногда везёт: и ребёнок, и немного зрения. А если женятся двое слепых, то выбор вдвойне страшен; здесь они ещё решают и судьбу третьего: будет ли он зрячим. Говорят, что если в этой паре у одного слепота приобретённая, то если ребёнок будет группы

крови этого родителя, он рождается зрячим, если нет — слепым.

Наша героиня мужественно шла по жизни. Дома порядок, чистота; шьёт, готовит, занимается ремонтом, весёлая, общительная. На работе — уважение.

С 1970 года переехала в Керчь и работает в Керченском УТОСе. Много лет — комендант общежития УТОС. Как вторая мама молодым, с их проблемами и ограниченными возможностями.

«А я и женихов им искала, и невест, детей крестила, утешала, как могла.

А один раз, под Новый год, звонок. Пришли мои голубчики ко мне праздновать, человек 15 — всё общежитие пожаловало. И накормила всех, и напоила, и нашла, что сказать.»

Она напивала их любовью своего горячего сердца, и молодёжь училась мужеству жить с бедой по имени слепота.

Инвалиды с детства лучше адаптируются в жизни, чем те, на которых это обрушится в разгар её, а то и на склоне лет. Почва уходит из-под ног.

Получив инвалидность, приходят к Любове Захаровне, вступать в общество слепых. Они в отчаянии. Она же поговорит, пошутит, поддержит, поставит на очередь, а потом и вручит человеку — палочку, «говорящие» часы и магнитофон с приёмником. Сразу мир веселее становится.

А ещё неугомонная Любовь Захаровна готовит разные весёлые праздники, и какие талантливые сценарии пишет! Были вечера: «Цветы в легендах и сказаниях», «Русский романс» и «Русский чай», встречи с поэтами литературного объединения «Лира Боспора», вечер, посвящённый Дню Победы, — всего не перечислишь!

А в Евпатории Керченский УТОС на фестивале представил «Поле чудес» на тему «История Крыма», что получило всеобщее одобрение. И об авторе сценария заговорили. Республиканский Совет решил провести семинар по передаче опыта работы территориальной первичной организации УТОС г. Керчи.

Еникова написала сценарий «Астрология. Знаки Зодиака».

С участниками семинара проводились игры, экскурсии по городу. Приезжие воодушевлённо перенимали опыт и благодарные, разъехались во все концы Крыма.

В День инвалидов в столовой СРЗ полно народу. Это собрались инвалиды по зрению. Им показывают концерт, угощают вкусными блюдами. Люди танцуют и поют. Бывает, на такие «огоньки» собирается до ста человек.

А на тематических вечерах в общежитии устраиваются костюмированные представления. И костюмы шьёт Еникова, и готовит на 50 человек Любовь Захаровна, и репетиции проводит. Чтобы

всё было хорошо, чтобы всё было отлично. Чтобы люди согрели души и была радость в их жизни.

Не перечесть добрых дел прекрасного человека, обаятельной женщины Любови Захаровны Ениковой. 10 лет в этом году исполняется первичной территориальной организации общества слепых, возглавляемой ею. Здесь, рядом с нею, трудятся её верные помощники: секретарь Остроухова Тамара Константиновна, заместитель председателя Авдеева Лидия Ефимовна, председатель совета ветеранов войны и труда Астахова Тамара Сергеевна, председатель бытовой комиссии Лупыр Владимир Анатольевич, Прощенко Елена Константиновна.

Конечно, не все крыши отремонтированы и не все заборы; не всем инвалидам ещё поставлены телефоны и оказана материальная помощь; не самая богатая библиотека для слепых в обществе. Но всё, что в силах сделать, делается.

Фаина Раневская писала: «Я не понимаю, почему люди стыдятся бедности и не стыдятся богатства.» Может, кто-нибудь «постесняется», и тогда...

А пока...

На встрече с инвалидами городской голова Осадчий О. В. наиболее заслуженным из них вручал подарки. Л. З. Ениковой достался аппарат для измерения давления. Она поблагодарила и сказала: «Я не возьму его домой, оставлю в обществе:

люди будут приходить на приём и мерять давление.» Из зала раздалось: «Как Любовь Захаровна с нами возится — с капризными, ворчливыми, старыми... Выслушает, поможет и поднимет настроение обязательно!»

Я присоединяюсь к этим словам. Любовь Захаровна врачевала и мою душу.

СЕМЬЯ — ЧЕРЕЗ ПОКОЛЕНИЯ

130 лет тому назад в Керчи открылась гимназия — очень важное событие для всех горожан. И примерно в это же время родился мальчик — радость только для его родителей, однако, через 25 лет керчане будут его называть детский доктор Гартенштейн. Сохранились устные рассказы старожил о нём. «Всегда приходил в хрустящем белом халате и, как только подходил к ребёнку, тот сразу начинал улыбаться и сразу выздоравливал, потому что доктор излучал столько любви, доброты и надежды на то, что всё будет хорошо!»

Прошло какое-то время, и в семье доктора тоже родился мальчик. Доктор с детства учил его музыке. Мальчик вырос и керчане стали его называть виолончелист Гартенштейн. Великим музыкантом он не стал, да и работал служащим, но вечерами в его квартире собирались музыканты, и они играли классику. Уютные вечера дома — это для семьи и друзей, но хотели слушать и другие

люди. В выходные дни на бульваре, на месте бывшего Зелёного театра, была установлена так называемая эстрадная раковина, и керченский любительский симфонический оркестр услаждал слух гуляющих у моря и отдыхающих. Это было давно, до войны.

В ту пору жил в Керчи композитор Дрейзин, который написал знаменитый вальс «Берёзка». Он играл вместе с Гартенштейном и молодые семьи были дружны.

А жена Гартенштейна жила до замужества в большой семье, и было их три сестры. Молодые девушки привлекали внимание миловидностью и весёлым нравом. Шёл трудный 1920 год, гражданская война, в городе то белые, то красные, но молодость всегда молодость. Я цитирую отрывок из рассказа Виктории Александровны Гартенштейн:

«1920 год. Как-то раз прозвенел звонок и появился один из кавалеров в сопровождении юноши невысокого роста, некрасивого, с шапкой чёрных кудрей и выразительными глазами. «Знакомьтесь, молодой поэт, московский, сбежал на юг от мобилизации.» — Так был представлен незнакомец. Он сразу пришёлся по душе всем трём сёстрам, а когда узнал их имена, весело рассмеялся и попросил перо и бумагу. Через несколько минут был готов экспромт:

За бухарского эмира выйдет Мирра,
За простого муэдзина выйдет Дина,

А за тенора Италии
Замуж выскочит Ассалия.

Перед уходом, его спросили, как же его имя, и он ответил: Самуил Маршак.»

Героиня моего очерка — дочь девушки, которой Маршак прочил итальянского мужа, стал же им виолончелист Гартенштейн.

Семья жила дружно, детство Вики проходило безоблачно. Улица 23 мая, на которой стоял их домишко, недалеко от театра, куда любознательная девочка часто ходила. Музыка, звучащая дома, митридатские улочки, вид на море — душе простор. Училась девочка легко. Потом, в эвакуации, поступила в Московский технологический институт, но пришлось бросить: болела мама. Может и хорошо, что бросила. Поступила в Крымский пединститут, закончила с отличием и стала учительницей русского языка и литературы. Маленького роста, симпатичная, с умными, внимательными глазами, она пришлась по душе озорным школьникам, и её слушали и слышали. Строга и интересна.

Была ещё работа в офицерской школе. Вот где было трудно. Ученики старше её, прошедшие войну боевые офицеры, стеснялись своих двоек и троек. Они ловили её в коридоре и смущённо объясняли, что не могут идти домой с плохими оценками — стыдно перед детьми.

Подрастал и свой сын, помогала его воспитывать мама. С мужем разошлись, отец погиб на фронте. Больше не было музыкальных вечеров дома. Но во время отпусков Виктория Александровна лихорадочно восполняла духовный голод поездками в Ленинград, где можно было окунуться в мир театров, музыки, музеев. Потом, когда сын учился в Москве, он к приезду мамы доставал билеты на интересные спектакли, в филармонию. Мать и сын — большие друзья, духовный мир их близок и богат.

А между отпусками была любимая работа, и весь летний багаж впечатлений, окрашенный работой души, дарился детям. Виктория Александровна искала глаза учеников, в которых горел огонёк любознательности, стремления к познанию мира, и им уделяла особое внимание. «Моя слабость — умные детки.» Многие из её выпускников поступили в престижные ВУЗы Москвы, Ленинграда, Киева. Много среди учеников и творческих людей. Оксана Сердюк — завуч школы искусств — ученица Виктории Александровны. У учительницы даже сохранилась в памяти переписка в стихах между нею и Оксаной. Московский художник Нелицкий, выпускник школы им. Дубинина, сам уже пенсионер, написал музыку на стихи своей учительницы Гартенштейн и на праздновании её 80-летия исполнил песню, чем тронул до

глубины души Викторию Александровну. Её ученицы Зинаида Ленивцева и Лариса Чеснокова стали учительницами и тоже работали в школе им. Дубинина. Они навещают своего старшего друга, и отношения эти тянутся всю жизнь. И многие её другие ученики, приезжая в Керчь, стараются повидаться, поговорить, и каждый раз приятно поражаются ясностью ума, памятью, умением быть в курсе интересных дел, культурных событий. Виктория Александровна — тонкий знаток литературы, выйдя на пенсию, стала читать лекции и проводить беседы в библиотеках и на разных производствах. Этой просветительской работой она занимается много лет. В последние годы участвовала в редактировании сборников «Лира Боспора», пишет стихи и рассказы.

Годы не щадят внешность людей, но душу можно уберечь от старости. Виктория Александровна стремится познавать, общается с людьми, помогает больной одинокой соседке. И бывает особенно рада, когда раздаётся звонок и появляется очередной двоечник по русскому языку и просит помощи. «Как я люблю детей!» А ещё —

ЧТО Я ЛЮБЛЮ

Мокрый асфальт и пустынные пляжи,
Книжный развал и высокие кряжи,
Тихую музыку, кашки цветенье,
Ранней весной соловьиное пенье.

Нравятся мне и музейные залы,
 И галерей восковая прохлада,
 И мастеров вдохновенных полотна,
 Книжек ряды, установленных плотно.
 И не могу я сдержать восхищенья,
 Если увижу я зодчих творенья:
 Строгую готику, ранний ампи́р
 И ренессанса торжественный пир.
 Вижу я Летнего сада ограду
 И вековые дворцы Ленинграда,
 Вижу Андреевский киевский спуск,
 Будто я чувствую это на вкус.
 И совершенно особое чувство
 Будит во мне тех поэтов искусство,
 Что рождено, как природы цветенье
 И как души распустившейся пенье.
 Но отлетел от меня в одночасье
 Призрак простого семейного счастья.
 — говорит о себе Виктория Александровна.

ЖИТЬ ДЛЯ ЛЮДЕЙ

В литературной гостинной библиотеки им. Белинского часто выступает Беба Анатольевна Цигельман. Её рассказы о писателях и поэтах интересны, эмоционально насыщены, а чтение стихов наизусть, которых она знает ещё с юности великое множество, просто завораживает. Начитан

ная и остроумная, весёлая и дружелюбная, она всегда в радость людям.

Дома у Бебы Анатольевны прекрасная библиотека, книги во всех комнатах. И часто в этой квартире звучит классическая музыка, магнитофон почти не выключается. «Я всё делаю под музыку», — говорит она.

Любовь к музыке передала и дочери — та стала музыкантом, вторая дочь унаследовала от мамы любовь к медицине и стала врачом. Мечтала об этом с детства: лечила кукол и уговаривала братика, бегущего от «укола»: «Не убегай, дай мне попку!». Сын закончил институт культуры. Муж — ветеран, недавно умер. А дети разъехались и шумная квартира опустела.

— Конечно, дети меня зовут к себе, но я никуда не поеду. Здесь у меня друзья, бывает по 18 визитов в день.

Да, голубоглазую кудрявую, невысокую женщину, врача-педиатра, знают в Камыш-Буруне многие. Недавно Беба Анатольевна отметила 80-летний юбилей. Панченко Нина Ивановна, в прошлом заведующая детской поликлиникой, а ныне врач-фтизиатр детского санатория, работала с Бебой Анатольевной. Она рассказывает: «Это врач от Бога. Как она любит детей, свою работу! Могла поладить с любой, самой скандальной мамой. А какой профессионализм! Она работала в роддоме и её часто вызывали по ночам, если ребёнку было

плохо. Однажды за ней заехала «скорая», а дело было зимой, и привезли Бебочку в одном сапоге и в одном тапке, без колгот. Это так она торопилась к малышу.»

17 лет проработала Беба Анатольевна в роддоме Орджоникидзевского района микропедиатром. Она принимала и осматривала крошек, которые только что появились на свет. Не всем везло. Были недоношенные дети с малым весом. Раньше у них не было будущего. Беба Анатольевна выходила многих и дала им вторую жизнь. Потом она сделала альбом — пособие для медсестёр «Недоношенные дети». На первой странице альбома — имена тех, кого назвать можно: Вольтер, Руссо, Дарвин, Гюго. А далее — имена маленьких керчан (только с одной буквой: Федя Д.), указан их скромный вес при рождении, а далее идут фотографии ребёнка 10, 15 лет и свадебные фотографии. Потому что и до сей поры они её не забывают, дарят цветы, поздравляют с днём рождения и подписывают фотографии «Дорогой бабушке». Одному из своих маленьких пациентов она дала свою кровь, и всем — любовь, энергию жизни. «А сколько она «раздышала» — в безжизненные комочки вселила свой дух!», — пишет о ней врач Панченко.

Опыт, богатый медицинский опыт и опыт великий милосердия и сострадания передала Беба Анатольевна медсёстрам медучилища им. Галины

Петровой, где она проработала 7 лет. Девушки подарили ей альбом, тиснённый золотом, на обложке написано: «Участник вечера встречи «Герои моего очерка». А внутри есть слова А. П. Чехова — он сказал о труде врача: «Профессия врача — это подвиг, она требует чистоты души, чистоты помыслов». «Этим высоким требованиям Вы соответствуете и этим вызываете у нас восхищение» — подписались учащиеся 75 группы 1979 года выпуска.

50 лет прожила Беба Анатольевна в Керчи и работала до 1995 года. В трудовой книжке мало записей, но много благодарностей, в том числе, и за участие в художественной самодеятельности, где и пела, и танцевала, и юморные стихи и песни сочиняла, — заводила и душа любого праздника.

И до сих пор она кипит,
Чего-то где-то сочиняет,
На вечеринках, «Огонька»
Бесценным юмором блистает.

Это Панченко говорит о своей коллеге.

Блестящая жизнь в самом высоком смысле слова. Счастливое детство: отец — директор «Артека», на фотографии красивая загорелая девочка в спортивной форме — капитан волейбольной команды — это Беба. После войны — голодная юность. Но — студентка Крымского мединститута

та. И вскоре любовь и муж, единственный на всю жизнь, и трое детей, и внуки, и правнуки. И ещё нуждающиеся в ней люди.

Одна из одиноких женщин врачей заболела, и Беба Анатольевна 10 лет помогала ей, поддерживала и морально, и чем могла, кормила, и не бросила до самого конца.

И до сих пор к ней идут за помощью со своими бедами и соседи, и инвалиды, и знакомые, несут и больных животных — помогает, утешает. Да вот и сейчас, мы разговариваем, а Беба Анатольевна извиняется: «Мне надо идти делать укол ребёнку».

Не нажила ни денег, ни богатства, ни орден — только бесконечную любовь людей, которые знакомы с этой великодушной и прекрасной женщиной, и зовут её камыш-бурунцы ласковым именем Бебочка.

*Евгения
Бурова*

ДРУЗЬЯ ЭРОТА

В глуши болота,
Учуя прибыль,
Друзей Эрота
Ждала гибель.
Эрот весёлый
Был рядом с теми,
Кого завёл он
В глухую темень.
А сам, украдкой,
Сыграв без правил,
На почве шаткой

Друзей оставил.
 И поманило
 На дно болото
 Магнитной силой,
 Без поворота.
 Без поворота
 И без возврата,
 За миг полёта
 Взимая плату.
 Не зная броду
 Отмстив жестоко
 За миф свободы
 В когтях порока.
 Там, в дебрях ада,
 Процесс глумленья.
 Там нет пощады,
 Там нет спасенья.
 И солнце, луч чей
 Блестит так ясно,
 Над тьмой дремучей,
 Увы, не властно.
 Лишь ночью, грозный
 Закон наруша,
 Заглянут звёзды
 В шальные души.
 И время, смету
 Вины разруша,
 Отпустит в Лету
 Больные души.

БАРАН И «БАРАНЕССА»

басня

Житейским опытом ещё не удручён,
 Баран богатенький Змеей был увлечён.
 И волею насмешливого беса,
 Ползучую он сделал «баранессой».
 Кругом твердили: «Слушай-ка, глупец!
 Неужто нет подруг среди овец?
 Змея коварна, лицемерна, зла,
 Уже разбила сердце у Козла
 И, подкрепившись дружбой двух Ослих,
 Копыта лишь оставила от них.
 А от тебя оставит лишь рога.
 Беги, покуда шкура дорога.»
 Баран не верил, как тут ни толкуй,
 Ведь сладок был змеиный поцелуй.
 Казалось, только с ним она была
 Так беззащитна, ласкова, мила,
 Так простодушна, девственно чиста.
 Но дьявол яд вложил в её уста.
 Змее не ведомо, что свято, что грешно.
 Ей жало вместо жалости дано.
 Оно вам путь ускорит до погоста.
 С ним ближнего достать довольно просто.
 И ближний понял, мучаясь от ран,
 Какой же был он, в сущности, баран.
 И, проклиная жалкий свой конец,
 О самой лучшей вспомнил из Овец.

И сам себя за глупость осудил.
Но яд уже в крови его бродил.

А вывод ясен: будь ты млад иль стар,
Держись подальше от змеиных чар.
Иначе участь бедного Барана
Тебя настигнет, поздно или рано.

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

МИНИ-ПЬЕСА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Хозяйка — кормилица, глава семьи
Хозяин — муж Хозяйки, работающий беззарплатник
Ребёнок — плод их увядшей любви
Бабушка — мать Хозяйки
Галатея — домашняя собачка
Мурзик — беспризорный кот

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(Кухня. Хозяйка сердито гремит посудой. Появляется Хозяин в пижаме, он робко подходит к Хозяйке, целует её в лоб.)

Хозяин — Я твой дебитор. По простому — должник:
В семейный бюджет не вношу ни копейки.
А помнишь наш первый, роскошный пикник,
Вкус «Мишки на севере», «Раковой шейки»?
Но ты потерпи, дорогая жена,
И долг по зарплате вернут мне сполна.
И ты будешь тоже довольна вполне,
Когда угощу тебя «Вишней в вине».

Хозяйка — Что толку от твоих воспоминаний?

Тебе уже давно понять пора:
 Несладкий чай от них вкусней не станет,
 В бюджете не затянется дыра.
 От обещаний станешь ли богатой?
 Их не положишь в тощий кошелёк.
 Была б умней, клянусь своей зарплатой,
 Я за тебя не вышла б, муженёк!
 Ты обещал мне золотые горы
 И длинным привораживал рублём.
 Теперь твоим я стала кредитором,
 А ты, увы, стал голым королём.

Ребёнок — Я слышал, разговор шёл о конфетах.
 Неужто посетил нас Дед Мороз?

Хозяйка — Весной мороза здесь в помине нету.
 Зачем же глупый задавать вопрос?

Ребёнок — Ах да, весна! Так может, скоро Аист
 К нам прилетит, чтоб выполнить заказ?

Хозяйка — Ну, право же, с тобой не заскучаешь!
 Так Аистам и вовсе не до нас.

Хозяин — Бастуют эти птицы. А могли бы
 Воинственный настрой слегка унять.

Хозяйка — Но ведь не всем работать за «спасибо»
 И ничего при этом не менять!

Ребёнок — А от бабули есть какие вести?
 Она ведь обещала, что примчится,
 Как только распродаст своё поместье.
 Ой, кто там? Голубь! К нам в окно стучится.

Хозяин — Почтовый голубь — новый вид услуг.

Письмо от Бабушки. Читаю вслух.

(Читает)

«Сижу за границей, в лачуге сырой.
Как там поживает мой внучек родной?
Вот, с пенсии денег ещё подкоплю
И сапоги-скороходы куплю.
А не куплю — так приду без сапог,
Покамест к себе не призвал меня Бог.
Без вас тут совсем потеряла покой.
Скучаю, целую и рвусь всей душой!»

(На кухне воцаряется молчание. Хозяйка утирает глаза посудным полотенцем)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

(Лестничная площадка. У двери сидит беспризорный кот Мурзик. Слышится жалобное тьяканье Галатеи. Кот подслушивает)

Галатея — Помню, как смачные косточки
Довольные, хрумкали псы.
Теперь они рады и горсточке
Горько-солёной хамсы.
Бывало, хозяин с получки,
Весёлый, хоть малость «косой»,
Меня называл «своей Жучкой»
И щедро кормил колбасой.
Теперь же он грустный, однако.
Ему колбаса только снится.
Ну как тут с тоски не заплакать?
Ну как тут со зла не взбеситься?

Мурзик — Сидит в тепле, ещё скулит, плутовка!

А как живётся Мурзику-бродяге?
 Того гляди, застрянешь в крысоловке
 Иль в лапы попадёшь, немытые, дворняги.
 Какие кошечки, ну просто загляденье,
 Мурлыча нежно, строили мне глазки!
 Теперь они страшны, как привиденья,
 Натуроплату ж требуют за ласки.

(К двери подходит Бабушка с чемоданом)

Бабушка — Кого я вижу? Мурзик? Неужели?
 Кот тёти Сони, что жила напротив?
 Она мне снилась как-то на неделе.
 Ты похудел, а был ведь справный котик.
 Мурзик — Моя хозяйка в зарубежье дальнем.
 А как клялась: кота, мол, не оставлю.
 Бабушка — Бедняжка! Ну, не будем о печальном.
 Пойдём со мной, родным тебя представлю.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

(Гостиная. Бабушка, в сапогах-скороходах, достаёт из чемодана подарки)

Бабушка — Устала. Ох уж, эти мне таможни.
 И что им только нужно, — не понять.
 Да ну их к бесу! Рада я, что можно
 Теперь хоть сапожищи свои снять.
 Ребёнок — Бабуль, совсем отстала ты от моды...
 Бабушка — Но на ногах пока держусь я крепко.

Вот продадим мы эти скороходы,
Участок купим и посадим репку.
А там ещё и курничек построим,
И курочку-несушку заведём.

Ребёнок — Она снесёт яичко золотое,

А с золотишком мы не пропадём.

Мурзик — Нет, не нужны нам золотые яйца.

Простые — да побольше — пусть несёт.

Яичницу пожарим как, на сальце,

От зависти подохнет Васька-кот!

Хозяйка — Позвольте в разговор и мне вмешаться.

Я сапоги не стала б продавать.

А что если нам, братцы, попытаться

Их взять, да и на скатерть обменять,

Что самобранкою у нас зовётся?

Пошлём мы объявление в газету,

Глядишь, чудака желающий найдётся

С пустым желудком странствовать по свету.

Хозяин — А вот за это даже выпить нужно.

Или хотя бы прокричать «Ура!»

Хозяйка — Пока вы здесь «Ура» кричите дружно,

Пойду, вам суп сварю из топора.

Галатея — Когда меж ними нету перебранки,

Обедать можно и без самобранки.

(Хозяин и Хозяйка уходят. Ребёнок играет «Собачий вальс». Мурзик и Галатея танцуют)

ЗАНАВЕС

ЖИЗНЬ НАПРОКАТ

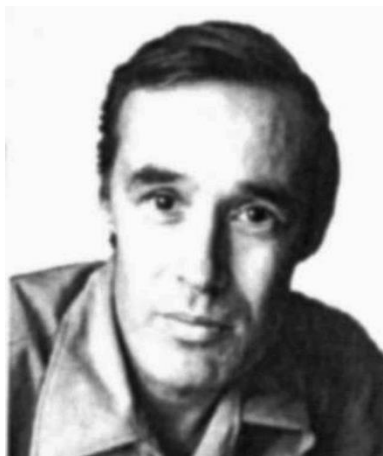
Целовала котят я в забавные мордочки
И рыдала, склоняясь над израненным псом.
Вместе с ветром неслась, бесшабашная, с горочки.
Жизнь взяла напрокат и забыла о том.

Нынче в гору тащу лет багаж полужречий,
Встречный ветер спесив, строить козни горазд.
Может быть, как Сизиф, силы даром я трачу.
Кто же ждёт наверху, кто же руку подаст?

Вот дойду до конца, отдохну непременно.
Кликну верного пса, он мой первый сынок.
Может, встречу с тобой на просторах Вселен-
ной.
Мне не в радость покой, если ты одинок.

Как просроченный груз, сбросим прошлого годы
И терзаний миллион, как песок, отряхнём.
Торжествующий сон Богом данной свободы
И без горечи вкус мы блаженства поймём.

А пока догорю, дотворю, дожалее
И туманный настой бренной жизни допью.
Может быть, и с судьбой помириться сумею,
Может, душу твою, как сестрица, люблю.

*Владимир
Лось*

СИМФОНΙΑ ЗИМЫ

Падают пушистые снежинки,
Тают на ресницах, на щеках, —
Вижу сквозь прозрачные росинки
Радость в человеческих глазах.

Хорошо идти среди прохожих, —
Сколько здесь людей и сколько лиц,
Сколько друг на друга непохожих
Взглядов из-под вскинутых ресниц!

Люди замедляют шаг невольно,
 Словно никуда и не спешат...
 А зима раскинула узорный
 Яркий ослепительный наряд.

Всё в снегу: кусты, деревья, крыши.
 Каждая витрина — сувенир.
 Новый год, наверно, ночью вышел
 И окрасил в белое весь мир.

Парк застыл, как будто на картинке,
 Спит в объятьях снежной кутерьмы.
 И беззвучно падают снежинки —
 Белая симфония зимы.

УТРО

Какое утро! Бирюзовость
 И чистый жаворонка звон,
 И вся земля — как будто новость,
 Которой очень удивлён.

Руками трогаю травинку —
 Она прохладна и свежа.
 Земного шара половинки
 В цветочной чашечке лежат.

А где-то рядышком жужжанье:
В траве запуталась пчела,
И небо этой звонкой ранью,
Как два пчелиные крыла.

Я жадно солнце пью губами —
Цветком, расцвётшим на лугу,
И ветер мягкими руками
Меня потрогал на бегу.

И будто вновь порою вешней,
Вот здесь, на утреннем крыле
Я, первозданен и безгрешен,
Рождён для счастья на земле.

ДОЖДЬ

А дождь хлестал и сёк навстречу,
Нас не жалея ни чуть-чуть.
Он бил в лицо, плескал на плечи,
Упруго барабанил в грудь.
И мы шагали очумело
Сквозь эту брызжущую тьму,
И неприятно было телу
В одежде, липнущей к нему.
Над нами молнии сверкали,
И гром рычал, как динозавр.
Ошеломлённые, вначале
Мы шли, ни слова не сказав.

Но вот за мгlistою завесой
 Укрылся дождик вдалеке...
 Какую радугу повесил
 Он над землёю на руке!
 Прости меня, как всем прощаешь.
 О нет, не царь, не господин, —
 Ты всемогуща, ты ведь знаешь, —
 Природа!
 Я твой блудный сын!
 От тротуаров раскалённых
 К тебе я иногда бежал,
 И восхищался умилённо,
 В лугах, как бабочка, кружа.
 А ты мне щедро улыбалась,
 Меня, как своего приняв...
 Но это только лишь казалось,
 А вот теперь прими меня!

* * *

Твори меня, как я творю тебя,
 Лепи меня тревожными руками.
 Трудись над каждой чёткой, любя.
 Мы шли друг к другу долгими веками.

Всему начало на заре времён.
 Там даже песен ни о чём не пелось.
 И не было у нас своих имён,
 И у любви названья не имелось.

Мы шли тысячелетиями к ней,
И у костров она нас согревала,
И превращала дикарей в людей,
И как людей над миром возвышала.

Шагала рядом через мглу веков
И обрекала смерть нас на разлуки,
Но возвращала нам бессмертие любовь,
И превращала в счастье наши муки.

И вот наш век. И снова мы с тобой.
О, продолжай тысячелетий дело:
Твори меня, лепи меня, любовь,
Вдохни Небесное в моё земное тело!

* * *

До чего же яростно и нежно
Майские акации цветут!
И от каждой кроны белоснежной
Запахи медвяные плывут.

Не могу я вдоволь наглядеться,
Надышаться запахом густым.
Он оттуда, он из мира детства
Под огромным небом голубым.

Год за годом, ряд десятилетий
Он приходит на короткий миг,
Чтоб напомнить, что всегда мы дети,
Что всегда прекрасен этот мир.

От соцветий свет идёт высокий.
Детства свет. Его благослови.
В детстве дальнем кроются истоки
Жертвенности нашей и любви.

Наши неудачи и ошибки,
Фейерверки радостей и бед,
Злая или добрая улыбка —
В сердце всё оставит тень и свет.

... Я шагаю серединой мая,
Как в двенадцать иль в тринадцать лет, —
Сладкий запах шар земной качает.
Голубое небо.
Белый цвет.

НЕБЕСНЫЙ СВЕТ

Раскрылись два больших крыла
И взмахом воздух рассекая,
Туда, где глубь небес светла,
Поплыл я, устали не зная.

Чтоб ощутить, как бьются в грудь
Пространств и времени истоки,
И с высоты на мир взглянуть —
Такой огромный и широкий.

И видел свет, небесный свет,
И знал, что там, внизу, осталось
Всё то, что столько долгих лет
Таким значительным казалось.

Да были ль горе и беда,
Да были ль страхи и печали?
Ушли сомненья в никуда,
И все обиды измельчали.

Осталась только высота
И подо мной, и надо мною, —
Внизу — земная красота,
А сверху — небо голубое.

Но вдруг как будто гром в крови!..
И сердце болью отозвалось
На мощный зов земной любви,
Которая внизу осталась.

И понял сердце я своё,
И понял, кто меня отметил,
И понял я, что от неё
И небеса, и крылья эти.

И, побывавши в небесах,
На землю вновь я опустился,
И свет небесный на крылах,
Струясь, в земной преобразился.

И ничего прекрасней нет,
Чем этот дар, такой чудесный,
Чем этот первозданный свет
Любви земной, любви небесной.

ВЕСЕННИЕ ПЕЙЗАЖИ

Как глубоки весенние пейзажи!
Прозрачно небо, даль уже светла.
И так тепло, что забываешь даже
Какой зима холодною была.

Ажурны ивы. Нежно зеленея,
Полощут косы лёгким ветерком,
А тополя, под ярким солнцем млея,
Глядят в небесный звонкий окоём.

Какие чудеса вокруг творятся!
В траве высокой, сочной и густой
Роями одуванчики гнездятся,
Как будто дождь пролился золотой.

Такая мягкость и в листочках клейких,
И в свежем воздухе, и в солнце без жары.
А во дворах и парковых аллеях
Повсюду стайки шумной детворы.

Сады в цвету. Всё громче птичьи трели.
И цвет у моря снова голубой...
Всего два шага до заветной цели,
Всего полшага до любви большой.

* * *

Пусть обожжётесь, чувствами горя,
И задохнётесь высотой полёта —
Вы жили, вы любили, и не зря
Возможно, позавидует вам кто-то.

И если вдруг подломится крыло,
Триумф полёта перейдёт в паденье, —
Не думайте, что зря вас занесло
В высоты те на краткие мгновенья.

Мгновенья эти стоят жизни всей.
Огонь любви горит, не угасая.
И вы пылайте страстью всех людей,
Которые ушли, любви не зная.

За них за всех, и за себя самих,
Взлетайте выше и не бойтесь смерти.
Любовь — полёт, не одного — двоих,
И вы ей верьте, безоглядно верьте!

* * *

Слова, слова! Как много разных слов!
Как мало чувств, и искренних, и чистых!
Душа, не бойся сквозняка ветров,
Пространств широких и светил лучистых.

Учись, душа, не верить словесам.
Любовь и дружба, боль и состраданье
Без лишних слов находят путь к сердцам,
Как солнца свет, как лунное сиянье.

*Людмила
Жраткова*

БУДЕТ ВРЕМЯ

Мы
не будем
винить
ни судьбу,
ни ушедшие годы,
Нам предложат ещё
благодарный, услужливый жребий, —
Драгоценные дни,
что наполнятся негой и мёдом, —
Дни дарений взаимных
наступят
и благодарений...

Останутся в прошлом
и станут смешными невзгоды,
Будет время
подснежников,
майских дождей и сиреней,
Праздник пчёл золотых,
торжества обнажённой природы,
Праздник бабочек,
трав изумрудных,
цветущих
деревьев...

И слова,
что волшебными были,
и вышли из моды,
Вновь
наполнятся
светом живым
и целебным елеем,
Будто, мёдом июльским,
пчелиные жёлтые соты, —
А душа станет зрячей,
мудрей и светлее...

*«Не обижайте женщину,
ибо каждая её слеза на счету у Бога...»*

ВЕРНОСТЬ

Не из Адамова ребра —
Глаза — криницы, —
Дом — чаша полная добра,
А ей не спится...

Так отчего ж ей не до сна,
Что ж, рай не снится?
Сидит у зимнего окна —
Озябшей птицей...

Свирепый ветер, вьюга зла, —
Коварный танец, —
Не греют душу зеркала —
Не первый глянец...

Лишь первый иней на висках —
Закралась осень...
Она не глянет свысока, —
Упрёк не бросит...

Посмотрит молча на часы,
В дверях застынет...
В глазах — ни тени от росы,
Лишь две пустыни...

Душа — чистейшее стекло, —
 Уйдёт — не глянет...
 На золото, на серебро,
 На сладкий пряник...

Улыбка горькая у рта,
 Озноб — до дрожи...
 Но есть *заветная черта*,
 Ценой дороже...

И ни его, и ни её
 Винить не станет, —
 «Спасибо за житьё-бытьё», —
 Кольцо оставит...

«Собакой верною была.
 Будь счастлив.
 Простить хотела... Не смогла».
 И свет погасит...

ДЕНЬ ЗОЛОТОЙ

О!

Эта стая
разноцветных
дней...

Неповторимых дней моих
стремительная стая...

Как птичий клин
неумолимо в небе тает,
так отлетают дни
земной судьбы
моей...

И всё же
прожиты они не зря,
Пусть было много в них
и горестей, и лиха,
Угас ещё один...
Так радостно...
Так тихо...
День золотой начала сентября...

ПОПЫТКА ДЗЭН

*

Эта пара звёзд, —
 Две подруги одной луны.
 О чём их шёпот?
 Луна осиротеет,
 Если одна погаснет...

*

Как ты был жесток,
 О, безмолвный бог скорби...
 К тебе взываю —
 Вырви с корнем все беды,
 Что ты посеял лихо...

*

Утратив корни,
 Душа томится —
 Уплыть готова,
 Будто водяной цветок,
 Течением гонимый...

*

Стремительна жизнь...
 Неумолимы сроки...
 Кто счёт ведёт им?
 Может быть, это — луна,
 Чей срок так быстротечен?

*

Виднеется дым, —
 Тихо падает роса...
 Кто-то живёт здесь
 В соседстве с тишиной —
 Счастливый и незримый...

*

Непостижима
 Вечная звёздная синь...
 Искорки жизни...
 Все они — звёзды волхвов.
 Каждая служит Богу...

МЕДОВЫЙ СПАС

День был дарован,
 будто утро — чист,
 Мир суеты
 был перед ним ничтожен,
 И, словно перед вечностью,
 душа,
 как белый лист,
 Лишь вечное считает и итожит...

Пустынный берег,
 приютивший нас, —
 Бельчонок рыжий,
 как дитя доверчив,
 Был день...
 Среда...
 Медовый Спас...
 И цвета мёда тихий дивный вечер...

ВОЛШЕБНЫЙ ПОДАРОК

Я, словно юная Рашель, —
 С тоской застывшею в душе.
 Рисую призрачный сюжет —
 Что ты сидишь напротив, —
 Грустит шампанское — «Роже»
 И рядом твой пустой фужер,
 А новый год настал уже —
 В свои владенья входит...

Мир на опасном вираже,
 Штампует лживые клише,
 И стрелки снова, как мишень,
 На чёрном циферблате, —
 И очень смутно на душе
 От слов холодных, словно жечь, —
 Свеча застывшие драже
 Слезами льёт на скатерть...

Но Ангел мой с небес сошел,
 Как будто звёздный атташе
 Или посланник Беранже,
 С улыбкой нежной скажет:
 «Мир будет счастлив и блажен,
 Прими в подарок этот жест»...
 Яйцо работы Фаберже
 В ладони тихо ляжет...

СВЕТ ПРЕДТЕЧИ

Душой мы тянемся всегда
 Туда, где вечная вода, —
 И нам не деться никуда —
 Нас только вера лечит...
 Подарит мир с самим собой,
 Душе измученной покой
 И примирение с судьбой
 Небесный свет Предтечи...

Здесь так ничтожна суета,
 Души пустая маята, —
 Какая, Боже, красота
 Вдали на небосклоне, —
 Закат хрустального стекла
 И в синей дымке купола,
 Предтечи все колокола
 В вечернем тихом звоне...

СВЯТОЕ ПРАВО

О! Научи, Всевышний, мудро жить,
 В чужое не заглядывая око, —
 И ближнего, и дальнего простить
 От сердца, от глубин его, истоков.

И злого не дай Боже сотворить,
 Приняв его неведомо за благо, —
 И сердце настезь, настезь отворить,
 И от восторга, не от боли плакать...

Врагу дай Боже другом стать
 И из ничтожного не сотворить бы Мекку,
 Гордыню научиться отличать
 От права называться человеком...

ВОЛШЕБНЫЕ СЛОВА

У скольких слов ненужных
я в плену была, —
Красивых слов —
всегда пустых и раздных,
О, сколько было их —
им не было числа,
И никогда единственной,
необходимой фразы...

Ну, в чём же, Господи,
 скажи, я не права?
Когда и где?
 Какой мой грех наказан?
Я только жду —
 всю жизнь я жду слова,
Которых так никто и не сказал
 — ни разу...

*Василий
Местеренко*

* * *

Гордиться нацией нелепо.
В любом из нас их не одна.
Горжусь, что родом в понедельник
И отделяюсь как страна.

Мы понедельники всех круче.
И ваш национальный гон
Лишь говорит что мы живучи,
Вы ж сдавлены в тисках погон,

В границах, ритмами, в наречьях.
А мы танцуем как летим.
Вам лишь земля, нам – бесконечность
Гороскопических единств.

Летя над вашим разделеньем,
Где вновь готовится погром,
Родившиеся в Понедельник
Объединятся с Четвергом.

А вам – словарики, заборы
И маскарады для посла,
Чтоб вавилонская реформа
Языки ваши вновь сплела

В строительстве послевоенном
(Где истеричным подчерком
Подпишетесь, что Понедельник
Дружить не должен с Четвергом!).

Но вдруг сынок у вас родится
В тот запрещённый вами день?
Гордится перьями синица
И муравейниками пень...

Бог создавая мир заплакал,
Нас отделяя от себя.
Мне впитывать Его по каплям
Об остальном Себе скорбя.

И пусть нацизм ерошит перья.
Я горд быть в обществе другом:
Ко мне зашли под воскресенье
Суббота с другом Четвергом.

МОЯ ТЁПЛАЯ

(Стилизация для жены в дороге)

Тёплая-претёплая
Половинка полненькая
Верит моим трелям-трёпам,
Ждёт командировочника.

А во мне играют бесы
Мендельсона рёберного.
Оказалось и не бездарь —
Нарасхват подобранный

Молодыми, по уши
Во меня влюблёнными.
Любодни из прошлого
До краёв пополнены.

Возвращаюсь лесом я —
Лишь бы не дотёпала,
Как я бился с бесами,
Моя тёха тёплая.

ТЕБЕ

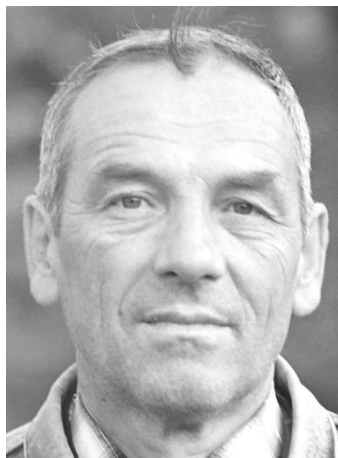
Я слышу слова, что звучат за моею спиной.
Я сам их сказал, и они, точно эхо от звука,
Меняют меня, прогнозируя то, что за мной.
Так я создаю то, что следует, будто бы в шутку.

И я говорю другу: не говори.
Но слышу уже что когда и кому он расскажет.
С тобой заключаю на будущее пари.
И знаю, когда в поражение признаешься сам же.

Ещё я не Бог. Но учусь, никому не вредя,
Себя поднимать на завышенные зениты.
И если однажды пойму, что живу не любя,
Живу и живу не любя... я скажу: извините, —

Здесь были слова, что меня позовут за собой.
Здесь поезд рванёт по единственному маршруту.
А тот, кто позвал, — он и ты, и — любая, любой.
Ведь ты создавал то, что следует, будто бы в шутку.

*Владимир
Володин*

ПРОГУЛКА ПО МИТРИДАТУ

Я, вне определённых дат,
В часы печали или грусти,
Иду на гору Митридат,
Надеясь, что меня отпустят
Узлы сомнений и забот,
Те, что плетём из года в год.

Рядами стихотворных строф
Остались позади ступени.
Здесь, в царстве солнца и ветров,
Живут забытых предков тени;
Здесь над просторами степей
Спит вечным сном Пантикапей...

Воронками истерзан склон.
 Дот, немощный и жалкий ныне,
 Навеки онемевший, он
 Порос ромашкой и полынью.
 Невдалеке погребены
 Герои — честь и боль страны.

Чтоб подвиг их не забывали,
 Как меч, что к бою обнажён,
 Здесь памятник сооружён
 Из горьких керченских развалин.
 И по краям трёх серых скул
 Три пушки встали в караул.

Чуть ниже, в зелени листвы,
 Горой прикрытые от ветра,
 Текут через бугры и рвы
 Каскады улиц в стиле «ретро».
 И дух прадавней старины
 Отмечен оспою войны...

Весь, мной любимый, косогор
 Укрыт душистою травой.
 Он с детства дарит мне простор
 С небес и моря синевою.
 (Меж ними, вылез напоказ,
 Российский Северный Кавказ.)

Я лягу навзничь на траву,
Грудь напрягая полным вдохом,
Вдруг осознав, что я — живу!
И в общем, всё не так уж плохо!
Я своему прозрению рад.
Спасибо, мудрый Митридат.

СТИХИ

Как в воде озёрной — облака,
Как зари оттенки в облаках,
Так мечта, свободна и легка,
Ясно отражается в стихах.

Стих с мечтой попробуй, раздели.
Это — словно музыка и слух;
Это — как вода и корабли;
Как июнь и тополиный пух.

С лёгкого бумажного листа,
По ступеням лестницы словес,
Чья-то дерзко-смелая мечта
Мягко приглашает в мир чудес.

Все мечты сбываются в стихах,
А рутина тает, словно дым.
Хочешь — рей, как птица в облаках.
Хочешь — вновь люби и будь любим.

Там на космодроме корабли
 Старта ждут. Задержка за тобой;
 Рати к полю боя подошли.
 Дай команду: «В бой!», или «Отбой!»

Все мечты сбываются в стихах:
 Подвиги, свобода и грехи...
 Там — тоскуют принцы в женихах.
 Феи след скрывают лопухи...

Парусом фантазий, не спеша,
 Улови потоки красоты.
 И поймёшь: жива ещё душа.
 А в душе довольно чистоты.

И стихи рождаются в мечтах...

МАСКАРАД

Отцвёл цветком огромным, красным,
 Увял закат.
 Шла Ночь, хозяйкой полновластной,
 На маскарад.

Легко, как будто на пуантах.
 Беззвучен шаг.
 В небесный бархат — бриллиантов
 Просыпан мак.

На водоёмах и на долах —
 Вуаль-туман.
 И лунным серпиком заколот
 Зарниц султан.

Вот, под её немым приказом,
 Встряхнув листвою,
 Куст обернулся дикобразом,
 А пень — совой...

Театр теней: фигуры, лица...
 Под звездопад,
 До самого рассвета длится
 Бал-маскарад.

БЕЛАЯ АКАЦИЯ

Лунный полог белую акацию
 Мягко тронул краешком крыла.
 Проявил листвы конфигурацию,
 Отчеканил грацию ствола.

Посчитав подарками отменными,
 Бриз влюблённый, сняв с морской волны,
 Вплёл ей в кудри грозди белопенные.
 И они изысканно нежны.

А она, в прелестном одеянии,
В подвенечном платье и фате,
Наполняет ночь благоуханием —
Молчаливым гимном красоте.

РАЗЛУКА

Звон. Трель свистка. Перрон качнулся
И от меня тебя унёс...
Я в тёмном тамбуре очнулся
Под звонкий лязг литых колёс.

Я вынул с адресом листочек,
Что ты вложила в мой карман.
На нём — лишь вереница точек —
Птиц, улетающих в туман.

И понял я, так запоздало,
Что в жизнь мою вошла беда;
Что в полусумраке вокзала
Ты растворилась навсегда.

И поздно думать о стоп-кране.
Я время вспять не поверну...
Как неслух, запертый в чулане,
Я в горьком тамбурном плену.

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

Скрылась в море солнца лысина.
 Но почти ещё светло.
 И заката цвет немыслимый
 Красит облака крыло,
 Что над водною пустынею,
 В поднебесной глубине,
 Ярко-розовым на синее,
 Пало в мягкой тишине.
 И глядим, как прежде рядом мы
 На тускнеющий закат.
 Только б не столкнуться взглядами.
 Каждый — будто виноват.
 Не соприкоснёмся душами:
 Наши души взаперти.
 Ты молчание нарушила
 Горьким выдохом: «Прости...»
 Звёзды высыпались крохами.
 Одинокие шаги
 Тают меж прибоя вздохами...
 Вот такие пироги.
 Поздно что-то сделать пробовать.
 Хоть зови, хоть не зови...
 Я прибоя слушал проповедь
 О бессмертии любви.

НЕ ЗОВИ

Ты не зови меня. Напрасно:
Ещё обида сердце жжёт,
И повсеместно, и всечасно,
Как страж бессонный, стережёт.

Ты не ищи со мною встречи.
Былое счастье позади.
И ручек нежных мне на плечи,
В надежде тщетной, не клади.

Ты не заглядывай мне в очи.
Дыханием не обжигай.
И... на излёте дивной ночи,
Как сладкий сон, не убегай.

* * *

Мне бы чërта-коня,
Да без края простор.
Там, где бубен, звеня,
Раздувает костёр.

Небо — звёздным шатром,
Степи — пышным ковром,
Где цыгане поют:
«Фэдрэмэлд бариром...»

Искры плавный полёт;
Блеск улыбок, очей;
Серьги, бусы вразлёт
И потоки речей.

Небо — звёздным шатром,
Степи — пышным ковром,
Здесь цыгане поют:
«Фэдрэмэлд бариром...»

Пусть стройна и нежна,
С жарких губ, навесу,
Даст отведасть вина,
Как с бутона — росу.

Небо — звёздным шатром,
Степи — пышным ковром,
И цыгане поют:
«Фэдрэмэлд бариром...»

* * *

Всю ночь кричал циклоп-маяк
На берегу скалистом,
Что налетел циклон-маньяк
С дождём туманно-мглистым;

Что от его шальной гульбы,
Кипя от возмущенья,
Вставало море на дыбы
В слепом порыве мщенья.

Был трусоват циклон-злодей.
Как ни бузил, ни злился,
Седую бороду дождей
Смотал и удалился.

И видно стало поутру:
У скал маяк маячит,
Да волны стадом кенгуру
Равниной моря скачут.

* * *

В нашем посёлке дачном
Осени торжество.
Воздух такой прозрачный,
Словно и нет его.

Меж облаков сугробов
Синего неба щель.
Ветер бодрящий знобок,
Носит сырую прель.

Ворох опавших листьев
И хризантем цветы;
Шубою рдеют лисьей
Зябнущие кусты.

Там, где побольше света,
С солнечной стороны,
Рыжим котёнком, лето
Спит у сухой стены.

ОСЕНЬ ПРИШЛА

С утра всё холодом пронизано
(За то спасибо ветру шалому),
И, языком дождистым, слизаны
Со стен афиши обветшалые.

Поблёскивая мокрым гляncем,
В преддверье ранней темноты,
Грустят деревья-оборванцы,
Грустят оборвыши-кусты

О том, что ветер-шут неистовый
Раздел красавицу акацию,
Весь двор укрыв листвой цветистою,
Как мозаичной аппликацией;

Что тополь, сучья к тучам вздыбив,
Расставшись с жухлою листвою,
Вдруг стал похож на остов рыбий,
Зарытый в землю головой...

А рядом — море отдохнувшее
Волнами машет зло и весело.
И небо, влагою набухшее,
В него сырое брюхо свесило.

И злые тучи-барракуды,
Сбиваясь в серые стада,
Плывут, неведомо откуда,
Плывут, неведомо куда.

* * *

Лето устало. В отпуске лето.
Греется, видимо, в Африке где-то.

Звёздная перхоть с бархата неба
Сыплется, колкими крошками хлеба.

Сыплет на море. Сыплет на город.
Сыплет на голову, плечи, за ворот.

Стылые ветви мокро обвисли.
С тыла заходят постылые мысли:

Мол, не востребован. Дескать, не нужен.
Побыл отцом и почислился мужем...

Хоть и не стар я, но и не молод.
Я неприемлю слякотный холод.

Старых друзей разбросало по свету.
Видимся редко. Являются к лету.

Тает эпоха любви и успеха.
Вымрут «битлы». Отпоёт даже Пьеха...

Жизнь проживаю бесцельно-коровью.
Полон я нежностью. Полон любовью.

Кто бы добавил капельку ласки —
Вспыхнет Вселенная райскою сказкой!

* * *

Расхлюпалась, расплакалась погода,
В такой печали, что не передать, —
О том, что нам в ближайшие полгода
Особого тепла не стоит ждать.

Но из-за моря, по равнине зыбкой,
Примчался южный ветер в гости к нам.
И солнце, лучезарною улыбкой,
Игриво заскользило по волнам...

То — снег с дождём, да зябкие туманы,
 То — солнцем ослеплённые дома,
 Да небо — ярко-синим океаном:
 Знакомьтесь. Это — крымская зима.

ЕЁ АПРЕЛЬ

То было явью или сном?
 Позвав по имени,
 Нежнейший голос за окном
 Молил: «Впусти меня...»

В зарю покинули постель
 С мечтой во взоре Вы.
 А за окошком ждёт апрель.
 Апрель лазоревый.

К окну приникли Вы в одной
 Ночной рубашечке.
 И водопадною волной
 На грудь — кудряшечки.

Под первый луч — тугую грудь
 И щёчек ямочки.
 А взгляд, гляди, апрель, как жгуч
 У юной дамочки.

Ух! Взгляда искромётный пыл!
 Ох, губки бантиком!
 Циничным скептиком я был,
 А стал романтиком.

Не вьюга на душе — капель.
 Вот так история!
 А виноват во всём апрель.
 Апрель лазоревый.

О САМОМ ГЛАВНОМ

Если не желаете — не верьте.
 Мне и самому не по нутру,
 Что я в мир явился перед смертью.
 Скоро обязательно умру.

Разве что, сумею отучиться.
 Да ещё, пожалуй, отслужить.
 Если повезёт, то и жениться,
 Чтоб не так охотно было жить...

Только я уверен, без сомненья:
 В этот мир явился я не зря,
 Ежели с вершины вдохновенья
 Видел, как рождается заря;

Если в роще обнимал берёзку
 Летней ночью в звёздной тишине,

И, деля с друзьями папироску,
У костра в лесу сидел на пне;

Восхищался пламенем заката,
Отражённым в ласковой волне,
И степным, пьянящим ароматом
Вдоволь надышался по весне.

Пусть и рано говорить о тризне,
Коль меня священник не отпел,
Всё, что я считаю главным в жизни,
Я, похоже, всё-таки успел.

РОЛЬ

Отец собой и мной гордился
В далёком, рядовом году.
А мир не знал, что я родился,
Как не заметит, что уйду.

Я не командовал войсками,
Не грабил и не убивал.
Всю жизнь, вот этими руками,
Я хлеб насущный добывал.

Мне не пришлось открыть америк.
Я и Сибирь не покорю...
А море так же лижет берег
И стаи птиц летят в зарю.

Насквозь пронизана ветрами,
 Благоухает степь, звеня;
 Курганы, тюркскими шатрами...
 Всё — так же, как и до меня.

Наследства я не дожидался.
 Умел обманывать беду.
 Я не запомнил, как рождался
 И не замечу, как уйду.

А в чём моё предназначенье,
 От мальчика до старика?
 Не в том ли, что и звёзд свечение,
 Или цветение цветка?..

* * *

Ранней юности года... Были? Не были?..
 Судьбы на себя в мечтах лихо мерили:
 Сочиняли для друзей сказки-небыли
 И, рассказывая, свято в них верили.

И, стремясь за облака в гору, в небо ли,
 Низвергаясь в глубь морской бездны-впадины,
 Кем же мы в своих мечтах только не были!
 Разве — трусом, подлецом или жадиной...

Я напрасно, видно, губы раскатывал.
 Жизнь всего одна дана (или дадена).
 Побывал не только тем, кем загадывал:
 Где-то трусом, подлецом. В чём-то — жадиной.

Испытать пришлось и много, и всякого.
 И, сверяясь нынче с вымыслом прошлого,
 Нахожу я жизнь какой-то двоякою.
 Но считаю, больше было хорошего.

Пусть судьба не только мёдом пропитана.
 Много бед в пути я встречу непрошенных.
 Может, более, чем было испытано.
 Но я верю — перевесит хорошее!

*Николай
Мариин*

СУТЬ

Суть
 когда-то,
 в доисторические даты,
 покинула
 материнскую утробу,
 и на буквенных слитках,
 как на золоте,
 навек
 поставила
 высшую пробу:
 «Человек».

И забренчали
у Сути
у юной
в душе
новорожденные струны,
и звёзды —
Большой Медведицы
роздымь,
и Солнца и Луны
дуэт
бесконечный,
как в небе Млечный,
след.
А след земной —
дуэт Бытия:
в потомстве
внуков
и в книгах моих,
что рождались в муках —
и это
рай
мой
и конечная
живая
Суть моя.
Суть женщины,
с Лешим
повенчанной,

разбазарила
души своей

Зарево:
ей осталась
ночь,
как жало.

Сердцем
и Богом повенчана —
счастливая женщина.

Похоже,
семейные драмы
творит
безбожье,
и как вулканы,
взрываются
сердечные раны,
когда жёны
грешат.

И в том —
Суть причины,
что уходят
мужчины
от неверной
половины
из ада
хором
в рай
шалаша.

У старости
 повечерели радости
 и глаза.
 В них айсбергом
 окаменела
 Сути слеза.
 И бредёт,
 опираясь
 на трухлявую клюку,
 в последнюю
 свою
 тоску.

Вот —
 Суть.
 Суть
 с Рожденья
 и до Кончины.
 А Между?
 Какие
 НАДЕЖДЫ
 сгорели, как лучина?
 Какие
 КРИВЫЕ
 мне Суть
 ещё
 начертит?
 Какие
 ЗИГЗАГИ?

Вопросы,
 как грозы.
 Спасая от смерти,
 я ливнем
 швыряю их
 Вечной
 бумаге...

ЗАКОНЬЕ

боль были

*«Любовь большая
 предательства не прощает...»*

I

Ночное окно
 звёздами
 застеклено
 и светится
 медью месяца.
 В законной постели
 страсти
 тайные
 дуэтом запели.
 Звёздам и луне на смену —
 окно
 застеклилось
 супружеской изменой.

Но внезапно,
 как гром
 за окном
 ясным,
 повисла
 над сладострастьем
 опасность:
 явилась
 супруга из ниоткуда,
 словно
 с неба свалилась,
 и взорвалась:
 — Ах ты иуда!
 Муж
 прервал секс:
 в нём спружинил
 зловещий
 рефлекс,
 и наотмашь,
 с наглой усмешкой,
 в спешке
 двинул
 свою половину
 по солнечному сплетению,
 и в нём
 наступило затмение.
 Окно
 трагедией заволокло.
 Жена,

словно лопнувшая струна,
 бутылкой
 хрясь! —
 по усмешке.
 И брызнула улыбка
 струей красной,
 обильной:
 супруга
 за измену
 убила любимого.
 И
 на стенах
 каплями крови
 расставила все точки над «і»
 в его судьбе
 и в своей —
 вдовьей.
 Кровавым автографом
 на бумаге беды
 оставила
 свои следы,
 жуткие и гневные,
 овдовевшая
 ревность.

II

Любовь большая
предательства

не прощает.

Возликовал

проём оконный,
возмездием застеклённый.

Но прокурор —
уголовных кодексов эрудит —
вынес

свой вердикт
статьёй:

“Виновата
стерва!”

И паутина

стальных
тюремных

прутьев
в каменном запрудье
переплелась

с паутиной
её нервов.

Над свободой

свод свела
непроницаемая мгла.

В железной раме,
как на экране,

заметалась

тревога

длинных ночей,

думающих о ключе

зарешёченной

берлоги.

Глухонемая бессонница

укрыла

беспокойным одеялом

думы,

воспалённые и усталые,

горемычной

законницы.

Узница

никогда не забудет.

Как рьяные

законники,

Фемиды законники,

повесили

на её груди

обжигающую табличку

со страшной статьёй:

“Убийца!”

В законном квадрате,

тело,

закованное в фемидовские латы,

иссякло

в бессилье,

в безнадёжности утонуло.

Душа —

к Богу рванулась.

Но надзирателей рати,

воткнувшие

свой глаз

в дверной глазок —

одели

душу

в каменное платье:

в зоне

тюремного законья —

надзиратель

бог.

III

«Стынь камерная...

сгинь,

каменная...»

И адвокат

разметал

обвинительные тучи

милосердной статьёй:

«Несчастный случай».

И

по знаку судебного жезла

тяжёлая мгла

над невольницей

исчезла.

Плоть свободная

и, как дуновение ветерка,

легка,

выпорхнула

из тюремного мешка

в законье,

где воля восседает на троне.

Скрылись

за горизонтом нервов

грозы,

прокурорские вихри

утихли,

и страдалица

на могиле мужа

посадила

его любимые

чёрные

розы.

Душа усопшего

витают в далях,

где нет ни радости,

ни слёз,

а над

могильной земельцей

перезвонно

рыдают

колокольчики

роз

И КОЛОКОЛ

ВДОВЬЕГО

сердца.

ШЕЛУХА

Во все века

невостребованная,

как

соломенная труха,

росла

и размножалась

шелуха.

Но упорно

освобождались

из её плена

зёрна,

и появлялись

на свет,

из зерновой массы —

масло

или —

шербет.

Посоветовавшись с Богом,

время,

очень строго,

как шкурку от картохи,

отделяло

шелуху

от эпохи,

чтобы ожила потом на бумаге

нескорая,

но —

правдивая История.

Не зря

римские ораторы,

изощряясь

в словопрении вещем,

ратовали

за

избавление от мишуры

красноречия.

Но,

оседлав посольское кресло,

дипломаты

всегда были

рады

витиеватости словесной.

А дружба,

как хрустальное стекло,

мутнеет,

если

пеленой раздора

хрусталь заволокло.

Шелуха —

основа

любого греха,
особенно
супружеской измены.

И когда

этот микроб
проникал в вены —
убить его мог

только

гроб.

Кожуруется

любовь —

мудрые пары
от муры

очищались.

Семьи глупцов —

шелушинками

распадались.

Из твёрдой

среды

руды

вылущивают

зёрна

золотые и железные.

Всходы

щетины

моей бороды —

косит,

в мыльной росе,
бритвенное лезвие.

А тот комочек,
что в груди,

слева,
всем невзгодам
вопреки,

я хочу
освободить
от мутных плевел
разочарований
и тоски.

Из яйца —
жёлтого дворца,
проклюнулся
и выпал
из скорлупы пелёнок
цыплёнок.

«Ах,
ты
моя
детка!» —
квохчет

возле ненужных оболочек
наседка.

Эх,
шелуха,
выпестовав живую природу,

ТЫ —

исчезала навеки,
как воды,
 что отходят
при рождении
ЧЕЛОВЕКА...

ОДИНОЧЕСТВО

«Какое мне дело до вас до всех, а вам до меня...»
(из к/ф «Последний дюйм»)

Ах,
Медведицы,
 мои созвездницы, —
и Малая, и Большая!
На всём земном шаре
аж
 до ваших берлог, —
самых дальних, —
я одинок,
 как Бог,
и горше нет страданий.
Всевышний,
 создавая белый свет,
считал
элементарным,
чтобы люди
 жили
 все

попарно,
хоть у Самого-то
пары нет.

А у меня —
есть,
только очень хреновая пара:
хромая
и слепая
старость.

И потому
в развалинах души моей
овальной
точечкой
тоскливо запульсировало
одиночество.
И выросло
оно
в сферическую линзу сердца,
через которую
не проходят
извне

лучи
радости
и коммуникабельности.
Но где-то
в моей памяти
сохранился
лаз,

который,
 на беду мою,
 значительно
 стал
 `уже.
 И зря я
 т`ужусь
 протиснуться
 в общительность.
 В одиночестве,
 как соль в воде,
 я растворён.
 Быть горьким тузлуком
 Творцом
 приговорён.
 О, Боже,
 обитая в звёздах,
 зачем
 меня Ты сиротою создал?
 Ведь даже Тебе,
 жителю небесному,
 было
 невмоготу
 неестественное:
 носить
 на своих плечах
 одиночества груз.

Поэтому
 Ты стал
 Триединым,
 обзавёлся
 Духом и Сыном
 по имени
 Иисус.
 Да,
 я не такой,
 как все,
 и в росе
 людей —
 живой природе, —
 стал росинкой
 инородною.
 Но,
 пока я жив
 и пока
 не бюст
 бронзовый или гипсовый, —
 Всевышнему
 молюсь,
 к Нему
 несу
 на исповедь
 клочья души,
 которая в заплатах,
 одиночеством
 облатанная.

И на его
кресте
распятая.
Одиножды один —
это я:
словно в изолированной камере —
без гнезда
камень.
Нелюдим
и не любим,
и в землю
уйду один.
Знаю:
в сердце каждом
ликуют
разноцветные столицы,
а в моём —
стынет ртутный туман.
И сегодня я
листаю
одинокства страницы,
словно нескончаемый
роман.

*Талина
Дмитрюкова*

СТРАННЫЙ ГОРОД

Я опять в этом городе. Когда-то давно, я уже была здесь однажды. Его старые улицы с невысокими домами немного напоминают греческие лабиринты, построенные в стиле классических прямоугольников. Вот, за поворотом, должен быть полуразрушенный храм, столь величественный и теперь, что к его подножию тревожно подходить. Взгляд так и приковывает к его большим аркам, украшенным каменными изваяниями каких-то фантастических животных. Вот он! На фризе, едва различимы, выпуклые надписи на незнакомом языке. Краска на них, цвета терракоты, вся по

блѣкла от времени. Очевидно, это было грандиозное культовое сооружение. Мне хочется приблизиться и войти, но замечаю, что с одной стороны ведутся реставрационные работы, и, с сожалением, медленно обхожу храм, не решаясь войти в ворота с дивными арками. Я так давно стремилась сюда, и теперь моя душа была в ликующем восторге, словно вернулась в родной дом.

Повернув вправо, иду по короткой улице, продолжая оглядываться, время от времени, на это чудо древнего зодчества. Храм как будто с укором смотрит на всех с высоты и через века.

Опять поворачиваю, но уже влево, и по длинной улице иду неспеша, разглядывая редких прохожих и удивляясь тому, что большинство домов огорожены слишком высокими каменными заборами, с одними только калитками, без других проѐмов.

Улица вдруг резко заканчивается на крутом обрыве, и я вижу, что внизу располагается другая часть города, куда ведѣт довольно крутая лестница с небольшими площадками для отдыха. Город расположен как бы террасами. Я подхожу к проходящей мимо меня пожилой женщине и спрашиваю, как попасть в нижнюю часть города. Она довольно любезно мне отвечает, объясняя, что нужно спуститься по лестнице. Мне почему-то кажется, что она говорит не на родном языке, хотя без всякого акцента.

Делаю пару шагов и, глянув вниз, понимаю, что спуск займёт слишком много времени. Тогда, легко оторвавшись от земли, я расправляю руки и взлетаю. Меня охватывает знакомое чувство лёгкости. Из-за зелени, укрывающей всё внизу, было плохо видно лестницу, и я взлетела чуть выше. Моё длинное крепдешиновое платье было в цвет зелени и делало меня похожей на бабочку. Пролетев немного, я увидела людей, поднимающихся по лестнице. Мне почему-то не хотелось, чтобы они меня заметили, я боялась их испугать. Заметив внизу крышу небольшого строения с площадкой, я осторожно опустилась на неё, но тут же увидела удивлённые взгляды людей. Они, оглядываясь на меня, молча поднимались по лестнице. Вниз почему-то никто не спускался. Я стояла довольно близко к ним, и обратила внимание, что большинство из них были пожилыми. Вдруг, обгоняя других, на площадку для отдыха заспешила женщина в тёмной шляпке, приветствуя меня. Рукой в короткой белой перчатке она помахала над головой и, улыбаясь, говорила проходящим людям, что я её знакомая. Мне тоже было знакомо это лицо, но я никак не могла её вспомнить. В её тёмных глазах была такая радость, что очень контрастно выглядело на фоне всех строгих лиц. Она помахала ещё рукой и бодро побежала вверх по лестнице.

Я взмахнула руками и полетела, планируя то выше, то чуть опускаясь. Я легко управляла своим

телом, почти невесомым, и сожалела, что жители этого города так не могут, и чувствовала от этого себя ещё большей чужестранкой.

Опустившись на землю, я некоторое время бродила по нижнему городу, встречая редких прохожих и удивляясь малочисленности жителей. Вдруг меня догнала светловолосая девочка лет десяти, и с улыбкой поманила за собой, запросто сказав, что хочет мне что-то показать. Мы поднялись на одну из террас, и метрах в шестидесяти я увидела небольшой домик, старый, покосившийся, без забора, с маленькими окошками и узкими дверьми. Около него был небольшой ухоженный палисадник с чудесными цветами, такими яркими и знакомыми, что я даже растерялась от неожиданности. Невдалеке я увидела цветы ещё красивее, целую лужайку. Это был цветочный островок среди зелени и залитых солнцем домов. Притрагиваясь к цветам, я называла их по именам и глаз не могла отвести от этого чудо-уголка. Девочка беззаботно побежала дальше, маня меня за собой, к другому небольшому домику, с голубыми окошками. Здесь тоже был цветник. И казалось, что вот сейчас из домика выйдет Мальвина — девочка с голубыми волосами, и её верный пудель Артимон. Но вышла моя знакомая, светловолосая девочка и пригласила меня войти. Я вошла. Маленькие комнатки были все в коврах, на окошках — накрахмаленные занавески. Всё это напоминало о чём-то

далёком и милом сердцу. Девочка что-то говорила, показывая всякие безделушки, очевидно, свои богатства, но я не слушала её, а, улыбаясь, рассматривала жильё. Побыв немного в доме, мы вышли во дворик. Солнце склонялось к западу, день уже угасал. Девочка собрала для меня букет из красных маков, которые заалели в моих руках, как закат.

Мне пора было уже возвращаться из этого сказочного города и, попрощавшись с девочкой, я пошла знакомой дорогой. На перекрёстке я увидела молодого мужчину, явно кого-то поджидающего. Ещё раз подивившись столь редким прохожим, я поравнялась с ним. В этот миг он повернулся ко мне, смерив беспристрастно-оценивающим взглядом, но тут же отведя глаза. «Сейчас он пойдёт за мной.» — подумала я, то ли от того, что было мне здесь одиноко, то ли от его равнодушного взгляда. Он окликнул меня. Я шла, не останавливаясь, зная, что он захочет меня проводить.

Мужчина быстрыми шагами догнал меня и как-то торопливо спросил: «Можно, я провожу вас?». Я пожала плечами. Мы шли молча, пока улица внезапно не закончилась. Он ни о чём не спрашивал. Я остановилась и сказала, что уже пришла. Впереди дороги не было, мы стояли у края обрыва, а где-то внизу всё утопало в зелени. Совсем низко над нами плыли облака, сливаясь с вечерним туманом. «Можно мне с тобой?» —

вдруг спросил он. Его серые глаза были такие печальные, что мне стало жаль его. Длинные чёрные волосы, собранные на затылке, придавали его лицу строгость. «Нет, я живу не здесь, — ответила я. Он не спросил, где, а посмотрел пристально в мои глаза. — Не смотри на меня, а то не сможешь забыть, — пошутила я. — Живи в своём городе, он такой странный...». «Возьми меня с собой!» — Он начинал мне нравиться своей настойчивостью. «Ты ведь даже не знаешь, куда я отправляюсь!» — Удивилась я. «Это не имеет никакого значения!» — ответил он и взял меня за руку. Я улыбнулась. Это было действительно смелое решение. Мягко оттолкнувшись от земли, мы взлетели. От лёгкого ветерка, букет маков трепетал в моей руке. Я посмотрела на своего спутника: его глаза были широко распахнуты, в них был неопиcуемый восторг.

Я проснулась, но ещё долго не раскрывала глаз, размышляя о странном городе. Какой замечательный сон! Может, разрушенный храм — это мои несбывшиеся мечты, светловолосая девочка, манившая меня, — удивительный зов другого мира? Ведь цветы — это связь земного и небесного. Я вспомнила лицо незнакомца из странного города. «Наверное, он был просто воплощением жизненных сил, подарком небес.» — Подумала я и, улыбаясь, прошептала:

Твоё лицо украсила улыбка
И лёгкий ветер запах трав принёс,
И наша встреча не была ошибкой,
А просто воплощением давних грёз!

Я открыла глаза и увидела на столе букет
маков. Со спинки стула свисало зелёное платье из
крепдешина.

За окном медленно падал снег...

* * *

Пришёл закат пожаром маков алых.
Букет из них я срезала в саду.
Ночь улеглась торжественно на скалы,
Кувшинки спят на дремлющем пруду.
Рассвет, что медлишь? Ты расстаться с ночью
Не можешь? Бледный, вовсе не спешишь!
Глядишь ей в тёмные сияющие очи
И ждёшь зарю, и преданно молчишь.
Тебя уж день зовёт, сверкающий и ясный!
Он веселится, радуясь, поёт
И ждёт тебя, и видно, не напрасно
Лучом искрящимся свои полотна ткёт.

* * *

Звёздами украшу небосвод,
 Облаками выстелю постель,
 Из прозрачных серебристых вод
 Для тебя спряду я канитель,
 Чтобы легче воздуха была
 И крепка, надёжна, словно сталь,
 В платье из неё чтоб ты плыла
 В воздухе искристом, как хрусталь.
 Солнце нарисую и цветы,
 Луг зелёный, блещущий росой,
 Чтобы по нему гуляла ты,
 Милая, с распущенной косой.

*Михаил
Чудновский*

ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Война с фашизмом продолжается.
 Борьба словесная идёт.
 Добро со злом вовсю сражается:
 Немало тех, кто подло льёт
 «Бензин» на угли безрассудства,
 Что густо тлеют там и здесь.
 Нашлись среди людей искусства
 Забывшие про совесть, честь;
 Талдычат ложь средневековую,
 Злым мифам жизнь давая вновь.
 А где ж разумное, толковое,
 Где к людям, к Истине любовь?

Но, одолевши все преграды,
Она своё возьмёт. И вот
Народам главная награда:
На Землю вечный мир придёт!

* * *

Пока конфликты далеко, —
Спокойно слышим анекдоты
Про чукчей, молдаван, Абрама,
Что не идёт по жизни прямо,
А — криво... Предрассудков — доты.
Разрушить их, ох, не легко!
Но есть же Истины взрывчатка!:
«Бух!» — Домыслы такие — всмятку!
И жить мы станем безопасней,
А значит, чуточку прекрасней!

СЯЙВО ДРУЖБИ

Вони дружили довго, гарно, гідно:
Гофштейн і Рильський — різни два поети.
Друг з другом спілкувались дуже плідно,
На радість читачам усій планети.

Гофштейна знищив Сталин — диявол з неба.
Живим залишивсь Рильський; в час Відлиги
Про друга він писав. Шляхетність мати треба,
Щоб так дружити. Тому й їхні книги

Століття проживуть: вони, як промінь,
Ведуть нас крізь життя бурхливий гомін.

ЧТО НУЖНО ПРИБЛИЖАТЬ

сказка для взрослых

Вот уже 60 лет ад оглашается то воплями отчаяния, то смехом от получаемого удовольствия. Так дух Гитлера реагирует на отсутствие или наличие межнациональных конфликтов. Впрочем, когда таковые явления в явном виде не наблюдаются, то бесноватый получает удовлетворение и от отдельных публичных оскорблений какого-либо народа, совершаемых политиками, журналистами, горе-историками.

Радостно хихикал он после того, как летом 2004 года один из народных депутатов Украины, выступая на митинге, оскорбил русских и евреев. Ещё больше заливался смехом фюрер, когда узнал о подписанном девятнадцатью депутатами Государственной Думы Российской Федерации письме в Генпрокуратуру страны с требованием запретить все еврейские организации. А ведь использовали они его методы: либо передёргивание фактов, либо явные вымыслы. По их количеству авторы шовинистической писанины приблизились к уровню Геббельса и самого Гитлера.

Его радость объясняется тем, что вибрация Зла в душах отдельных людей, через эфир передаётся в ад и подпитывает энергетику суперзлодея. И наоборот, когда люди тянутся к понятиям Справедливости, Добрососедства, то Свет, содержащийся в них, отражается в их душах и летит дальше по всей Земле.

Попадают его отблески и в ад, и корёжится тогда дух нациста № 1, всё больше уменьшается в объёме. Наверно, когда-нибудь сожмётся он до размера частички атома — протона или электрона. И тогда для него смертельной станет какая-то необычайно яркая вспышка Света, возникшая от мощной концентрации добрых дел.

Люди, давайте приблизим это время!

*Анна
Гудновская*

СКАЗКИ-МИНИАТЮРЫ

СПИЧКА

Влюбилась Спичка в Спичечный Коробок. «Ах, какой он прямолинейный, многогранный, красивый!» Вспыхнула Спичка и сгорела дотла. Ну, не умела она любить по-другому! А Коробок... а что — Коробок?! У него этих Спичек вон сколько...

МУРАВЕЙ

Басню о Стрекозе и Муравье все знают. Прогнал Муравей Стрекозу, а вот что дальше было, это мы вам сейчас и расскажем.

О Стрекозе знаем мало. Как перезимовала, что с ней случилось — не известно. Растаяла её судьба в потоке времени.

А Муравей остался в своём муравейнике. Трудился с утра, до самой ночи. Былинку найдёт — тащит, ножками упирается. Соломинка попадётся — и её волоком волочит, прогибается, кусочек мухи засохший — и той не побрезгует.

Так время и пробежало. Старым стал Муравей, не чёрный уже, а какой-то серый. Трудно ему стало работать. Поставили его муравейник охранять. Сидит он около муравейника, — тихо, пусто вокруг, и вся прожитая жизнь вспоминается. А вспомнить-то и нечего... Не замечал Муравей за работой ни красного солнышка, ни мягкой травы-муравы, песен птичьих не слышал. Так и жизнь прошла. И с грустью понял Муравей, что всё, что он может вспомнить прекрасного, — это огромные зелёные глаза Стрекозы и её большие радужные крылья... Так-то.

ЛУЖА

Прошёл тёплый летний дождь. И осталась на тротуаре Лужа. Лужа, как лужа. Мы на такие и внимания не обращаем. Это-то Луже и обидно.

Вот остановились около неё Туфельки. Ах, какие Туфельки: лакированные, блестят, на тоненьких каблучках! Лужа радостно метнулась к ним, но Туфельки брезгливо отскочили и гневно

застучали каблучками по тротуару всё дальше и дальше.

Приуныла Лужа. «Ну, почему никто не хочет иметь со мной дела?! Все меня обходят. А ведь я высокого, небесного происхождения, родственница Дождя и Снега. И я так же отражаю небо и облака, как какое-нибудь Озеро. Неужели всё только потому, что я такая маленькая?! Но ведь маленьким тоже хочется внимания. Раньше хоть мальчишки в лужах бумажные кораблики пускали — мне бабушка рассказывала. Теперь они их и делать не умеют, сидят за компьютерами... Неужели, неужели со мной так ничего и не случится?!»

И вдруг прямо на середину Лужи выбежал маленький мальчик в красной футболке и коротких шортиках. Он положил на воду щепку и стал подгонять её ладошкой. Лужа очень обрадовалась. Она ласкала ручонки мальчика и щепку его качала, как настоящий океанский корабль. Правда, вскоре подошла сердитая мама и увела мальчишку прочь, что-то строго ему выговаривая.

Но Лужа была очень довольна, что кому-то понадобилась. И, счастливая, она поспешила испариться, чтобы обо всём рассказать маме Туче.

ЖЕНСКИЕ ЛИЦА

О, тайна женского лица,
Нахмуренного, иль с улыбкой,
Как будто лунный отблеск зыбкий
И заклинание жреца.

Стекают губы, как вино,
В глазах насмешка и страданье.
И женщина — как мирозданье:
Ей жизнь творить разрешено.

В морщинки пристальной взглядишь:
Они, как письма на свитке,
Как след руки на древней плитке —
Автограф, что вписала жизнь.

Тайга подкрашенных ресниц,
И бровь — изогнутая строчка.
Жена, сестра, подруга, дочка...
Нет некрасивых женских лиц!

* * *

Что сокрыто в сплетеньи ветвей? —
Иероглиф японский качается. —
Никогда нам узнать не дано,
Эта тайна для нас не кончается.

Что сокрыто в смятенье ветвей? —
 То ли крик, то ли радость спасения?
 Ветви тянутся ввысь, ветви падают вниз...
 Это жизни самой откровение.

ЗАКАТ НА МОРЕ

Сочится красное вино
 В подставленную чашу моря.
 И волны, торопясь и споря,
 Прозрели истину давно.

Они в бинтах из пены белой
 И в красных пятнах от зари —
 Бредут, повстанцы-бунтари.
 А берег замер, ждёт несмело.

И фанатично их упрямство:
 О скалы бьются вновь и вновь,
 Внутри себя несут, как кровь,
 Своё взрывное постоянство.

* * *

Тишина от тишины устала,
 В гости музыку она позвала.
 И сегодня вместе две подружки
 Разливают Моцарта по кружкам.

РАССВЕТ

Свет и тень. Ночь и день.
Лица домов спросонок хмуры.
И, как водой размытые, —
Редких прохожих фигуры.

Этот рассвет смешал
Прошное и настоящее,
В утлой его тишине
Что-то тоскливо-щемящее.

Серого полотна
У рассвета одежда.
Но из-под пепла утрат
Тлеет ещё надежда:

Может быть, новый день
Будет не против, а с нами.
И улыбнётся рассвет
Солнечными губами.

* * *

Мне сегодня весело,
Просто так.
Ну, чего там хмуриться,
Жизнь моя — пятак,
Мелкая монета,

Не чета рублю.
 Может быть, за это
 Жизнь я и люблю,
 Что сверкнёт, как лето,
 Звякнет, как капель.
 И порой осенней
 Закатится в щель.

БРЫЗГИ

* * *

Я умираю от тоски,
 Иду стирать твои носки.

* * *

Жена пришла с работы рано,
 Придётся срочно встать с дивана.

* * *

Ах, как хочется кутить,
 Когда нечем заплатить!

* * *

Сдаю в аренду новый дом
 С женою, тещей и котом.

* * *

В гости я с утра зашёл,
Пил с хозяином рассол.

* * *

Стакан вина, одна конфета. —
Какая строгая диета!

* * *

Весна. Трава. Любовь и грусть.
Траву курю, а от тебя тащусь.

* * *

Я в столовой съел обед.
Кто последний в туалет?

* * *

«Душа рвалась и трепетала...»,
А тело натянуло одеяло.

* * *

Я за мир во всём мире,
Плюс ещё — в коммунальной квартире.

* * *

Ударили по левой — и правую вам дам.
(Тогда не получу, быть может, по зубам.)

* * *

Выпьем с горя водки море
И от радости всякой гадости.

* * *

Он переводчик классный был:
На русский мат переводил.

* * *

Знает кошка, чьё мясо съела,
Да не знает, сколько оно стоит!

* * *

Плетью олуха не перешибёшь.

*Борис
Случанко-Поплавский*

ИЗ ИСТОРИИ АГОНОВ

В наши дни трудно встретить человека, который бы не интересовался Олимпийскими играми. Ещё в древности, на общегреческих священных играх, победа в Олимпии считалась высшим счастьем, приносила, славу, почёт и любовь соотечественников.

Кроме великих Панафиней, существовали праздники в честь местных богов, культ которых входил в число государственных культов. Таковыми являлись агоны.

Сегодня, как и тысячи лет назад, в мире спорта большое внимание уделяется судьям. За

глядывая в даль веков, мы видим их, вышагивающих с жезлами в руках впереди колонн атлетов. Судьи были первыми на религиозных празднествах (агонах), проводившихся в Древней Греции и её колониях.

Одной из таких колоний являлась Горгиппия, находившаяся на месте нынешней Анапы. Здесь, летом 1895 года, при рытье котлована под фундамент жилого дома, была найдена двухметровая плита из белого мрамора, сохранившая на своей поверхности имена 225 атлетов. Это был своеобразный протокол, записанный на мраморном столбе. Хранится он в Керчи, в лапидарии Керченского историко-археологического заповедника.

Из истории известно, что победители агонев славились не меньше, чем победители Олимпийских игр. Так, в Ольвии был найден декрет в честь знатного гражданина Никерата, согласно которому имя победителя агонев должно было посмертно прославляться на ежегодных народных собраниях.

Почётом были окружены и участники агонев, их организаторы и распорядители. Основание спортивных игр греки приписывали древним мифическим героям и богам, и проводились они в дни религиозных праздников. Таковыми были праздничные состязания в честь бога Гермеса, являвшимся покровителем атлетов, путешественни-

ков и даже... разбойников. Гермес у древних греков считался хтоническим божеством, связанным с заупокойными верованиями. Он проводил души умерших в подземное царство Аида, он же был проводником Геракла по царству мёртвых.

Так как Гермес был покровителем агонов, то, естественно, он был покровителем гимнастических состязаний, проводившихся на них. Верный помощник Геракла, он занимался делами гимнасиев и их руководителей — гимнасиархов. В дни праздников, посвящённых Гермесу, учащиеся гимнасий сдавали экзамен по гимнастике, а самого Гермеса называли «многополезным» и «добросердечным», в его честь сочинялись гимны.

Изучению «гориппийского списка», перевезённого из Анапы в Керченский музей древностей, много внимания уделил крупнейший русский эпиграфист Василий Васильевич Латышев, который пришёл к выводу, что когда-то к начатому списку, увековечившему перечень победителей, добавлялись постепенно имена новых победителей агонов, но высекал их уже новый резчик. Среди них — имена тех, чьи отцы и деды когда-то уже одерживали победы.

Немного мы знаем об агонифетах, которые ведали самими агонами и состязаниями на них, если не считать имени агонифета на остатке списка, найденного когда-то в Ольвии. Сенсацией археологического сезона 2001 года явилось откры

тие, сделанное в Нимфее, при обследовании пропилей, входа в храм. На хорошо сохранившемся архитраве была найдена замечательная надпись второй четверти IV века до н.э. Надпись гласила, что некто Мегаклеос посвятил этот вход, от имени агонифетов, богу Дионису. Из чего следовало, что в Нимфее агоны проводились, посвящённые этому богу виноградарства и виноделия.

Известный археолог, доктор исторических наук, высказываясь о замечательном эпиграфическом памятнике, писал, что неоднократно встречающиеся в нём личные имена Синд и Скиф, показывают, что в городе проживало немалое количество эллинизированных варваров, прежде всего, местного синдского и скифского населения. Это может свидетельствовать о том, что народы эти не исчезли с лица земли, но ассимилировались. И не исключено, что среди нас живут ещё их отдалённые потомки.

Я ВАМ ДАВНО ХОЧУ СКАЗАТЬ

Я вам давно хочу сказать,
 Что мной любим ваш тонкий почерк,
 Сказать, что могут так писать
 Лишь руки женщин-одиночек...
 В одном лице — сестра и мать,
 Не одиночка вы, — святая!
 Вам есть, что людям открывать:
 И дверь души, и двери рая...

Я вам давно хочу сказать,
 Что я люблю ваш тонкий почерк,
 Которым можно написать
 Письмо любви, где много точек.
 В нём мысли, чувства и мечты,
 Как сувенирные цепочки,
 Как отблеск вашей красоты
 И — точки, точки, точки, точки...

*Елена
Бондаренко*

ДЕРЕВЕНСКАЯ НОЧЬ

Деревенская ночь —
 Это нечто вовсе особенное!
 Стрекотанье цикад
 И далёкий собачий лай.
 В этой старой избе
 Ощущаешь себя обособленно
 От сует городских,
 Где всю ночь тарахтит трамвай.
 Воздух льётся в окно,
 Чуть поддёрнув затейливый занавес,
 На белёной стене

Суетится яблони тень.
 Утомляясь душою,
 Только здесь возрождаюсь заново
 И не сплю до зари,
 С петухами встречая день.

* * *

Морозный воздух обжигает лица,
 Хрустит упруго под ногами снег,
 Плетёт узоры чудо-кружевница,
 Несётся с горки серебристый смех.

Как хорошо, как весело, как вольно!
 Легко на сердце и в душе покой.
 Искрится белоснежное раздолье,
 Лишь носит ветром шарфик золотой...

ОЖИДАЯ ВЕСНУ

Кочует тепло по другим континентам
 И март расплескался холодным дождём.
 Весна незаслуженно ждёт комплиментов —
 У юной красавицы лик измождён.

Хоть, в общем, дождь — это вовсе не плохо
 От зимнего плена земля отдохнёт.
 Вот только метель — белобрысая рохля,
 Набухшие почки насмешливо мнёт.

Ропщу, в ожидании ясных денёчков.
 Натянуты нервы, в душе непокой.
 Когда же? Когда? Может, будущей ночью
 Наполнюсь живительным соком — весной.

* * *

Ничего не случилось,
 Не разбилась посуда.
 Только сердце забилося
 В ожидании чуда.
 Только в душу впорхнули
 Серебристые трели
 И глаза распахнулись,
 Звонче птицы запели.
 Всё, что было знакомым
 И обыденно-серым,
 По каким-то законом,
 Стало празднично-белым.
 Я как будто проснулась
 После долгого сна.
 Может, это любовь?
 Может — просто весна...

* * *

Я слагаю стихи,
 Без кокетства — такие, как жизнь,
 Я слагаю стихи,
 Видно, время пришло поделиться,
 Чем живу, чем дышу,
 Чем стремилась всегда дорожить.
 Память прожитых жизней
 Строкой на бумагу ложится.
 Откровенья мои
 Для кого-то, быть может, сложны,
 Для кого-то наивны, смешны,
 Недостаточно тонки.
 Но на всех угодить
 Не смогла даже мудрая жизнь.
 Так примите как есть,
 Сердце друга и душу ребёнка.

* * *

Паутинка стекло
 Оплетает,
 С ветки жёлтый листок облетает.
 Бьётся стужа в окно,
 Точно знает —
 Здесь уют и тепло

Остывают.
 По наклонной бреду,
 Жажду чуда.
 Стынь и холод пришли
 Ниоткуда.
 В сердце тлеет огонь,
 Догорает.
 Протяни мне ладонь —
 Замерзаю!

БАБЬЕ ЛЕТО

Грохнулась туча на землю промозглым дождём,
 Кривляясь, куражась в свинцовых щербатых лужах.
 Простуженный Август, цветным укрывшись плащом,
 Забился под зонтик хрустальных паучьих кружев.
 Благо, Сентябрь заглянул: — Не прогневайся, брат!
 Не доглядел, тучу злобную в погреб не запер,
 Лезь на чердак, отлежись. Это я виноват.
 Вместо меня будешь осенью свадебный шафер.
 Лето прошло, обделённое жарким лучом.
 Свадеб пора. Разгулялась по улицам осень.
 Солнышко греет, кружась в вышине калачом,
 Юноша Август венок над невестами носит.

ЗОВ ЗЕМЛИ

Упаду и землю обниму руками,
 Не жалея силы, соберу все камни.
 Чернозём и глину пальцами просею,
 Потом и слезами орошая землю.

Мать-Земля, прости нас, позабывших корни.
Мы в научной тине, словно в клетке чёрной.
Знаю, зла не помнишь, согревая в стужу.
Проникая в поры, — очищаешь душу.

“Полюшко-поле, раскинься широко, одари богато.
Иду я к вам налегке, соберу побольше травушки,
Одарю ею тех, кто добр и понятлив.
Иду я в зелёные луга, в дальние места,
По утренним и вечерним зорям.
Умываюсь медовой росой,
Утираюсь солнцем,
Прикрываюсь облаками,
Опоясываюсь чистым воздухом.” *

Заночую в роще, под сосной нарядной,
Поцелую стебель смоляной и пряный,
Тоненький росточек, как дитя, взлелею,
Из листочков клейких вылью росы в землю.
Пусть растут и зреют, наливаясь соком,
И пшеничный колос, и трава осока...
Коль потребность будет, на колени встану.
Просыпайтесь, люди! Распахните ставни!

* Молитва Анны Осиповны Приходько (баба Аня-травница, 93 года) г. Керчь (газета “Керченский рабочий” от 6. 03. 2003 г.)

КАПРИЗЫ ДОЖДЯ

Колючий серый дождь хлестал кнутом,
И ветер завывал, стонал и плакал.
И, грохнув костылём, ударил гром,
И на дворе был май. И ворон каркал.

Прозрачный силуэт размыт дождём.
И на душе мороз. И в мыслях студень.
Надорванный портрет, где мы вдвоём,
А на столе свеча. И ужин скуден...

Разлучник хмурый дождь забылся сном.
Рассвет согрел лучом. И выпил лужи.
И снова вместе мы, а грусть в былом.
Я так тебе нужна! И ты мне нужен!

СОЛНЦЕ

Поснимаю решётки с окон,
Оборву все шторы и тюли!
Чтобы солнце с неба высокого
Зазвучало в душе ноктюрном!
Чтоб, наполнив меня собою,
Наделило волшебным даром:
Исцелять равнодушных любовью,
Счастьем знать, что живу не даром.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ КАЗАНОВА

басня

Поймали жертву злые ведьмы,
Приволокли на шабаш в лес:
«Съедем тебя, уж будь уверен,
Ты по уши, приятель, влез!»

Пылал костёр, дрова трещали,
Взлетали искры до луны.
Колдуньи бешено плясали,
Мечтой о трапезе полны.

Эх, кабы знали ведьмы-дуры,
Как разговорчив их шашлык,
И как хитра его натура,
То с корнем вырвали б язык!

Мужчина хилый, право слово —
Не Аполлон и не урод,
Но слыл он местным Казанова,
Хоть был слепым, как старый крот.

Икал от страха, заикался:
Он видел всяких. Но таких!!!
Тяжёлый случай оказался...
А может, просто снять очки?

И сразу всё переменялось,
 Расплылись жуткие черты.
 Ах, слепота, как божья милость,
 Всё обернула шуткой ты.

Мужчинка вмиг преобразился:
 «Не так уж дамочки страшны.»
 Расправил грудь, в плечах налился
 И затянул свои псалмы:

— Очаровательные феи!
 Вы девы ангельской красоты.
 Мечтаю стать певцом! Орфеем!
 Чтоб вас воспеть на все басы.

Сударыни! Нет! Нет! Не спорьте!
 Вы просто дивно хороши.
 Прежде, чем съесть меня, позвольте
 Хвалу воздать вам от души.

Вот Вы — красавица! Мадонна!
 Достоин кисти чудный лик!
 Да Винчи был бы околдован,
 Как жаль, что я не так велик!

А Вы изящней дикой кошки,
 Так грациозны и легки,
 Как тонок стан, какие ножки!
 Ах, умираю от тоски!

А это кто в жемчужном платье,
Словно невеста без фаты?
Готов Вам ручки целовать я
И каждый день дарить цветы!

Вы — Идеал! И я немею.
Вы воплощение мечты.
Похожи чем-то на Медею.
Я пленник Вашей красоты!

Не знаю, что со мной творится —
Я сам себе не господин.
На каждой я готов жениться,
Но много вас, а я один...

Земля-старушка задрожала:
«Кого он выберет из них?»
Вдруг та, что «в белом», завизжала:
«Он мой избранник! Мой жених!»

А та, что так с Медеей схожа:
«Ты в зеркало-то погляди!
Я лет на двести помоложе.
Он мой! Убью! Не подходи!»

Кровавая была делёжка,
Оспаривая шёлк фаты,
Ряды редели понемножку —
Остались космы да хвосты...

Ну, а мужик, очки нащупал,
 Губу печально закусил:
 «Ну, над ж! Просто бес попутал!
 Где это я? Такси, такси!»

Да, любят женщины ушами
 (Лишь единицы чтут «немых»),
 И расстаются с головами...
 Мораль понятна? Кончен стих.

*Сергей
Молодцов*

ЖЕНЕ МАРИНЕ

НАША ВЕСНА

I

Ты помнишь, как наша Весна цвела?
И ни о чём ещё тогда не говорила.
И молчаливою Луна была,
И та Звезда, что так внезапно появилась.

Слегка коснувшись нас своим лучом,
Она, как Сказку, новый Мир открыла.
И стало всё внезапно нипочём —
Волной Любви нас понесло и вихрем закружило...

припев:

И вся Земля вдруг расцвела, как Сад,
И хоровод из Звёзд Луна водила;
Не стало больше никаких преград
Для той Любви, что так внезапно Жизнь подарила.

II

Идут года, но не могу понять:
Как жили раньше мы, до нашей встречи?
Как будто шли мы не вперёд, а вспять,
Вслепую, как в холодный зимний вечер.

Но встало Солнце и пришёл Рассвет.
Заря Любви лучами осветила:
И хоть прошло уже немало лет,
Весенний бал царит в душе и кружит с прежней силой...

припев:

Земля ликует и цветёт, как Сад,
Луна со Звёздами играет в прятки:
Деревья с травами чуть слышно говорят
Об этой, в общем-то, простой Загадке.

III

Так в чём Загадка? А ответ простой
Даёт Любовь, напрасно не тревожа:
Когда один уходит, а другой
Жить без него уже ни дня не может!

БЕЗ ТЕБЯ

I

Без тебя — я, как статист, живу в немом кино.
Жизнь пробегает мимо за окном,
Как будто мутная река...

Без тебя — я, как деревья без своей листвы,
Как небо тёмное, без синевы,
Как стая птиц без вожака...

припев:

Для тебя: душа стихи слагает и поёт,
Сияет Солнце и Весна идёт,
И музыка со всех сторон...

Для тебя: звучит мелодия в тиши ночной,
Её играет, с лёгкой хрипотой,
Друг всех влюблённых — саксофон.

II

Без тебя — без нежных рук твоих и милых глаз,
Повеет холодом в жару, подчас,
И ночь приходит среди дня...

Без тебя — печален красочный цветов ковёр,
И без тепла совсем горит костёр...
Весь этот мир не для меня...

припев.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Люблю тебя... Два слова. В них вся соль,
Весь смысл жизни и души горенье;
И радость встречи, и разлуки боль;
Осенний листопад, весны кружение...

Люблю тебя... Твой, голос, шёлк волос,
Тепло души, лучистый взгляд...
Пусть жизнь наша, в общем, из полос,
Взгрустнётся — оглянись назад.

Калейдоскоп: кристаллик — светлый, тёмный...
Всего хватает, что и говорить.
Но там наш Мир, и он такой огромный;
Он Был и Есть. Ему и дальше Быть.

Как буса к бусинке, ложатся год за годом,
Струится жизненный ручей, налажен быт;
Сменяются лишь время и погода;
Спокойно всё; в душе — горит.

В костре том: верность, преданность и нежность,
Печаль от расставаний и разлук;
Забота, радость, боль и безмятежность,
Вкус губ, глаза, изгибы милых рук...

Любовь: когда уходит — больно нам;
 Любовь: когда мы рядом — радость;
 Любовь: как парусник, летящий по волнам;
 Любовь нельзя купить, она — Награда!

ПО СТРУНАМ ДУШИ

ЧЁТ ИЛИ НЕЧЕТ

Жизнь мелькает, как шарик в рулетке:
 Черно-красное; может быть, «ноль»...
 Жизнь — Зебра, Юла и Кокетка.
 Самому здесь не выиграть. Уволь.

Всё решает Величество Случай.
 То ты скачешь, то тихо ползёшь;
 То взираешь на мир, гордо, с кручи;
 То по грязи оврага бредёшь...

И играет всю жизнь в «чёт» и «нечет»
 С нами то, что зовётся Судьбой.
 Не пытайся давить ей на плечи,
 Забивать её уши мольбой...

Ублажать, словно строгую даму,
 Или в гневе её проклинять...
 Шарик катится сам по бедламу,
 И ему — не тебе — выбирать.

И когда за плечами немало,
Стоит проще на всё посмотреть:
Мы не ведаем, сколько осталось
Нашей тоненькой свечке гореть.

Лучше «домиком» сделать ладони,
Прикрывая её огонёк...
Шарик мчится по кругу, в загоне...
Скачет Зебра. Мелькает «волчок»...

* * *

Безвременно ушедшему Славику Мальцеву

А ты когда-нибудь ходил в «браслетах»?
А пайку у «кормушки» получал?
А в карцере, зимой, сидел, раздетый?
А опер по башке тебе стучал?

А шконки деревянные ты нюхал?
А пайку серого берёг, как Божий дар?
А на поверке не давали в ухо?
А от кошмаров не летал ты с нар?

Так что тогда ты видел в жизни этой,
Где общая, для всех для нас, беда?
А там — ты волк, среди волков отпетых.
И выть не вздумай, коль попал туда!

Старайся лучше ты прибиться к стае,
И рви других, нисколько не жалей!
Там лишь таких зверей и уважают,
Что в страхе держат тех, кто послабей!

А если кто-то «ссучился», случаем,
Ставь крест ему. Пиши: пришла хана.
Его «опустят», или невзначаем,
На лесосеке долбанёт сосна.

И в «кашееды» ты не лезь — таких не лю-
бят;

И от «крысятников» беги, как от чумы.
Обычно «крысам» пальцы сразу рубят —
Таков Закон, неписанный, тюрьмы.

А в общем, не плохой ты, вижу, парень,
И выкинь, что наплёл здесь старый зек!
Сыграй-ка лучше на своей гитаре,
Дай вспомнить, что я тоже Человек!

ЖИЗНЬ СЕЙЧАС

музыка автора

«Потом» не бывает. Бывает только то, что было и то, что есть»

I

Мы по жизни порой семимильно идём,
Забывая при этом про самую малость:
Никогда не бывает, поверьте, — «потом»,
А бывает — «что есть» и ещё — «что осталось».
припев:

За Последней Чертой нет зелёной листвы,
Нет цветов и мечты, и небес синевы...
Было, не было всё? Не получишь ответ...
За Последней Чертой оборвался рассвет...

II

Дайте неба глотнуть, лучик солнца обнять!
Я хочу жить — сейчас — ни к чему догонять!
А не встречу Восход — завтра будет другой,
Но возможно, уже за Последней чертой...
припев.

НОВОГОДНЕЕ

Идём мы сквозь туман и тучи,
На рывтинах сбивая ноги.
Лишь временами солнца лучик
Осветит путь на той дороге,

Где есть Конец и есть Начало,
Где в детстве ласковая мать
Нас бережно в руках держала,
Боясь в дорогу отпускать.

Но мы пошли. Идём поныне:
То — прямо, то по серпантину;
То по горам, то по равнине,
А ветер — то в лицо, то в спину...
И будем дальше так шагать,
Надеясь на попутный ветер;
Лишь раз в году всё забывать
И верить в Чудо — на рассвете.

Январской, первой, дивной ночью,
Когда веселья хоровод
Закружит, сказку напроорочит,
По миражам легко несёт...

Хоть раз в году себя обманем,
В костёр Надежды бросим дров!
И снова в путь — в сплошном Тумане
Своих несбывшихся Миров...

ОДНОКУРСНИКИ

музыка автора

I

Мы сегодня, друзья, с вами расстаёмся,
Но хочу верить в то, что сюда вернёмся.
Наше время пришло, жизнь зовёт куда-то,
А теперь — в долгий путь, — только так, ребята!

II

С вами дружной семьёй эти годы жили,
Всё по-братски всегда, поровну делили;
Друг за друга горой мы всегда стояли
И друзей никогда в беде не забывали.

III

В этих стенах родных с вами повзрослели,
Здесь учились мы жить, над книгами корпели,
Год за годом летел, детство уходило.
Не забыть никогда того, что с нами было.

IV

Разбегаются вдаль наши дороги,
Впереди снова ждут радость и тревоги,
Наше время пришло, жизнь зовёт куда-то,
А теперь — в долгий путь — только так, ребята!

КАЛЕЙДОСКОП

* * *

Горшки не боги обжигают.
Путь к звёздам труден и тернист.
От буквы «А» всегда шагают
Строками дел на чистый лист.

* * *

О засилье «Секонд-хендов»

«Спасибо», внук немецкого солдата,
За ржавый холодильник и обноски —
Твой «дар» за то, что в грозном 45-ом
Мой дед дал пленному поесть и папи-
роску...

* * *

Василию Нестеренко

Рвутся корни. Остались одни корешки...
Мы — не СНЕГи, — из нас налепили «снежки»...

* * *

Как вдохновенно рвал мне зубы стоматолог!

* * *

О чём-то шепчет нежно мне берёза
Своей зелёной молодой листвою.
И капли её сока, словно слёзы,
В мои ладони налились с лихвой...

О чём же плачет юная берёза?
Кто потревожил мир её лесной?
Да, видно, я забыл, что смех и слёзы,
И радости любви приходят к нам весной.

* * *

женщинам

Плюнь на безденежье и скуку,
На серость жизни и тоску;
Возьми цветы сегодня в руки,
Скажи судьбе: «Мерси боку!»

За то, что ты живёшь на свете,
За воздух, солнце, небо, страсть!
За то, что на Земле-планете
Ты Женщиною родилась!

*Марина
Молодцова*

Родилась в России. Образование высшее. Специальности: технолог парфюмерно-косметического производства; химик-органик. Работала в системе народного образования, в туризме, в химическом производстве. В настоящее время — сетевик. Печаталась в поэтических сборниках: «Пространство любви», «Лирический Босфор» (выпуск IV) — Симферополь; альманахе «Истоки» — Москва, в периодической печати.

* * *

Мы все живём в плену своих забот,
Порой на звёзды глаз не поднимая;
Как быдло, серая толпа, рабочий скот,
Бурча, завидуя и не подозревая,
Что рождены мы для высокой цели,
Узреть на белом свете красоту,
А не за тем, чтобы попили и поели...
Мы рождены осуществить свою мечту.

I

МУЖУ СЕРГЕЮ

* * *

Было всё: волнения, тревоги,
И хотя уж в прошлом те года,
Страшные военные дороги
В памяти остались навсегда.
Кажется, зарубцевались раны,
Но душа ещё кровоточит.
Армии Советской ветераны,
О погибших память говорит.
Праздник этот — только твой, по праву,
И хотя ты Родиной забыт,
В той войне, без совести и правил,
Дух патриотизма не убит.
Мы желаем радости и счастья,
Чтоб спокойный, тихий был уют,
Чтобы беды, страсти и напасти
В нашем доме не нашли приют!

ТЕБЕ

Горит от поцелуев тело...
Что для него житейский тлен?
Оно ведь так давно хотело
Попасть в твоих объятий плен.
Ты на пути мне встал преградой, —

Не отойти и не свернуть.
 Господь мне дал тебя в награду
 За мой тернистый трудный путь.
 Ты так негадано-нежданно
 Собою заслонил весь свет.
 Такой единственный, желанный,
 И без тебя мне жизни нет!

* * *

Ну зачем ты ворвался, точнее — проник
 В мою сущность, все планы нарушив?
 И откуда твой образ реальный возник,
 Разбудив мою спящую душу?

И когда воедино сплавляясь в огне,
 Ты — во мне, я — в тебе растворялась;
 Твоя нежность зачем трепетала во мне,
 Моё сердце зачем оборвалось?

Разве плохо мне, милый, доселе жилось,
 Разве солнце не в меру светило?
 Перепуталось всё вдруг и переплелось, —
 Ну когда же со мною так было?

И забила, как в клетке, в испуге душа,
 Словно тайинства чувствуя бремя.
 Разум шепчет: «Спокойно! Жизнь так хороша,
 Всё пройдёт... Не гони только время!»

Ах, нисколько я время и не тороплю,
Только мир без тебя стал пустыней,
Потому что люблю, слышишь, всё же люблю!
Моя радость и боль ты отныне!

ТЕБЕ

Тебя нет рядом — пусто на душе
И кажется — реалий рвётся нить...
Неужто на последнем вираже
С большой любовью в сердце буду жить?

Но вот мы вместе — и сомнений нет.
Смотрю в глаза — в них отражаюсь я,
Душа моя в твоей черпает свет,
И верю: только ты судьба моя.

Как много было у меня потерь,
Что можно было душу иссушить...
Какое счастье обрела теперь,
Как хочется всю жизнь тебя любить!

Мы так страдали, когда были врозь, —
Видать, не зря нас Бог соединил.
Мы круто изменили жизнь, всерьёз.
Теперь хватило б только сил...

* * *

Любовь, любовь... Прекраснейшая роза,
Нежна и трепетна, но как же быть,
Когда побита словно бы морозом,
Ты не способна чудо совершить?

* * *

Я прихожу, когда меня не ждут,
И ухожу, когда душа остыла.

II РАЗМЫШЛЕНИЯ

* * *

Дни мелькают в суете сует.
Быт, работа время пожирают.
Как прекрасен этот белый свет
Многие и не подозревают.
Мчатся вскачь, погрязши в мелочах,
Дни, года и целые столетья,
Жизнь моя у вечности в очах
Так мала — простое междометье...

ДОРОЖНОЕ

Мне нравится под мерный стук колёс
 Молчать, воспоминаньям предаваться,
 Из прошлого нежнейший запах роз
 Позвать и с ним в пути не расставаться.
 Мне нравится, что в голове простор,
 Что можно отложить дела в сторонку
 И мысленный со всеми разговор
 Не портит мне ни сердце, ни печёнку.
 Мне нравится в вагонное окно
 Спокойным взором долго упираться,
 Защиту дарит хрупкое стекло...
 И можно непогоды не бояться.
 Мне нравятся пейзажи за окном,
 К прекрасному души стремленье.
 И мысль приходит только об одном:
 Поездки — это жизни обновление.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА МАЙДАНЕ

Киев... Весна... И Майдан знаменитый.
 Как ты красив — город счастья, мечты,
 Солнечным светом до края залитый.
 Вера. Надежда. Победа. Всё — ты.
 Позавчера — дом родной и привычный,
 Милая древняя, тихая Керчь.
 Ну, а сегодня — Крещатик столичный.

Как мне всё это объять и сберечь?
 Дома — любимый, дочка и внучка,
 Здесь — мой сыночек, пока что птенец.
 Ехала дать ему помощь и взбучку,
 Чтобы в учёбе он был молодец.
 Ну, а ещё в новом шаге решающем,
 Киев даст старт повороту в судьбе.
 Хочется стать в МЛМ^{*} процветающей,
 Вера, надежда, мой Киев, — в тебе!

СЫНУ

Сомнения гложут? Смысла жизни ищешь?
 Я очень рада. Ты же человек.
 Приоритет ты отдаёшь духовной пище,
 Поскольку каждому отпущен малый век.
 Философу и мудрецу, простолюдину —
 Насущный хлеб всегда необходим.
 Мозолят руки и ломают спину...
 Ты думаешь, в сомнениях ты один?
 На взлёте жизнь твою, моя — к закату,
 И у меня бывает пусто на душе,
 И жизнь моя — иссушенное плато,
 А я, мой дорогой, в последнем выраже...
 Но это, если дать сомнениям волю.
 Поверь, они жестоки. Загрызут.
 А если с радостью принять судьбу и долю, —

* МЛМ — многоуровневый маркетинг (Multilevel Marketing) или сетевой маркетинг.

Они рассыплются, в небытиё уйдут.
 Проснулся. Лучик солнечный увидел.
 Тепло и радостно. Кричи себе: «Живу!»
 И если кто-то вечером обидел,
 Как это мелко будет поутру.
 Будь выше, сын, обид, непониманий,
 И не старайся переделать мир,
 Не обращай на негатив вниманья.
 Ты покоришь, я верю, свой Памир.

ОДА СЕТЕВОМУ БИЗНЕСУ

*Надежда умирает последней...
 (народная мудрость)*

Стране, правительству «до лампы»,
 Как мы тут ползаем в пыли,
 Что мы стоим у своей рампы.
 Хоть вой, хоть плачь, хоть смерть зови.
 К зарплате, пенсии проценты
 Дают нам «щедрою» рукой...
 Но как прожить на эти центы?
 Тут впору петь за упокой.
 Болеть нельзя — не по карману,
 Учить детей, — где «баксы» взять?
 Куда ни кинь, одни обманы.
 И на кого нам в суд подать?
 Но как же быть с мечтой, надеждой?
 Они вот-вот уже помрут.
 А выхода нет, как и прежде...

Но, чу! Нас в МЛМ зовут.
 Кто скромно, кто на всю катушку
 В заоблачную тянет высь.
 Тут бы на хлебушка горбушку,
 А мне: «К высокому тянись!»
 И я тянусь, напрягши жилы,
 Как в омут прыгнув головой.
 О Боже! Дай мне веры, силы.
 Мой МЛМ, навек с тобой.
 Путей других уже не вижу
 Борьбы с бесправьем, нищетой.
 Надеюсь, тем вас не обижу,
 Что прославляю бизнес сетевой?
 Здесь кто везёт, — тому и платят,
 Здесь по усилиям — почёт,
 Здесь одного желания не хватит,
 Заслуги прошлого — не в счёт.
 Здесь каждый день своя вершина,
 И каждый день: учись, учись!
 И вытесняет нищеты трясину
 На полную катушку жизнь.

* * *

*Порою хочется заплакать,
Да что заплакать, — закричать.
Забиться в угол, как собака,
И, накричавшись, — замолчать.
(В. Фирсов)*

С поэтом полностью согласна:
Бывает так, что свет не мил.
Кто говорит, что жизнь прекрасна,
Того ещё никто не бил.

Как лист по осени желтеет,
Так человека жизнь взрослит —
С годами опытней, мудрее,
Но горше тяжесть от обид.

Конечно, это сил упадок.
Твоя звезда ещё взойдёт.
Ни у кого путь не был сладок,
А время горечь ту сотрёт...

Трудна ты, жизнь, но всё ж прекрасна!
Отпущен нам короткий век.
Не сокращай его напрасно
И будь разумным, человек!

* * *

Не теряйте оптимизма,
Хоть порою свет не мил...
Где ж ты, милая Отчизна?
Свет очей твоих застыл.

Заморозил сердце, душу
Перестроек шалых ряд.
Весь народ трясёт, как грушу,
Все мы — нищие подряд.

Виноватых, как ни странно,
Хоть умри ты, — не найдёшь.
В этой жизни не желанны,
Пропадаем ни за грош...

Не дадут нам манны с неба
Ни Господь и ни Герой.
И подлец, какой бы не был,
Твёрдой жёсткою рукой

Должен быть сметён с дороги
Не на час, а навсегда.
Сколько можно жить в тревоге?
Не права я? Нет иль да?

* * *

Музы молчат, когда пушки стреляют...
 Бурных событий грязный поток
 Светлые чувства напрочь смывает.
 Нам бы надежды и веры глоток.

*Зарема
Дагой*

* * *

Я стремлюсь к тебе
 сквозь снега, пургу.
 Я примчусь к тебе
 сквозь мороз и мглу.
 Припаду к ногам,
 руки протяну,
 Из стихов своих
 сотворю весну.
 Заглянув в глаза,
 сразу всё пойму,
 И слезу твою,
 на глазах, утру.

* * *

Путь труден, негладок
 во все времена.
 Так было, так будет,
 так канут года.
 Идти, спотыкаясь,
 упавши — вставая,
 Чтоб снова идти.
 У нас участь такая.
 Свету навстречу
 идти до конца,
 Оставить свой след,
 согревая сердца.
 Творить безустанно,
 быть выше себя,
 Найти в чём-то суть,
 всё земное любя.

* * *

Для тебя прохладой стану
 Даже в самый жгучий день.
 И любить не перестану,
 Буду следовать, как тень,
 За тобой. И где б ты ни был —
 На краю земли, в песках, —
 Полечу к тебе, как ветер,
 Принесу любовь в стихах.

* * *

В ожерелье звёзд
 тихо бродит ночь,
 Суету сует
 прогоняя прочь.
 Паутинки сна
 призывают дух
 И сплетают всё
 в бесконечный круг.
 Колыбель Земли
 замирает лишь —
 Затихает миг
 и, чаруя тишь,
 Делит всё на всех,
 ожиданьем полн,
 Расплетает нить
 в перекрёстках волн.

* * *

Кудри чёрные ночь
 распускала,
 С ветром призрачным
 в небе играла,
 Свой прозрачный шатёр
 расстилала,
 Что-то звёздам
 на ушко шептала
 И восточный огонь
 разжигала.

* * *

Листает жизнь страницу за страницей,
Считая дни, секунды и года.
Я остаюсь песочною частицей
В руках у всемогущего Творца.

* * *

Сколько ты минут и дней
Счастлив был на свете?
Сколько у тебя друзей?
Ты за кого в ответе?
Кто приходил к тебе тогда,
Когда, беда стучалась?
Напрасно ли бегут года?
Что было? Что осталось?

* * *

По дорогам огня,
 по дорогам дождя
Я искала, искала,
 искала тебя.
Вслед за ветром я шла,
 вслепую, дрожа,
И от боли порой
 замирала душа.
Но всему вопреки,
 всем несчастьям назло,

Всё ищу я тебя.
 Мне теперь всё равно —
 И молва, и снега,
 вьюга, холод и зной,
 Знаю только одно:
 я иду за тобой.

* * *

Мои уста шептали: «Не люби!»
 Пускай летят сквозь ледящий ветер
 Мои мечты. В прозрачные миры
 Их унесёт холодный зимний вечер.
 Оставив в сердце одинокий шрам,
 Глубокий и большой,
 невидимый снаружи.
 И навсегда останется он там,
 Не будут вместе больше наши души.

* * *

Волошин, звёзды, Коктебель.
 Крым — поэтов колыбель,
 Влюблённых в море и в мечты,
 В карету солнечной весны.
 Их море ласково зовёт,
 Стихи цветные им поёт,
 Волну роняя за волной,
 Строку рождает за строкой.

ОСЁЛ В УЧЕНЫЕ басня

Осла напрасно грамоте учили,
 С утра до ночи все ему твердили:
 Учение — свет, а неученье — тьма.
 Но бесполезно! И Осла
 Решили жёстко наказать —
 Еду и воду не давать:
 Подумали, что он ленив,
 Упрям и очень неучтив.
 И — дальше стали обучать
 Писать, считать, решать, читать...
 Он все премудрости жевать
 Стал, час за часом, уставать.
 Ушами прядал и... скучал.
 И наконец совсем устал,
 Зевая, сладко вдруг уснул,
 Под ним сломался лёгкий стул,
 Ушибся сильно наш герой
 И долго проходил хромой,
 И — ни учёбы, ни труда! —
 Такая вышла с ним беда.

И вот, уже готов ответ:
 «Не для ослов ученья свет».
 Но я б ещё сказать могла:
 Затея, всё ж, глупа была.

итальянцы. В 1863 году житель города грек Мари-
наки на свои средства построил церковь возле
кладбища, которое находилось на горе. Сейчас это
ровное место: время сравняло холмики с землёй.
Только церковь стоит, как и стояла, хранимая Бо-
гом.

Много событий и потрясений пронеслось с
той поры. Церковь не закрывалась ни при каких
режимах власти. Выстояла даже в самое страш-
ное и жестокое время, когда красный террор гу-
лял по России. Разрушали и грабили Божии Хра-
мы, уничтожали священничество, голод и репрес-
сии захлестнули страну.

Не успел народ окрепнуть после революци-
онного хаоса, как пришла другая беда: грянула
Великая Отечественная война. Во время войны
церковь всегда была полна молящихся. Церковь
объединяла людей. Горе было общее, все молили
Бога о победе над врагом и о своих близких на
фронте.

Если подниматься к церкви из центра горо-
да, то словно попадаешь в другой мир. Стоит под-
няться чуть выше на гору, заканчивается асфальт,
бетон, современные красивые многоэтажные дома.
Кто-то провёл невидимую линию, отделяющую
старое от нового. Здесь — узенькие и кривые
улучки, вымощенные булыжником, отполирован-
ным временем. Тротуары из плоских каменных
плит, с углублениями, вытоптаннми в них не од

ним поколением горожан. Одноэтажные домики из камня-ракушечника, с черепичными крышами. Тесные дворики, какие-то пристройки, крохотные палисадники под окнами и покосившиеся заборы. Переулки, тупики, извилистые лесенки с кривыми и треснувшими ступенями из тех же каменных плит.

А вот и длинный узкий проход между домами, также мощёный булыжником. Круто поднимается вверх и упирается в угол церковной ограды. И перед нами предстаёт церковь святого Афанасия Александрийского. Она тянется своим высоким куполом к Богу. Церковь небольшая, но красивая, она органично вписывается в чистое и бесконечное небо. От этого великолепия — земного и неземного, душа замирает. Рука аккуратно и с трепетом совершает крестное знамение. Ноги суетно передвигаются, спешат, а душа уже там, в Храме.

Вокруг церкви приютились маленькие белые домики. Они вползли на гору, как улитки и прилепились к ней. И смотрят сверху на море глазками своих маленьких окон.

В церкви идёт служба, возжигаются свечи, горят лампы перед образами. На клиросе поёт церковный хор. Возносятся молитвы ко Господу. И сходит Божия благодать на город, лежащий внизу, у самого моря.

Но многие люди не хотят знать Бога, который отдал Себя на смертные муки ради нашего спа

сения, и попадают в сети врагии. Идёт постоянная невидимая и жестокая брань между добром и злом, на духовном уровне. Борьба за души наши.

А вечером из церкви святого Афанасия, стоящей высоко над городом, слышен призывный звон церковного колокола. Звон спускается с горы вниз и медленно плывёт над городом. Потом долго стоит в жарком воздухе, пахнущем морем, чуть разбавленном вечерней свежестью, призывая к покаянию наши грешные души.

И глазницы у дедов —
 Как застывшая боль:
 — Что же, наша Победа,
 Сотворили с тобой?!

Не разбита фашистами,
 В пепел не сожжена...
 Но повергнута, нищая,
 На колени страна!

За серебряник, видимо,
 Вы продали её...
 На проживу невиданно
 Налетит вороньё.

ГОСПОДИ, ТЫ НАС СПАСИ!

Колесо сошло с оси
 И вращается без цели.
 Улетают дни, недели...
 Ты нас, господи, спаси!

Мы вращаемся без цели.
 Правит нами изначальный
 Биоритм функциональный
 Прокомпьютерной модели...

Лишь научно хороши
 Человечества подвиды —

Электронные гибриды
Интеллекта и души.

В алгоритме бытия
Код сознания нарушен.
Проникает в наши души
Перевернутая явь:

Изболевшаяся твердь,
Копоть, въевшаяся в небо,
В сердце въевшаяся нежить.
И воронка — круговерть!

Мы уже сошли с оси
Истинного измерения...
Но внезапное прозреньё —
Господи, ты нас спаси!

МАЛЫШ

— Кто качает твою колыбель?
— Ветер с крыш.
— Кто качает твою колыбель,
Мой малыш?

Солнце глянет в окошко не раз,
Ночь зажжёт мириады огней.
Синеву наблюдательных глаз
Занесёт многоликостью дней...

Ты ни в чём ещё не виноват —
 Чист, как снег из отверстых небес.
 Над твоей колыбелью стоят
 Светлый Ангел и сумрачный бес...

— Кто качает твою колыбель?
 Кто из них?
 Кто качает твою колыбель
 В этот миг?

ТЕБЕ, ЛЮБИМОМУ

Я научусь у весеннего ветра
 Смело и нежно ласкать.
 Стылых разлук не считать километры,
 Верно и преданно ждать.

Я научусь у дождя проливного
 Жажду твою утолять,
 Необратимость фальшивого слова
 Сквозь полушёпот понять...

Я научусь у заката прощаться,
 Таинства чистого нити сжигать.
 Тройку коней, умыкающих счастье
 Не побегу заворачивать вспять.

* * *

Пролегли светотени
В акварель непогоды —
Грозовое творенье
Измождённого свода.

Как неистово ветер
Крутит в поле бурьян —
Так кочуют по свету
Клевета и обман.

Будет сердце измято,
Как бурьян у ограды...
За гордыню — расплата.
За смирение — награда!

* * *

Душа принакрыта скелетом с футболки
И чувствами правит шальной беспредел.
Бандана с костями на детской головке —
В агонии ритма, как будто в беде.

Симфония смерти и в татуировке —
Клеймо на ещё полудетском плече.
Но кем же устроена эта вербовка?
Мальчишка, откликнись, ты всё ещё чей?

Да... Череп и кости — символика ада, —
Условие главное нынешней моды!
И душу в субстанцию полураспада
Неспешно, уверенно кто-то приводит.

Экран телевизора бьётся в рекламе —
Увы, к этой «ломке» привыкнуть придётся.
Незрима, азартна охота за нами
Прицельно-продуманно кем-то ведётся.

Романтику смерти, навязанной модой,
Деструкцию мира, восторженность злом,
Умело и быстро диктует нам кто-то
И кто-то по трупам идёт напролом.

Ты кто, кукловод, что опять замышляешь,
Эстетику зла заставляя избрать?
Надменно и нагло опять предлагаешь
Ты в танатизацию * детям сыграть.

Игру эту разум земной не приемлет,
Он будут, как прежде, стоять на добре.
Давайте любить нашу мирную землю,
Надежду и веру неся детворе!

* Танатизация — влечение к смерти.

* * *

В плену электронной пустыни,
Где свет из окна леденеет,
Глаза у мальчишек пустые,
А в них отраженье дисплея.

Под звуки компьютерных стонов
Привычны убийства, погони.
И жизнь не одна, их четыре —
Всё просто в компьютерном мире.

Но пушкинских строк отголоски
В мозгу, от игры воспалённом,
Лавиной настигнут подростков,
Впервые наивно влюблённых.

Асфальт расцветает цветами
И листьев затейливый танец
Однажды проникнет сквозь стены,
В прокуренный мозг «суперменов».

Сквозь грязь матерщины пробьётся
Весеннею ласточкой, снова,
На дно техногенных колодцев
Священное **РУССКОЕ СЛОВО!**

НАПУТСТВИЕ

Ни лезвием секиры,
 Ни в пламени огня —
 Не возводи кумира
 Сегодняшнего дня!

Рукою обозлённой
 Не разори гнезда.
 Собой, неицелённым,
 Не причини вреда.

Иди своей дорогою,
 Дай Бог скорее сил,
 Чтоб душу не уродовал,
 А чуть преобразил!

Но тетива натянута,
 Слово летит стрелой.
 Не будь собой обманутым,
 Будь честен пред собой!

ТРИЕДИНА СЛАВЯНСКАЯ РОДИНА

Я корнями в земле Белоруси,
 В Украину ветвями врастаю,
 Но душою к России стремлюсь я
 И душой над Россией летаю.

Триедина славянская родина,
Триедина священная плоть!
Но клянутся на верность юродиво,
Замышлявшие твердь расколоть!

Триедина великая сила!
В ореоле венчальных берёз —
Сколько счастья и горя вместилось
И святых предсказаний сбылось...

У подножия Русской Голгофы
И в Печерах на склоне Днепра
Вновь молитвы соборные строфы
Вызывают у ворога страх.

Так, душой, на излёте расхристанной,
Древнерусским святым языком
Утверждается исповедь-истина
И Предания вечный закон.

СИРЕНЬ *

Как заросли сирени
Сияют по весне!
Сиреневые тени
Сползают по стене.

* Стихотворение впервые опубликовано 8.12.1979 г. В газете “Керченский рабочий”.

А лепестки упрямо
 Рассыпались в кружок —
 Но лишь с пятью крылами
 Я отыщу цветов.
 Его зажму на счастье
 В горячую ладонь.
 Бегу, песок хрустящий
 Пылает, как огонь,
 Сверкает под ногами.
 Кружится голова.
 Несбывшихся желаний
 Мне вспомнятся слова.
 Я загадаю трижды
 (Цветок, не подведи!) —
 Я на пороге жизни,
 Дай счастья мне в пути!

ВОЕННАЯ БАБУШКА

Отдыхать на юг Алёша приехал вместе с бабушкой. Летний домик, в котором они поселились, казался сказочным. Крыльцо смотрело прямо на голубую гладь Булганакской бухты.

Алёша впервые в Керчи. Здесь ему нравится всё: и ласковое тёплое море, и мелкий песок, похожий на манную крупу, из которой мама варит кашу. А как здорово лазить по скрюченным, пригнувшимся к земле стволам дикой маслины!

И солёное озеро! Оно почти пересохло, словно снегом среди лета, покрылось слоем белоснежной, самой настоящей, соли. В общем, здесь очень интересно.

Но Алёшина бабушка не раз бывала в Керчи. Впервые она попала сюда во время Великой Отечественной войны. Довелось ей тогда, с оружием в руках, защищать город от врагов.

Надо заметить, бабушка у Алёши была необыкновенная. На праздники 23 февраля и 9 Мая она надевала фронтовые ордена и военную форму подполковника. Алёша очень гордился своей бабушкой.

Вот и вчера вечером, вернувшись с пляжа и оказавшись за одним столом, хозяева и гости затеяли неторопливую беседу малознакомых между собой людей. Алёша вдруг попросил:

— Бабушка, расскажи про войну. Ты ведь обещала показать домик, в котором тебя прятали от фашистов!

И нимало не смущаясь, объяснил окружающим, что давным-давно, когда папы с мамой ещё не было на свете, его бабушка, тогда вовсе ещё и не бабушка, а молодая девушка, с автоматом в руках воевала против немцев. Про автомат он не придумал. В домашнем альбоме есть пожелтевшая от времени фотография, где улыбающаяся, с озор

ными глазами, стоит юная Алёшина бабушка, а в руках у неё настоящий автомат!

Заметив интерес детворы, взрослые подсели ближе и упросили таки бабушку. Оказалась она великолепной рассказчицей.

— Вам бы книги писать. — вставил кто-то из взрослых, слушая горькую повесть о том, как декабрьской промозглой ночью шли, по пояс в ледяной воде, наши моряки-десантники. А с холма, на котором сейчас стоит посёлок, немцы методично расстреливали наших моряков.

Алёша закрыл глаза и поплыли перед ним кадры из американских боевиков, где хорошие наши победили плохих чужих.

Взрослые наоборот, широко раскрытыми глазами смотрели на это ласковое море и тёплый берег, с ужасом понимая, что именно эта земля была устлана мёртвыми телами воинов-десантников, защитников нашего Отечества.

— Тогда погибли все, кроме меня... — с грустью вспоминала бабушка. — Просто повезло: меня, раненую, подобрала местная рыбачка Анна. Сожгла моё военное обмундирование, дала взамен свою старенькую одежонку. Немцы прочёсывали весь посёлок, заглядывая в каждый дворик. То и дело раздавались выстрелы. Это шла жестокая и беспощадная расправа над уцелевшими десанниками и смелыми рыбаками, приютившими у себя раненых бойцов.

Но никто не мог заподозрить воина-десантника в худущей невысокой девочке.

Анна, спасшая жизнь Алёшиной бабушке, давно умерла. Алёша знает, где она похоронена. Сразу после приезда, они с бабушкой пошли к ней на могилку.

Оттуда, с деревенского кладбища, расположенного на холме, как на ладони видны крошечные рыбацкие сейнеры, застывшие в голубой глади Керченского пролива сухогрузы и танкеры. Издалека они кажутся игрушечными.

Потому-то сегодня утром, едва проснувшись, Алёша отправился по уже знакомым местам. Пробираясь сквозь жемчужные заросли дикой маслины, мальчик недовольно сопел носом. Хотелось поскорее окунуться в море. Но он твёрдо знал, что одному, без бабушки, на пляж идти нельзя. Обычно дома бабушка вставала рано. Однако здесь, под ласковый шум прибоя, она могла проспать всё утро. И это очень огорчало Алёшу. Казалось, утро безнадежно потеряно, когда внезапно пришла мысль поиграть с бабушкой в войну. Спички шестилетний Алёша нашёл быстро. Их вообще никто не прятал. Алёша считался хорошо воспитанным ребёнком и без спросу ничего не брал. Но в это счастливое летнее утро Алёше хотелось быть послушным.

Вчера соседские дети подарили ему легко взрывающиеся петарды, которые «по-настояще-

му» грохотали, совсем как на войне. Правда, за них пришлось отдать свои новенькие часики. Но часики Алёше было совсем не жалко. Тем более, что в коробочке у него теперь лежала настоящая «взрывчатка». При мысли об этом стало радостно и немного жутковато.

Подойдя поближе к полуоткрытой двери, Алёша быстро поджёг петарду и бросил её бабушке под кровать. Раздался взрыв, из окошка пошёл слабый синеватый дымок. Все взрослые, едва сообразив, в чём дело, ринулись на звук. Шумно распахнув двери, готовя себя к худшему, с бледными от напряжения лицами, они выстроились у кровати семидесятипятилетней женщины.

В комнате пахло гарью, бабушка безмятежно лежала на подушках.

— Ну и чего вы так всполошились? — удивилась она.

— Похоже, внучек ваш развлекается! Петарды взрывает у вас под кроватью. — гневно возмутился кто-то.

Остальные перешёптывались, заботливо осведомляясь о самочувствии бабушки.

— Ну что вы, милые! Разве я могла испугаться этого взрыва. — успокаивала она. — Вот в войну здесь действительно было страшно. После битвы за Керчь, я давно уже ничего не боюсь! — ответила бабушка и мирно зевнула, прикрывая рот рукой.

Разумеется, Алёша был наказан. Утром на море он попал. Взрослые доверили ему чистить картошку для супа, а заодно объяснили, как плохо заканчиваются подобные шалости. Ведь у пожилых людей слабое и возможно, больное сердце. Человек может испугаться неожиданного звука и умереть от остановки сердца. Такие игры очень опасны!

Но после обеда бабушка всё же повела Алёшу на пляж, тем более, что он пообещал больше никогда в жизни не играть с петардами!

**Фаина
Дерий**

* * *

На рассвете чистом, розовом,
Вновь я встретила с тобой —
Лес прозрачный твой берёзовый
Несравним с глухой тайгой.
Столько света в нём и нежности,
Что не в силах описать,
Необычной белоснежности,
Приносящей благодать.
А за лесом — горы, холмики,
Льются птичьи голоса.
Небольшая колоколенка,
Со крестом под небеса.

Рядом сосны высоченные,
 Бархат ёлок. Все они
 Величавы. С несравненною
 Красотой живут, в тени.
 И загадочно меняется
 Мир, в который ты вошёл.
 И опять же, мысль рождается:
 «Как с тобою хорошо!»
 О, Россия легендарная,
 Кто тебя не воспевал?
 Ты, с рождения нам данная,
 Кому — щит, кому — привал.
 Купола твои соборные,
 Рек гармония и гор,
 И поля, поля просторные
 В снах приходят до сих пор.
 Почему в веках страдание —
 Как твой крест, как твой удел?
 Разве в целом мироздании
 Для тебя нет лучших дел?
 Разве нет в тебе рассудочных,
 Разумеющих голов?
 В повседневных делах будничных
 Разве будет не готов
 Твой народ, твой вечный труженик,
 Сотворить порыв к судьбе,
 Где не будет он, как мученик,
 Верный путь подаст тебе.

Верю! Верю: ты — могучая,
 Ты — всеильная страна.
 Благодравная, певучая.
 Для сплочения дана.
 Расцветай же, благолепная,
 Крепни, стонущая Русь,
 Терпеливая, приветная.
 Я с тобой не расстаюсь.

* * *

Мы с тобою — вечность.
 Мы с тобою — радость,
 Света безупречность
 Нам с тобой досталась.

В небе звёзды наши
 Смотрят друг на друга.
 Млечный Путь украшен
 Как метель, как выюга.

В озере играет
 Ветер камышами.
 Сердце понимает,
 Что любовь — мы сами.

* * *

В саду мне ветер нашептал
Слова любви, слова признанья.
И ненавязчиво лобзанья
Дарил, и нежно напевал.
И серебристо ворковал
Ручей, бегущий, на прощанье,
И отвлекал моё вниманье,
Успокоением питал.

Как жаль, что расстанюсь с тобой,
Мой сад тенистый, что годами
Одаривал меня плодами,
С подружками наперебой.
Ручей, отвергнувший покой,
С тобой беседуя утрами,
Я слушала твой звон часами,
Играя чистою водой.

Мой милый старый тихий дом!
Тебя запомню я навечно.
Здесь до сих пор жила беспечно,
Не беспокоясь ни о чём.
И деревянное крыльцо...
Там часто я сидеть любила,
За солнцем радужным следила...
Оно светило мне в лицо.

И высоту у тополей,
 И гроздь красные рябины,
 И улицу — широкой, длинной —
 Оставлю в памяти своей.

* * *

С рожденья ты мне дан,
 хранитель бестелесный —
 Небесный ангел мой,
 невидимый, чудесный.
 Могущество твоё
 всегда неоценимо.
 И существо моё
 с тобой неразделимо.
 И если я творю
 благое в этом мире,
 Ты в радости, что свет
 зажжён в моём эфире.
 Когда не в силах ты
 защиту дать, спасенье,
 Я горечь слёз твоих
 не вижу, к сожаленью.
 О, если б удалось
 блистать нам чистотою,
 То может быть пришлось
 увидеться с тобою!
 О, утешитель мой,
 защитник и водитель,

Укрой своим крылом,
 мой светлый покровитель.
 И будь благословен
 в сей жизни, Богом данной,
 И пусть же связи нить
 в нас будет постоянной.

* * *

Я уже давно не удивляюсь,
 Если говорят: «Не вижу Бога».
 Кто сказал, тот только у порога,
 Что ведёт к вершине сути всей.
 Объяснять понятнее стараюсь,
 Чтобы хоть задумался немного,
 Что до Бога непроста дорога,
 Каждый всё равно пойдёт по ней.

Как же можно Бога вдруг увидеть,
 Если веры нет, живёт во власти
 Зависти, тщеславия и страсти,
 А любви к другим не испытал,
 Если стариков готов обидеть,
 Нет ни сострадания, ни участия,
 Если лишь во власти видит счастье.
 К ней руля, жестокий сердцем стал.

Но настанет миг — поймёт когда-то,
 Что у каждого душа есть — совесть.

В нём она живёт. И, беспокоясь,
 Ждёт, когда же он её поймёт.
 И ни в чём она не виновата.
 И для многих это всё — не новость.
 Только, в жизни суетной он, роясь,
 Совесть может, вовсе не найдёт.

* * *

Прошу, присядь, поговори со мной.
 В саду осенний ветер жутко воет.
 Подходит встреча с холодом, зимой.
 А сердце словно что-то беспокоит.

Я не ропщу, а попросту хочу
 С тобою вечер провести сегодня.
 Всё расскажу, себя разоблачу.
 О, Господи! Спаси от преисподней!

Я много в жизни наломал бы дров.
 Но ты меня как будто охраняла.
 И если был когда-то бестолков,
 То только ты одна об этом знала.

Не говорила никому, тайком
 Всё своим сердцем чувствовать умела.
 Прикрывши плечи вязанным платком,
 Болящего, как мать, меня смотрела.

Нам много лет пришлось с тобой пройти.
 Признаюсь, как неправ я был порою!
 Прости меня, любовь моя, прости.
 Я встану на колени пред тобою.

* * *

Люблю тебя, мой славный добрый сын.
 Такой большой — уже не взять на руки.
 Душевные от нас скрывая муки,
 Ты с нами, но душою — ты один.
 Быть может, эгоистка всё же я
 И в суете бесед с тобой так мало.
 Но я всегда лишь одного желала,
 Чтоб моя душа, как и твоя,
 Делилась даже самым сокровенным.
 Не мимоходом, даже не часами.
 Мы в этой жизни всё творим лишь сами.
 Давай, сынуля, будем откровенны:
 Мы заняты всегда, хоть чем-нибудь.
 Но так ведь и сказать мы не сумеем
 Друг другу всё. Мы просто не успеем.
 Года мои идут. Недолог путь.
 Тебе скажу я мысль свою одну:
 Беда пусть не ослабит воли к жизни,
 Чтоб сердце не кричало в укоризне
 И не искало горькую вину.

Любовь моя, с надеждою живи
И не за год борись, а за минуты.
Пусть мы не так одеты и обуты,
Но сердце пусть купается в любви.

* * *

Так красочны игрушки у детей:
Как бабочек наряд, что здесь летают,
Как облаков насыщенность, полей
Небесных звёзд, что перед утром тают.

Когда пою я песню для тебя,
Подобны танцу все твои движенья.
О, мой малый, всех на земле любя,
Танцует мир вселенной в наслажденьи.

Нам бы услышать шорох, птицы крик,
Листву шумящую, морские волны.
Хор голосов природы так велик,
И звуком этим Мирозданье полно.

Когда ты чмокнешь сладко язычком,
Нектар цветов и пчёл я представляю,
Плоды инжира, словно с сахарком,
Они под лаской солнца созревают.

Целую щёчки пухлые не зря,
 А чтобы смех твой чаще раздавался.
 Так дарит нам улыбку лишь заря,
 Так ласково лишь ветер прикасался.

Улыбкой всё кругом озарено.
 Земля — наш дом, и всем понять бы надо —
 Пусть детям будет лучшее дано,
 Для них Земля цветёт прекрасным садом.

* * *

Летчицам ночного авиаполка

Сколько судьбой им отмерено?
 Ветер в ушах ревёт.
 Прямо на площадь Ленина
 Падает самолёт.
 В нём — молодые девчонки! —
 Так умирать не хотят...
 От самолёта осколки,
 Факелом вспыхнув, летят...

* * *

Коварству, беспорядку — нет границ.
 Им не страшны любые перемены.
 Хранят молчанье камни из гробниц
 О войнах, кознях, происках измены.
 Кинжал наточен и в стакане яд...
 Так как погиб бесстрашный Митридат?

СОН

Когда на миг теряешь высоту
 И кажется паденье неизбежным,
 А под ногами океан безбрежный
 Зовёт и манит прыгнуть в пустоту,

Там, впереди — бескрайняя дорога
 В далёкую и призрачную даль.
 Лишь шаг один...
 Ещё чуть-чуть, немного,
 И растворится в воздухе печаль.
 Исчезнут все последние преграды
 И мир поблёкнет в этот краткий миг.
 Но вспышка мысли:
 Это ли мне надо —
 Растаять навсегда, как в море блик?
 И разум побеждает, окрылённый
 Далёкой неисполненной мечтой.
 Я оглянусь, немного удивлённо
 И стану в этот миг совсем иной.

* * *

Капли прозрачной прохладной воды
 смыли усталость с первых цветов
 И зажурчали на все лады
 Тысячи речек и ручейков.
 Зашелестела трава в лугах,
 Ветер пронёсся, пушинкой играя.
 Звуков мелодия льётся живая.
 Радугой мир отразился в стихах.

* * *

Мы живём на костях.
 Не подумайте дурно.
 Это просто лишь прах,
 Захороненный в урнах,
 Или просто в гробах,
 Или в склепах старинных.
 Так что, топчем мы прах
 Наших предков былинных.

* * *

В минуте молчанья застынь.
 Пускай только шепчет полынь.
 Пускай только чайки кричат.
 А остальные — молчат.
 В мирной земной тишине
 Память живёт о войне.
 Изрытый снарядами дзот...
 Оклик последний: «Вперёд!»...
 Взрыв... И на миг тишина.
 Земля от пожаров черна.
 Дождь со свинцом и дым
 Рвётся сквозь время к живым.
 Алый цветок огня
 Память о павших хранит.
 Кто нас от огня заслонил,
 В мир с фотографий глядит.

* * *

Муар, жемчуга, эполеты
И веера мягкий овал
Смешались с мерцаньем зеркал
И плавными па менуэта.
Ресниц полувзмах, полувзлёт
Под дымкой прозрачной вуали.
А музыка веет печалью.
И бал будет ночь напролёт.

ЭТЮД

На паутинке лета,
В Розовых облаках,
Юная, словно Джульетта,
Я погружаюсь в снах.
В радуге жёлто-лиловой
Я растворюсь до утра...
День начинается новый.
И просыпаться пора.

* * *

Где-то кукушка зовёт на лугу.
Я сквозь ромашки по полю бегу.
Слева малина, справа река,
А надо мною плывут облака.

РУСАЛОЧКА

Вновь русалка поволне плывёт,
Скоро чайки возвестят рассвет.
Рыбий хвост на землю упадёт.
У любви преграды нет.

Посмотри в зелёные глаза, —
В них таится тихая печаль.
И струится по щеке слеза,
Губы шепчут что-то вдаль.

На рассвете девочка умрёт
И с морскою пеной улетит.
Но потери парень не поймёт,
Лишь немного погрустит.

И увидит он в последний раз
Ту, что жизнь ему свою дала.
Слёзы капают из детских глаз
И звонят колокола.

* * *

*Посвящается любимому преподавателю
английского языка Якову Львовичу*

I`m tired,
I want to die.
I`m tired,
I want to cry.
I`m tired of own dreams.
I`m tired of everything.
I can`t found a Happy song,
Look around and what`s wrong.
Whot`s better dark or light?
What`s the matter
And who is right?

* * *

It rains, it rains, it rains,
it rains, it rains again.
I want to draw
Sunshine and snow,
And go far away again.

* * *

Идёт дождь, идёт дождь, идёт дождь,
Идёт дождь, идёт дождь опять.
Я хочу нарисовать
Закат и снег,
И уйти опять.

* * *

What is the reson:
I`m in preeson.
I`m in preson
In owr words.
I sea the rainbow
In the open window.
I want tu leasten
A simple birds.

* * *

Вот заключение:
Я в заточении.
Я в заточении
Собственных слов.
Я вижу радугу
В оконном обрамлении,
Хочу слышать птиц пение
Без всяческих оков.

бросала по всем частям света. Здесь вырос мой сын... Корни — это очень много, это живая связь поколений, благодаря им, ощущаешь ход истории. Это то, что привязывает к месту, это те тоненькие нити, которые связывают с прошлым.

Я знаю все уголки своего города — не только теперешнего, но прошлого. По рассказам мамы я чётко представляю себе дореволюционную Керчь, её магазины, базары. Её церкви, синагогу, мечети и кирху с острым шпилем. Её главную, Воронцовскую улицу, на которой по вечерам было гуляние: в экипажах разъезжали местные богатые красавицы в роскошных туалетах.

Рассказы няни переносят меня в крепость, где в семье морского офицера она служила горничной. Всё это отложилось в памяти и возникает само собой, как на экране в кино.

А предвоенную Керчь я помню уже по собственным впечатлениям. Это был город, прежде всего, многонациональный. Греки, как поётся в песне, привозили «шаланды, полные кефали». Гречанки бродили по улицам и на ходу вязали бесконечные чулки. Итальянцы разводили фруктовые сады, а армяне выращивали замечательные овощи. Ну и, конечно, татары. И я хорошо помню учительницу-татарку, необыкновенную красавицу, с тяжёлым узлом волос на голове.

У нас во дворе жила девочка-итальянка, по имени Розина Джакетти, которую мальчишки про

звали «Резина в жакете», на что она очень обижалась. А ещё нашими соседями была большая еврейская семья. Сарра, Маня и Арон — так звали детей, и в такой последовательности выкликала их мама, с сильным еврейским акцентом. Все они закончили жизнь в Багеровском рву.

И вот эта смесь национальностей, обычаев, говоров, различий типов и создавала неповторимый облик предвоенной Керчи.

Мы, дети, пользовались полной свободой. Любимым местом был Митридат. Мы облазили все скалы и пещеры, заглядывали в узкие окна часовни Стемповского, которая стояла на месте Вечного огня, играли «в классики» на плитах храма Тезея, превращённого в археологический музей, и как-то не осознавали, что соприкасаемся с вечностью.

Мой отец был краеведом-любителем. Вместе со своим другом Фёдором Ивановичем он исходил пешком почти весь Керченский полуостров и старался приобщить к этому занятию и меня. На меня, почему-то, самое большое впечатление произвело посещение подземной турецкой крепости, превращённой в то время в картофелехранилище. Располагалась она в степи, на полпути к большой крепости и была внушительным сооружением, с бойницами, старинными пушками, ядрами и какими-то непонятными вычурными надписями.

Не могу не рассказать о предвоенных базарах. Их было два: один, Сенной, примерно в том месте, где сейчас расположен рынок, а второй — в самом центре города, на месте нынешнего универмага и прилегающей площади. Этот базар спускался прямо к морю, и к нему причаливали те самые «шаланды, полные кефали», и тут же, на берегу, разворачивалась торговля рыбой. Прибывали баркасы с астраханскими арбузами. Здесь же торговали армяне своими овощами, итальянцы своими фруктами, и всё это звучало разноголосьем, дышало южным гостеприимством и рацвечивалось шутками.

Удивительный колорит городу придавали Митридатские улочки, примыкающие к горе, как бы находящиеся под её защитой, с покрытыми булыжником мостовыми, затенённые акациями. Они и сейчас есть, конечно, изменённые, но всё-таки напоминающие о прошлом.

А на горке, там, где сейчас, неудачный, на мой взгляд, памятник жертвам 1919 года, стоял театр. И каждый год в нём гастролировала какая-нибудь труппа с очень хорошими актёрами. Я со своими подружками была непременно зрителем и очень эмоционально всё воспринимала. Хорошо помню «Коварство и любовь» Шиллера, а «Медвежья свадьба» Луначарского, приводила меня в такой ужас, что я потом в страхе просыпалась по ночам.

Такой была Керчь перед войной, в восприятии шестнадцатилетней девочки.

Но вот в 1945 году я возвратилась из эвакуации и увидела совсем другой город. Сойдя с поезда, остановилась в недоумении. Никаких улиц, которые я хорошо помнила, не оказалось. Везде груды камней, через которые, почти вслепую, нужно было найти дорогу. Разрушенные дома, воронки от бомб — вот что оставила война в моём родном городе. И ещё долго-долго очертания улиц обозначались наспех выстроенными заборами, за которыми — всё те же груды камней и здания со следами войны. В немногих уцелевших домах вместо оконных стёкол — поллитровые баночки, еле-еле пропускавшие свет. И совсем мало людей на улицах. Вот тут-то я испытала совсем новое чувство. Кроме той светлой любви, которая была у меня к городу, появилась печаль, боль, не покидающая меня до сих пор. Всё это многократно усилилось, когда узнала о Багеровском рве и Аджимушкае.

Но не только следы войны так поразили меня. Исчезло многоголосье, лица с чертами разных национальностей. Все были как бы на одно лицо. Сарра, Маня, Арон и многие школьные подруги погибли от рук фашистов. «Резина в жакете» была выслана в свою Италию. Греки, армяне, болгары рассеялись по всему свету, а татары, буквально в одну ночь, были отправлены в ссылку.

Сейчас я живу в совсем новом городе. Он, конечно, воскрес после военной трагедии, но сегодня стал напоминать громадный рынок. Его лицо определяют торговые палатки, люди с корзинами, тележками, бесконечные разговоры о купле-продаже и многочисленные нищие.

Но всё равно — это мой город, и я никогда не смогу его променять ни на какой другой. Потому что это мой дом, а дом — это всегда принят, это свой кров, своё настоящее и прошлое.

КЕРЧЕНСКИЕ УЛОЧКИ

Керченские улочки вокруг горы.
 Керченские девочки моей поры.
 На головах косыночки,
 А на ногах «торгсиночки» —
 В них щеголяли мы.

Все улочки исхожены ночной порой.
 Все девочки похожие — все до одной.
 И белые «торгсиночки»
 С голубенькой каймой,
 И лёгкие косыночки весною голубой.

Не знали эти улочки, стремясь вперёд,
 Не знали эти девочки, что впереди их ждёт.
 А их, крадучись медленно, ждала беда.
 А завтра ведь была, война...
 Война была.

И белые «торгсиночки» упали в грязь,
 Погасли у девчоночек улыбки глаз.
 И помнят только улочки, вокруг горы,
 Какими были девочки моей поры.

СОН

Ей шорох города приснился.
 Какой-то стон и чей-то взгляд.
 Там переулок вниз стремился
 И не пускал её назад.

А взгляд всё ближе и нежнее,
 Куда-то всё зовёт и манит.
 Вот с ним бы улететь скорее,
 Да переулок не пускает.

От стен отскакивают звуки,
 Змеится и скользит дорога,
 От ужаса немеют руки.
 И незнакомец у порога.

Ах, с ним бы в никуда пуститься,
 Но звёзды синих глаз тускнеют.
 Слезам от горя не пролиться,
 И переулок всё бледнеет.

А сон всё длится, длится, длится...

И до неё ему нет дела.

А наяву всё время мнится:

Ведь это счастье пролетело.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДЕТСТВО

*В честь музыканта и композитора
Дрейзина, автора вальса «Берёзка»,
который в молодости несколько
лет жил в Керчи.*

Как часто слово или имя,

Взрывающая поступь бытия.

Нас возвращают в мир старинный.

Созвучьем весело звеня.

Так имя музыканта — Дрейзин

Внезапно вспыхнуло во тьме

И, дней однообразие срезав,

Вдруг детство возвратило мне.

То было в крымском городке.

Волна прибоя мысль качала.

Играли дети на песке,

И тихо музыка звучала.

Там нежно скрипка напевала.
 Виолончельный бархат капал.
 И сердце гулко трепетало:
 Играли Дрейзин и мой папа.

А дни летят неумолимо.
 Бесследно годы пролетают.
 Но детство мягко и незримо
 Всё о себе напоминает.

**Мариса
Алексеева**

СОЛНЫШКО

светлой памяти Виталия

Покатилось солнышко,
 Да с крутого бережка.
 Счастье я по зёрнышку
 Собирала бережно.
 Думала, получится
 Радость незакатная,
 Но судьба-разлучница
 Солнышко запрятала.

Луч прощальный бросило,
 Словно взгляд любимого.
 Одинокó осенью
 Без тебя, родимого,
 Без тебя, хорошего,
 Без тебя, желанного.
 Заметёт порошею
 Счастье долгожданное.

Не спешит никто ко мне
 Через степь широкую.
 Никакой дороги нет
 В ту страну далёкую.
 Выпито до донышка,
 Что судьбой назначено.
 Закатилось солнышко.
 Оттого ли плачу я?..

ПАНТИКАПЕЙ

Пантикапей.
 Имя древнего города
 Ты не забудь.
 Означает оно
 Лишь одно — «Рыбный путь».
 Пантикапей.
 Ты удача и счастье
 Рыбацких сетей,
 Голубая мечта

Моряков всех морей.
Пантикапей.

Город морской.
Ты Боспорского царства
Столицею был.
Кто увидел тебя —
Никогда не забыл,
Город морской.
На твоих площадях —
Мореходы, купцы,
Храмы древних богов,
На террасах — дворцы.
Город морской.

Пантикапей.
Ты ведь братом Медеи
Основан давно,
Что достать помогла
Золотое руно.
Пантикапей.
Знал востанья и войны,
Победам был рад.
И по этим дорогам
Ходил Митридат.
Пантикапей.

Город в веках.
 Ты терял, находил
 И дворцы возводил.
 Ты удачливо жил,
 Покупал и дарил.
 Город в веках.
 Твои чайки кружат
 Над зелёной волной.
 Через тысячи лет
 Я люблюсь тобой,
 Город в веках.

Пантикапей.
 На твоих берегах
 Все в душе — моряки.
 Мы потомки твои
 И твои земляки.
 Пантикапей.
 Ты традиции помнишь,
 Свобода в крови.
 Мы гордимся тобой,
 Город вечной любви —
 Пантикапей!

ПОБЕДА

Победа, победа, победа!
 А в сердце шальная весна.
 Над нами салют на полнеба,
 Уходит навечно война.

Мир солнцем и счастьем искрится,
 В сиреновой дымке дома.
 Сияют улыбки на лицах,
 Блестят на груди ордена.

Мы знали войну не по книжкам
 И каждый сто раз умирал.
 «Победа!» — кричали мальчишки
 И плакал седой генерал.

К нам радость пришла в одночасье
 Наградой в смертельной борьбе.
 За жизнь, за любовь и за счастье
 Спасибо, победа, тебе.

И трели в садах соловьиных
 Выводят победную речь.
 Да здравствует город любимый,
 С Победой, красавица Керчь!

БЛИНДАЖИ МИТРИДАТА

На израненных пулями скалах
Часовые над морем стоят —
Они знают о жизни немало,
Блиндажи на горе Митридат.

Блиндажи Митридата.
Видят вечные сны
Моряки и солдаты
Той далёкой войны.
Помнят май в сорок пятом
И военный парад.
Блиндажи Митридата
В карауле стоят.

И тюльпаны лежат на бетоне,
Здесь окончен геройский маршрут.
Как горящее сердце в ладонях,
В мае факелы люди несут.

Память в годы прессует минуты.
Песни Керчи летят за моря.
И победные наши салюты
Славой вечной над вами горят.

МОЯ ШКОЛА

Будто не было этих лет,
Лишь вчера у доски стоял.
Алой краской горел рассвет
В наш последний, прощальный бал.

Через годы я вижу вновь
Берег моря, обрыв крутой,
Моя тоненькая любовь
Мне тихонько махнёт рукой.

Честь и мужество в добрый час
Ты в дорогу с собой возьми.
Дружбе школа учила нас,
Ты учила нас быть людьми.

В эти классы стремлюсь я весь,
К этим стенам душой приник.
Наших судеб истоки здесь,
Нашей веры святой родник.

Есть, о чём нам ещё мечтать,
Пусть дожили мы до седин —
Вот бы юными снова стать,
Хоть на день, хоть на час один.

Если будут давить года,
 Если станет не в радость путь,
 Мы прийдём поскорей сюда,
 Чтоб на детство своё взглянуть.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

к 30-летию окончания школы

Снег засыпал город по колено.
 Белый мир, всё цвета одного.
 Тридцать зим над нами пролетело,
 Миг один, а сколько в нём всего.

В жизнь большую мы ушли отсюда,
 Одноклассник каждый — словно брат.
 Наша школа — солнечное чудо,
 Здесь и в хмурый день глаза горят.

Свои судьбы здесь мы начинали,
 Чтоб потом встречаться вновь и вновь.
 Мы всю жизнь экзамены сдавали
 На мечту, на дружбу, на любовь.

А директор, словно ученица,
 Как она сегодня хороша.
 Наша школа — юности страница,
 С нею не состарится душа.

Белый город инеем искрится,
Школьный вечер — в сердце благодать.
Белый танец! Где вы, ученицы?
Тридцать лет... Да что там их считать!

ТИШИНА

К 70-летию средней школы № 17 г. Керчи

Поздний вечер. Школа отдыхает.
Не горят уставшие огни.
Что нас завтра ждёт, никто не знает,
Мирные бы только были дни.

Непривычно тихо в коридорах.
Школьные традиции храня,
Старенький звонок свой строгий голос
Бережёт до завтрашнего дня.

И никто не мчится без оглядки,
Классные журналы мирно спят.
И уже проверены тетрадки,
Аккуратной стопочкой лежат.

Как на сына ласковая мама,
В школьное окно глядит луна.
После шума, писка, визга, гама
Наступает в школе тишина.

Стали дни по осени короче,
 Месяц сдвинул шапку набекрень.
 Доброй ночи, школа, доброй ночи,
 Завтра снова будет шумный день.

Энергией творенья.
 Мир — зеркало, в которое смотрясь,
 Мудрец устало ищет
 Между собой и отраженьем связь,
 Как сирота — жилище.

Мир — книга. Между строк её читать
 Умеют только Боги...
 О, правящая жизнью Благодать!
 Сожги мои тревоги!

* * *

Посвящённый в тайны Мироздания,
 Я стремлюсь идти прямым путём,
 Подавляя грешные желанья
 В сердце пламенном своём.

Каждый день парю я над землёю
 И, истерзанный самим собой,
 Разбиваю скалы головою,
 Переполненный тоской.

Я живу безумной верой в счастье
 И из кубка красоты
 Пью вино, придуманное страстью
 Огнедышащей мечты.

Ем плоды от Древа Свободы
И целую прах земной.
Я — многоречивый сын природы,
Ненавидящий покой.

В сердце у поэта — только пламя.
В этом пламени сгорает он,
В небеса вздымая Божье знамя
Всех народов и времён.

Ценит он лишь яркие мгновенья
И поэтому уверен в том,
Что Господь его стихотворенья
Озарил Своим Лицом.

* * *

Светлой памяти Свами Рамакришны

«Жизнь прекрасна!» — я сказал звезде,
Появившейся в бездонном небе.
По прозрачной голубой воде
Грაციозно плавал чёрный лебедь.

В воздухе дрожала тишина.
Сердце, слушая её, стучало.
Стопы ног ласкавшая, волна
Радостью меня переполняла.

Ветер гладил волосы мои
 Сморщенной от старости рукою.
 В первый раз я понял суть любви,
 Ощутив величие покоя.

Словно мир увидев в первый раз,
 Я почувствовал в груди волнение,
 И, как мудрый йог, вошёл в экстаз,
 Осознав, что вечно лишь мгновение.

* * *

Там, где мысли теряют свои очертанья,
 Там, где чувства теряют свою красоту —
 Мы увидели мир векового молчанья,
 Мы узрели манящую нас пустоту.

Неужели мы Здесь остаёмся навечно?
 Неужели Сейчас нет дороги назад?
 Как ужасно и холодно! Мрачное Нечто
 В наши души вонзает безжизненный взгляд.

В этом взгляде бездонном в единое слиты
 Зло, добро, свет и тьма, ложь и правда. Стремясь
 От испуга спастись, мы, в тоске ядовитой,
 С грешным миром теряем последнюю связь.

В глубину погружаясь, мы ведаем явно,
 Что она навсегда растворяется в нас.

И, забыв о себе, забываем о главном,
 Дабы свет наших душ безнадежно погас.

* * *

Не верьте, дети, в миражи,
 И сладким снам не верьте.
 Вас не спасут от скверной лжи
 Ни ангелы, ни черти.

Они — такие же, как вы,
 Рабы своих мечтаний.
 И лишь в одном они правы —
 В ничтожности исканий.

Не ждите от своих друзей
 Взаимопониманья.
 Эгоистичен мир людей,
 Рождённых для страданья.

И не желайте правды. Нет
 Её на белом свете.
 Всё — ложь и суета сует.
 Поймите это, дети.

И, созерцая лики тьмы,
 Скажите так, ребята:
 «Реальность — это то, что мы
 Придумали когда-то».

* * *

Описать бесценный миг
 Может лишь Создатель мига.
 Лучше всех на свете книг
 Ненаписанная книга.

Неспроста сказал пророк
 То, что знали все пророки:
 Лучше всех на свете строк —
 Ненаписанные строки.

Всем известно: мир не нов.
 Но одно в нём вечно ново:
 Лучше всех на свете слов —
 Непридуманное Слово.

Лишь Оно, рождая свет,
 Говорит устами света:
 Знай, что лучше всех планет
 Нереальная планета.

Я нашёл на ней приют,
 В мире не найдя приюта...
 Мне милее всех минут
 Уходящая минута.

Я — крылатый водолей,
Сын Эпохи Водолея —
Знаю: лучше всех идей
Нерождённая идея.

* * *

Лишь завершив свои дела,
О, блудный сын мой,
Ты услышишь,
Что Истина гораздо выше
Добра и зла —
и вдруг поймёшь,
Что блуд — не грех,
А трудный поиск
Сокровищ страждущей души.
И обретёшь
Межзвёздный пояс,
и ложь
распнёшь
Гвоздями новой лжи.
И будет мучиться она.
Потом умрёт.
Потом воскреснет
и станет
Светозарной песней
Сверхчеловеческого сна.

* * *

Изувеченной птицей
 Буду биться о плоскость стекла.
 И кровавым крылом
 Рисовать непонятные знаки,
 И тревожно молиться
 Седому Создателю зла,
 Растворяясь (как капля воды — в океане)
 В сияющем мраке.

Но жестокий хозяин
 Не пустит меня в свой дом.
 Он с холодной улыбкой
 Будет смотреть мои муки,
 А когда я умру,
 Смех (такой же безумный, как гром)
 Разобьёт своей мощью стекло,
 Распадаясь на тонкие звуки.

* * *

Он ушёл в нирвану.
 Я остался на земле,
 Чтобы постоянно
 Быть звездой в крошечной мгле.

Но, ища обитель,
Я кричу ему порой:
«Внемли мне, Учитель!
Забери меня с собой!»

И всегда МОЛЧАНЬЕ
Неба СЛЫШУ я в ответ.
О, мои страдания!
Расскажите: где вас нет?

Видимо, напрасно
Я остался на земле...
Впрочем, как прекрасно
Быть звездой в крошечной мгле!

* * *

1
Люблю людей, влюблённых в цель свою —
Талантливых поклонников идеи.
Но больше всех талантов я ценю
Готовность жертвовать душой своею.

2
Я знаю: смерти мне не избежать.
Но если, Боже, стану я звездой,
То помоги мне в темноте сверкать
Над грустной, словно Истина, Землёю.

**Елена
Ромазанова**

ВОПРОС

Мокрый асфальт. Отражения звёзд.
Звон фонарей. Неоткрытый вопрос.

Ливни лучей по закрытым глазам.
Жизнь — это дверь, молчаливый Сезам.

Снова Цербер — три лица, три врага.
Лета и каменные берега.

Старец Харон поднимает весло.
В чей жуткий сон меня так занесло?

Что ж ты молчишь? Ну, ответь же, старик!
 Может ли тень вдруг сорваться на крик?

Горсть серебра на дне лодки пустой.
 Не уплывай без меня, ты постой.

Тенью безвестной я в лодку войду.
 Цербер прошляпил меня, на беду.

Едь же, Харон, уж заждался Аид!
 В сумрачном царстве душа не болит.

Вместо небес — гулкий каменный свод.
 Я бы пешком пошла, только где брод?

Вечное марево. Тень — это Я.
 Будет ли завтра? Взойдёт ли заря?

Пусть зарывает холодный родник!
 Я в чёрной Лете рисую огни.

Путь не далёк. Я успею смолчать.
 Я так устала, я так хочу спать...

Плещет весло. Я спокойна до слёз.
 ... Мокрый асфальт...
 ... Неоткрытый вопрос...

ПОВЕСТЬ

Переулков тёмный почерк
Пишет повесть моих дней,
Когда были сны короче,
Были праздники длинней.

Чей-то странный выстрел мести
Неожиданно в висок.
Свет и тьма — граница лести.
Заключительный бросок.

Отражение неба в лужах
Распечатает рассвет.
Вновь февраль. Закат завьюжен
Вечной стужей в сотни лет.

Стелет снежная дорога
Вдоль по лицам на восток.
И родится вдруг тревога,
Словно ландыша цветок.

Параллели, акварели —
Вечер в городе дрожит.
Когда счастьем дни пестрели —
Мир печалью дорожил.

Исподлобья чёрным оком
Недоверчиво смотрел
Тёмный вечер тёмных окон,
Словно ждущих мой расстрел.

Я иду пешком по ночи
И гляжу, как в тишине
Грязных луж корявый почерк
Что-то пишет обо мне...

ДОЖДЬ

Дождь. Сумерки. Молния. Молния.
Озон. Раскаты. Гром. Гром.
Руки огня и воды полные.
Дерево. Лужи. Вспышки. Дом.

Дождь по телу.
Дыханье чуть слышное.
Дождь. Тишина. Снова гром.
Снова гром!

А из подъезда, такие лишние,
Такие чужие — смех и подъём.

Слепые. Глухие. Не видят. Не знают.
Небо плавится. Дождь. Свет.
Руки незримые свод разрывают.
Дождь. Снова дождь. Уже целых сто лет.

Ночь. Переулок. Гром. Вода.
 Вспышка. Фигура. Окна. Звон.
 Я. Это Я! Это ток в проводах.
 Мокрая. Тёмная. Пальцы. Озон.

Взгляд сквозь дождь. Сквозь расстояния.
 Белые. Синие. Ночь. Одна.
 Это тоска. Это счастье. Желания.
 Я. Это Я! Это отблеск окна.

Грохот! Стихия ревёт и бушует!
 Я. Это Я! Так спокойно. Уснём.
 Тихое счастье.

Природа балует.
 Молния. Молния. Дерево. Дом...

ВЕСЁЛЫЙ СТИХ!

Мне страшно, страшно, страшно —
 В первый раз я здесь ненужная.
 «Срывает» мою «башню».
 Лето жжёт, а я простужена.

Пою чужие песни,
 На свои не хватит воздуха.
 Да, жизнь, ты интересна,
 И весело так сдохну я.

Стекает время ртутью —
Сигарет, боюсь, не хватит мне.
Гнилой болотной мутью
Мажет боль когтями по спине.

Всё было. Всё недаром —
Жуткий март, больной тоской июнь.
Негаснувшим пожаром
Бьётся жизнь в знакомых знаках рун.

Бермудский треугольник.
Пропадаю я. Не видишь ты.
Помятый старый «стольник»,
Как долги за жажду высоты.

И так необходимо
С этих губ испить мне воздуха.
Смеясь, летит жизнь мимо,
И весело так сдохну я...

НЕ ВЕРЬ

С. А.

Ты не помнишь меня, но я тебя помню.
Если я улыбаюсь — не верь мне.
Я не сплю. Я всё слышу.

Ночь голос наполнил,
Разрывая, звенит в тишине.

Когда я говорю, что забыла — не слушай.
Я не сплю.

Видишь — я ещё рядом.
Этот мир, этот свет — всё, что жжёт мою душу,
Не тревожь.
Меня нет — и не надо.

Я всё помню.
Полгода бессонные ночи,
Ты забудешь и станешь незрячим.
Вечных сумерек боль, недопитая горечь.
Ты бросаешь меня на удачу.

Я скажу, что так лучше —
Не верь, я блефую!
Ты прочтёшь всё по тусклому взгляду.
Я иду без тебя напролом и вслепую.
Нету нас?!
Меня нет?!
... И НЕ НАДО...

ОПОЗДАВШАЯ ЭЛЕКТРИЧКА

Рельсы, рельсы. Шпалы, шпалы.
Ехал поезд запоздалый.
Ехал долго, ехал быстро,
Из Керчи до новой жизни.

Остановки, окна, полки.
 Не вернуться — нету толка.
 Не забыть и не проститься...
 ... Запоздалый поезд мчится...

Я вернусь и, может статься,
 Мне удастся достучаться
 До сердец, закрытых мглою,
 Очарованных не мною.

И я буду ждать и верить,
 Что ты был, ты не потерял.
 ... Как последний шанс успеха —
 Запоздалый поезд ехал...

Пусть на всё, что пережито,
 Лягут мраморные плиты.
 И на прошлом взгляд усталый...
 ... Рельсы, рельсы. Шпалы, шпалы...

ПИСЬМО

Осень расплатится в форточку вечером.
 Дым по желтеющим листьям расстелется.
 Взгляд в пустоту, и прощать уже нечего,
 Всё перетрётся и всё перемелется.

Руки протянутся в небо туманное.
 Боль притупилась и жжёт еле слышимо.

Но распрощались, наверное, рано мы.
Жду, как спасенья, когда ты напишешь мне.

Здесь много шума и люди безликие,
Словно погрязли в быту и насилии.
Дни, как часы, тихо-тихо протикают:
Зря и так глупо с тобою простились мы.

Каждую ночь вспоминать всё, что прожито,
Каждый рассвет просыпаться с надеждою.
Вечер, дневник — суета подытожится,
Кто скажет мне — я осталась ли прежнею?

Тихо, без звука открылись бы двери мне,
Я бы вошла, чуть дыша, в твою комнату,
Стала бы в тень и неслышно — ты веришь мне? —
Я растворилась бы, я бы наполнила

Каждый твой вздох тихим счастьем и радостью,
Каждый твой взгляд я впитала бы кожей.
Ведь навсегда наши судьбы повязаны
Крепко.

Смотри, как отчаянно схожи мы!

Снова полёт, ведь так хочется вечного,
Но за окном вдруг застонет метелица.
Взгляд в пустоту.

Я б простила — да нечего.
Ты возвратишься и всё переменится...

Ольга

Романенкова

ПЛАЧ АНГЕЛА

Ангел плакал... Крупные слёзы катились по его щекам. Никто не знал, что у него в этот момент творилось в душе. Никто не понимал его внутренней скорби. Он слишком долго прожил, слишком много увидел, слишком мало забыл.

Много вопросов задавал себе Ангел, летая в голубой лазури неба, и не находил ответов. Может, оно и к лучшему. Если бы он знал ответы на все вопросы, его душа разорвалась бы от боли, и самая яркая звезда исчезла бы с неба. А ведь звёзды так нужны людям! Ангел очень любил людей. Он не забыл, как сам был человеком, только не помнил,

кем именно. И никогда не забудет, что его не стало по чьей-то злой воле.

Ангел спрашивал себя, что такое добро и зло, что такое красота, любовь, почему в мире столько несправедливости, почему чёрные Ангелы Апокалипсиса не перестают терзать Землю своим огненным дыханием и железными когтями? И долго ли ещё жить людям на планете?

Он решил спуститься на грешную Землю. Поискать ответы на свои вопросы, мучившие его душу уже столько столетий. А когда подлетал, то увидел... Точнее, не увидел ничего. Землю поглощала тьма, сотканная из человеческой злобы, зависти, ненависти и лжи. За этой тьмой скрывался сам владыка ада — Люцифер. Он постепенно пожирал планету вместе с людьми. Ангел взмолился, он готов был всё отдать ради спасения Земли. Люцифер потребовал отдать прекрасную душу, в его богатую коллекцию, взамен того, что он отступит от планеты. Ведь у Ангела была единственная во всей Вселенной, чистая, светлая, безгрешная душа. Этой душой гордился сам Господь.

Ангел очень любил людей... Он отдал душу и превратился в чёрную бесформенную тень.

Долго... Долго мучился Ангел в царстве вечного зла. Он продолжал думать о людях. Ангел молил, чтобы его отпустили хоть ненадолго на Землю. Через сто лет владыка преисподней, наконец, позволил ему побывать на планете.

Когда Ангел вышел из тёмных глубин ада, то увидел одни руины. Не было ни солнца, ни людей, ни растений, ни животных. Землю окружала темнота. Люди сами разрушили планету. Наступил хаос...

Неподалёку Ангел увидел свои два крыла, валявшиеся на голой земле. Ангел заплакал... Затем он внезапно рассмеялся — это был горький смех.

Чёрная тень развернулась и двинулась во тьму, волоча за собой белые крылья.

*Талина
Макаричева*

* * *

В какой из реальностей
будешь отыскивать повод,
меня на «нечего»
шалость, где прихоть мала,
касается нервов...? Наверно —
в глубокое канет
Сейчас ослепительно...
Будет погода
на диво изменчива;
стынуть в кострище зола.

И звон бубенцов —
 как оскомины тайных созвучий,
 соцветий, созвездий,
 и просто не этих миров...
 В молчаньи нет слов.
 Помолчим, как представится случай
 о шелесте крыльев...
 где ставит силки Птицелов.

О КЕРЧИ

Садилось солнце,
 был туманный вечер,
 И уплывал куда-то пароход,
 А город зажигал огни и свечи.
 И в нём как будто
 не было забот.
 Как будто день
 так безмятежно прожит.
 И в ожиданье сна,
 он без тревог,
 Так на поляну звёздную
 похожий,
 Переступил легко через порог;
 И в ночь ушёл,
 оставив день в минувшем,
 И так спокойно снова
 на душе.

Смотреть в окно,
и город этот слушать,
Застыв пылинкой
в звёздном мираже.

* * *

Не говорите мне, что ночь темна.
Я вижу звёзды в этом самом небе.
Полночный Вест листает письма —
На новый день, ещё который не был.

И там, на предрассветном рубеже,
В сполохах, в час на право равновесий,
В крошечной ночи ТОЛЬКО и УЖЕ,
Да не исчезнем мы в условном ЕСЛИ.

Дыханье в воздухе колеблется, глаза
Отслеживают тонкое движенье.
Не говорите то, что не сказать —
Иллюзия равна предвосхищенью.

* * *

Всё то, чего дороже нет — с начала
Останется в проявленной мечте,
Прошепчет бризом мантру у причала
В дрожащих бликах волн по темноте.

Отступит боль, тебе не будет грустно
 О памяти утраченных миров...
 Так просто, обретая волю чувства —
 В каскад огней скользнёшь из вещей снов.

Все пазлы, из подобранных случайно, —
 Уложатся в чарующий узор.
 И станет ясным то, что было тайной,
 Манящей солнцем на вершины гор.

* * *

Ты видишь свет сквозь веки, в тишине —
 ты слышишь и, себя не ощущая,
 по радуге ступаешь, как во сне,
 в чертог движения сверкающего края.

В черте несоответствий — свой предел,
 И смерти обратимость есть — рождение,
 Для страждущих, в минуту искупленья,
 В летящем с неба сонме светлых стрел.

Из лета затянувшейся весны —
 косые линии и музыка дождей,
 Стремительность и пауза, явь и сны.
 Ты видишь — свет, что в жизни есть твоей!

ДЛЯ НАС

Все замыслы в скрытом, понятном едва ли
не смертному, не посвящённому, не
в обыденном — Землю и Небо венчали
над бездной на вечность. На взмах к высоте —

Платанов могучие, пышные кроны
качнулись, едва не задев облака.
Где вереска дух — изумрудно-зелёный,
с предгория в море впадала река.

Луч света, влекомый воздушным пространством,
за штормом пронёсся Оттуда — Сюда.
В подводном течении, чарующим танцем,
движеньем встревожил чудовищ со дна,

желанья, сомненья и множество смыслов,
рассветным сполохом скользнул по воде
над пенной волной, в крике чаек, искристый,
летающий за ветром Везде и Нигде.

Из небылей прошлого — замыслом новых,
из многих мгновений — случилось Сейчас,
Качнулись платанов могучие кроны...
И Небо спустилось на Землю для нас.

* * *

Прислушайся к полночной тишине,
к парящему в безветрии молчанью,
чуть слышному дыханию во сне,
и Вечности чуть слышному дыханью.

Не оборачивайся: прошлое — прошло.
Прислушайся — услышишь голос крови.
Что есть в тебе — тому не нужно слов,
Ведь Истина — в одном едином слове.

Найди в себе всё то, что есть в тебе,
постигни то, что есть над головою,
вокруг тебя, весь этот Белый Свет,
и Свет Души — Любовь, что есть с тобою!

ВСПЫШКА

Всей этой жизни не бывает «слишком»,
Любовь в которой — ослепительная вспышка,
тоска по ней на сердце болью жгучей...
Движенье к высоте по горной круче;
и жаркое дыхание пустыни;
морозным утром на ресницах иней
(от слёз ли радости, от горького ли горя?)...
Свершится всё, что ты себе позволишь.
Вот в этой жизни, где не «слишком», нет,
Любовь — не вспышка, а дарящий Свет.

* * *

Всё как есть. Что пройдёт..., что останется,
где назначена Истина в Сущее,
где душа моя — вечная странница,
в этой жизни, что Богом отпущена.

В этой жизни, где долго ли, коротко;
по лесам ли, по гретым пригорочкам;
ночка... солнышко. Что сердцу дорого —
да прошло бы сквозь ушко иголки.

Воля — вольному, ширь необъятная,
мост из радуги в просинь небесную.
Слухом полнится. Это я — не я,
мне не знать, или знать неизвестное.

Всё как есть, да как будто в диковинку.
Что отпущено — просто останется.
Будет Истина в долгом — по коротку,
где душа моя вечная странница.

ОСТРОВА

Поймёшь сейчас — тебя и здесь не ждали:
чуть больше, чем хотелось, здесь печали,
и голос крови памятен едва.
Бушует жизнь, ты видишь острова,
сквозь облака фрагменты сновиденья

(намёк на Вечность, долгое паренье,
падение вверх, рождающее страх).
Поймёшь сейчас, так много — лишь слова,
(которые совсем немного стоят)...
уходишь ты, себя поняв едва,
мятежный дух, не знающий покоя,
сквозь облака — по звёздным островам.

ОБЕЩАНИЕ

Что в запредельной этой дали
Мы необычного искали?
Восход, а может быть закат?..
Как много тысяч лет назад.

Холодный воздух бьётся в лёгких
За миг рассвета на востоке...
Звено слабеющее рук
И ускользанья — ультразвук...

И время... Снова расстоянья.
Через века — дань обещанья —
Любовь. Закат и вновь рассвет
Ещё на много тысяч лет.

И вечный зов в круговороте,
Застывший на высокой ноте,

Под небом всех творящих сил
Нам это право подарил.

Восторг сверкнувшего мгновенья —
За неслучайность воплощенья —
Непостижимый тот полёт
В той жизни, что опять придёт.

* * *

На прощанье туманного вечера,
каплям воска с оплившей свечи
что сказать? А сказать-то и нечего,
и поэтому просто молчи.

Всё меняется без сожаления,
ясно видится всё невзначай.
В этом «Было» и «Будет», наверное,
и об этом мерцает свеча.

Обернувшись неведомой небылью,
для того, чтобы снова сбылось
исполнение Истины, Небо шлёт,
что увидишь сияние звёзд.

И к чему прикоснувшись доверчиво,
в отражении множества глаз —
словесами сказать будет нечего,
и для этого длится «Сейчас»...

На прощанье мороз станет инеем,
в каплях на запотевшем окне
отражением мира, а именно,
тем, что ты созерцаешь во сне.

В Несказанном поверь, это искренно,
это просто движение души,
устремлённой на поиски Истины...
Что сказать?

Ничего не скажи.

*Ольга
Шапран*

ПОПЫТКА ВОЗВРАЩЕНИЯ

Отложен Суд. И снова жить
 На свете мне,
 И если что-то находить —
 Терять вдвойне,
 И воду будней лить в песок,
 И жечь мосты,
 И мысли сматывать в клубок
 До дурноты,
 И видеть жизни прежний фарс,
 И жить спешить,
 И тратить попусту на Вас
 Тепло души.

ШКАТУЛКА С СЕКРЕТОМ

В событий фатальных прокрустово ложе
Нас жизнь уложила не ради игры.
В шкатулках с секретом, со временем множа,
Храним мы нехитрые жизни дары.

Я крышку шкатулки твоей приоткрыла,
Но, как оказалось, там дно не одно.
Но время незримые волны катило
И вот обнажило последнее дно.

Погоду любую привычно встречая,
Живя в перекрестье мирков и миров,
Там флюгер обычный свободно вращает
Подвижную стрелку по воле ветров.

ИКАР

Были едины, а может, казалось...
Что-то, сложившись едва, затерялось
Зерном посреди плевел.
Бренная мысль о насущности хлеба
Тесно сплеталась с мечтою о небе.
О, как ты взлететь хотел!
И наконец взлетел!..

Стали как будто дорожною пылью,
 Сверху и не узреть,
 Те, кто помог обсушить тебе крылья,
 Чтобы ты смог взлететь.

Выше и выше, всё мало и мало.
 Самонадеянность сына Дедала
 Бродит в твоей крови.
 Где-то, недобрым предчувствием полно,
 Море вздымает зелёные волны
 И песни поёт свои
 О вечности и любви.

Солнце растопит последние грёзы,
 Зреть не дано чудес.
 Падают воска остывшие слёзы
 Под ноги нам с небес.

* * *

Вожделенная срочность
 Виртуальных побед...
 Мы единство на прочность
 Проверяли в борьбе.
 Многоликое время
 Восстановит мосты.
 Кто-то станет мудрее.
 Может, я?.. Может, ты?..

Что ты мечешься, душа,
Словно птичка в клетке?
Или жизнь нехороша
Без зелёной ветки?!

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Насладившись сполна суетою сует,
От бессилия дел, пустоты разговоров
Я на яркий, к себе призывающий свет
Потихоньку пошла темнотой коридора.

То ли сон, то ли явь. Путь лежит далеко.
И по дням отлетевшим не жжёт ностальгия.
И хоть холодно телу, на сердце легко,
И зовёт в небеса светлый плач литургии.

Но видать, не судьба и минута не та,
И связались концы оборвавшейся нити,
И читаю я жизнь, словно ноты с листа.
Дал вторую попытку Господь, мой хранитель.

ПЕСЕНКА ПРО КУРОЧКУ-ПЕСТРУШКУ И ЖЕМ- ЧУЖНОЕ ЗЕРНО

На птичьем дворе и светло и просторно,
Хоть пахнет отнюдь не духами «Клема».
Там пёстрая курочка ищет упорно
Жемчужное зёрнышко в куче дерьма.

Гребёт она лапками снова и снова,
Ещё не решив до конца и сама,
А стоит ли этот процесс поисковый
Того, что найдётся под кучей дерьма.

Гребётся пеструшка, не внемля советам.
Самой же понять не хватает ума,
Что, может быть, зёрнышка вовсе и нету
Под данной конкретною кучей дерьма.

ПАУЧОК

Для охоты удачный избрав уголок,
Сеть узорную начал плести паучок.
Хоть работа сложна, но движенья легки,
И мохнатые лапки нежны и ловки.

Милый мастер, признаюсь тебе, что не прочь
Я в создание шедевра для ловли помочь.

И хотя не плела я сетей до сих пор,
Но за ниточкой нить я вплетаю в узор.

Знаю я о коварстве узорных силков
И всегда опасалась таких паучков.
Отчего же, сама я никак не пойму,
Помогаю сейчас в этом деле ему.

Нам судьба преподносит сюрпризы подчас.
Мохноногий ловец, ты подумай не раз,
Завлекая меня в свою мягкую сеть,
Чтоб потом, милый друг, ни о чём не жалеть!

* * *

*«Я в ночь гляжу, ночь смотрит на меня.
Мы отражаем чаянья друг друга.»
(Е. Бондаренко)*

День незаметно удалился прочь,
И утомилось тело от движений.
А за окошком наступила ночь.
Ну, просто ночь, без всяких отражений.

На кухне свет зажгу, её дразня.
Разделены мы с ней закрытой дверью.
Я в ночь гляжу, ночь смотрит на меня.
И ничего не надо нам, поверь мне!

* * *

*«Души не закрывайте дверь,
Чтоб счастье к вам вошло без стука.»
(Ольга Шапран)*

Из тёплых вод родимого болота
На кочку вылезая ежедневно,
Я вдаль смотрю и жду опять чего-то,
Собой — лягушка, а в душе — царевна.

Закат моргнул последними лучами,
С надеждой я прислушиваюсь к звукам.
Но бесконечно дни текут за днями,
А царский род не балуется луком.

Но я, на ключ не закрывая двери,
И кваканьем гоня от сердца скуку,
Сижу в болоте по уши и верю,
Что счастье в дверь мою войдёт без стука.

* * *

*«Я твоё имя шепчу
И уколоться хочу
Я об твои обломанные усы.
А я на крыше одна,
И выше — только луна
Над головою, как кусок колбасы.»*
(Ольга Шапран)

Луны взошёл колбасный знак.
А время вдаль течёт незримо.
Ну где ж ты бродишь, мой кошак,
Хоть драный, но навек любимый?!

Ночь множит звуки голосов.
Под хор ночной неважно спится.
Ну где б достать твоих усов,
Чтоб уколоться и забыться?!

* * *

*«Часто пьём без закуски.
Но, не зная презград,
Как ракеты на пуске,
Наши члены стоят...*

*... Быть жрецом Афродиты
Славно, чёрт поberi!
Обыватель, иди ты...
Отвернись, не смотри.»
(А. Вдовенко)*

Обыватель, иди ты...
Не поймёшь ведь, осёл!
Мы жрецы Афродиты!
Этим сказано всё.

И хоть нам не до шуток,
Круче стала пора,
Женщин мы хоть минуту,
Но полюбим с утра.

Ведь, скажу без обмана,
Мы бойцовский народ.
Если члены не встанут,
Пустим «стингеры» в ход.

**Евгений
Трапов**

ПРОРОЧЕСТВО

Лишь час остался до утра.
Туман укроется в долинах,
На волю вырвутся ветра
Под гимн взошедшего светила.

Озёра станут руслом рек,
Возобновив движение к морю,
Зелёный молодой побег
Живой наполнится водою.

И люди будут ощущать
 Себя частицею рассвета,
 Стремиться, верить, понимать
 И в сердце находить ответы...

* * *

В объятьях Марса — плен оков, —
 Мы снова дали миру бой,
 Тем самым города богов
 Похоронивши под водой.

* * *

Зоркий сокол, ты лети
 Над землею высоко.
 Крылья могут унести
 С поля битвы в царство снов.

Стрелы свищут, да над нами,
 Верный щит на землю брошен.
 Приготовься к лютой сече,
 Небо пусть тебе поможет.

Помнят ветры, помнят степи,
 Помнят горы, помнят воды,
 Как ложились в землю воины
 За свободу, за свободу...

ПИСЬМА ОСЕНИ

Память прошлого ещё тревожит,
Так некстати открывая двери.
Только что теперь поделаться можно, —
Не прожить нам на Земле без веры.
Птичьи стаи пролетали мимо,
Вслед за ними уходило счастье.
Наше небо покрывалось дымом
От мостов, сожжённых в одночасье.

Вечерами я читаю письма,
Письма осени проливным дождём.
И летят по миру листья, листья,
Не нашедшие своё место в нём...

Всходит солнце бледнолицей дымкой
Над домами, что вины не знают.
Королева-осень закружила, —
В её царстве затухает пламя.
Остаётся лишь холодный город,
Растворяющий в себе надежды.
Тёплый ветер уносился к морю,
С наших грешных душ сорвав одежды.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Сквозь туман и снег —
Лучей потоки.
Открывается дверь
Под напором тока.
Тяжелеет шаг
И ноши — бремя.
Крылья, солнце и страх, —
И Новое время!

Кто-то хочет открыть
Тайны континентов.
Кто-то жаждет блеснуть
На киноленте.
Кто-то гонит перед собой
Свои желанья.
Кто-то, вспыхнув, уйдёт,
Успев сказать нам:
Новое время!

СЕРДЦЕ

Через холод и мрак
Мы идём к своей цели.
Мы растаем в веках,
Но успеем посеять.
Те, кто пашет поля,
Зачастую не сеют.
Оскудела земля
И побеги желтеют.

Спой же песню, сердце, мне,
Открой секрет, куда идти.
Начался сезон дождей —
Сухого места не найти.
Душу озари, идти в дорогу
Призови меня.
Пой же песню, сердце,
О рождении в тебе огня!

В суете серых лиц
Забываем о главном.
Мчатся сотни страниц,
Улетая куда-то.
Книгу жизни прочтя,
Превратись в вольный ветер,
Чтоб рождали поля,
Жизнь давая планете!

Александра Синеглазова

ПЛАЧ АЛЕКСАНДРЫ

Произведения Александры Синеглазовой не претендуют на звание поэтических творений. Это вопль раненного материнского сердца. И он будет понят тысячами и тысячами матерей, потерявших — внезапно, нелепо: войною ли взятых, трагической ли гибелью — сыновей. И тем более, если он обладал при жизни чистой, возвышенной душой, нежным, любящим сердцем, творческим даром.

И рвётся сердце материнское болью утраты, и изливается потоками причитаний, которым нет дела до правил стихосложения; они то почти бессвязны, то рифмуются

внезапно. Это так знакомо: извечные плачи-причитания русских женицин.

В них — боль и скорбь, в них — порыв уйти следом и понимание своего долга перед памятью, в них смирение и непримиримость сливаются воедино.

Плач Александры Синеглазовой сродни Плачу Ярославны, изливавшей со стен Путивля древнего всё те же боль и скорбь, смирение и непримиримость, долг Памяти.

И как трагично, что века минуют, сменяются эпохи и события но всё звучат над Землёю Плачи матерей, жён, любимых — любящих, осиротевших, хранительниц Памяти, жизнью своею, болью своею продолжающих, поддерживающих то, чего не успел он, навек утраченный...

Татьяна Левченко

* * *

Мне страшно утром просыпаться,

Вставать, ходить и есть, и пить;

В пустую комнату твою входить...

Пытаться людям улыбаться...

В прохожих юношах

Твои черты искать...

И с нетерпением нашей встречи ждать...

* * *

Опять стою на берегу...
 Я море больше не люблю.
 И вижу жуткую картину,
 Как сын нырнул в его пучину.
 Пытался выплыть, или сразу
 Ушёл с волною в глубину?
 Он был один? А вдруг, кто видел?
 Спасти не смог, или обидел?
 Раздел, украл, пытал, убил?
 Что было там, на берегу?
 Узнать об этом не могу.
 Когда и где — никто не знает.
 А тот, кто знает — утаит.
 Сведуц лишь Бог,
 Но он молчит.

* * *

Никогда, никогда
 Я тебя не увижу.
 Никогда, никогда
 Не вернёшься в наш дом.
 Никогда, никогда
 Ты не вырастишь сына
 Никогда, никогда
 Не построишь свой дом.

Ты ушёл в другой мир
 Непорочным и чистым.
 На девичьем лице
 Не прольётся слеза.
 Имя первой любви
 В «Забинтованном сердце»
 В зашифрованный стих
 Поместил навсегда.
 Никогда, никогда
 Ты уже не позвонишь
 И не скажешь мне в трубку:
 «Мам, эт я!»

* * *

О, всемогущий Бог!
 Жестокий и бездушный!
 Теперь доволен ты?
 Что нет Андрюшки?
 Не пожалел,
 Не спас
 И не отвёл беду!
 Я родила, растила и ночи не спала,
 Лелеяла, любила
 И надышаться не могла.
 Ты всемогущ!
 И говорят, что он — Твоё дитя!
 Но кто же я ему тогда?

* * *

Я прячусь от людей.
 Хожу, как тень.
 Ищу места,
 Где — никого.
 Ониживут.
 У них проблемы,
 Которых у меня уж нет.
 Я понимаю,
 Им тяжело увидеть грустное лицо!
 Потухший, обречённый взгляд, опять.
 Нельзя людей пугать!
 Прочь! Я изгой!
 Уйди от них! Беги!
 Закройся дома и сиди!
 Смирись! Терпи! Молчи!
 И никогда! И никому! И ничего!
 Не говори!
 Терпи! Терпи! Терпи!

* * *

Я им дышу и ем, и сплю.
 Но не живу, но не живу.
 Зачем ходить среди людей?
 Мешать им жить?
 Смотрю на них,

Но их не вижу.
 Один Андрей передо мной.
 И дни последние его,
 И взгляд, и позы, позы...
 Я слышу звук его шагов,
 Шуршанье джинсов;
 Как в кресле, смотрит телевизор,
 Потом пошёл и зашуршал;
 Затем, сидит он за столом.
 И руки — как он приборы держит.
 И аккуратно ест, не спеша.
 Как улыбается и просит
 Наварить варенья больше:
 «Побольше, мам, побольше!»
 Как после ванной, перед зеркалом
 Расчёсывает кудри.
 «Красив, чертяка!» — говорю.
 Как за компьютером сидит,
 С румянцем на щеках;
 Как в играх на компьютере
 Он покори́л весь мир
 И все ему платили дань.
 А он смеётся...
 Что в виртуальном мире он король!
 Как я его будила по утрам,
 Всегда с любовью, и словами:
 «Андрей, сынок, доброе утро, вставай!»
 И поцелую в щёчку,
 И проведу рукою по кудрям,

А он поморщится и отвернётся,
 Понежится ещё чуть-чуть,
 Затем встаёт,
 Убирает постель с дивана,
 Идёт в ванную
 И неспеша наводит чистоту лица
 И тела.
 Так было каждый день.
 И так было всегда.
 Я благодарна Богу,
 Что дал такое мне дитя.
 Хочу его обнять, прижать к себе,
 Как в детстве.
 И никогда, и никуда его не отпускать.
 Ах, если б только знать!
 Ах, если б знать тогда!
 Я никуда бы не ушла,
 И сына никому не отдала!
 Собою б заслонила, защитила,
 Завыла, завизжала, но спасла!
 Ах! Если б только знать!
 Ах! Если б знать тогда!

**Андрей
Синеглазов**
(1980 — 2003)

*«... Мам, чего ты за меня так волнуешься? Что со мной может случиться? Аж всего слезами залило, в души ходить не надо!»
(Андрей Синеглазов, отрывок из письма от 5 июля 2002 года, написанного на борту судна БМРТ «Ланзардо»*

НЕ ПОНИМАЮ

Не понимаю этот мир,
Такой зелёно-голубой,
И небо — вечности факир,
Что плащ из звёзд сорвёт рукой.

Не понимаю знойный день,
И дождь, и слякоть, и грозу;
Не понимаю я людей,
Как будто я колдун в лесу.

Не понимаю белый свет,
Но, правда, вдруг блеснёт, слепя.
На самом деле, столько лет
Не понимаю сам себя.

ИСТИНА

На горизонте серы тучи.
И чёрный ворон вьёт гнездо.
В моём саду, среди колючих
Ветвей, что оплели его,

Бежит ручей, с водой кристальной.
Вода мертва, в ней нет души.
Журчанье песнью погребальной
Пугает всех, кто к ней спешит.

Я крикнул, голос гулким эхом
Достигнул неба и упал.
С таким же мог бы я успехом
Кричать в чернеющий провал.

Вокруг так пусто и безлюдно.
С деревьев листья, облетев,
Давно все сгнили. В них уютно
Прижились черви. И для тех,

Кто попадёт сюда случайно, —
Могилы вырыты для всех.
И ворон каркает печально.
Нет здесь веселья и утех.

Вдруг, вижу чью-то тень в тумане.
Среди деревьев голых, к ней
Бегу, и будто, в дымке ранней,
Лицо я вижу всё ясней.

Мурашки по спине волною,
И комом в горле сдавлен страх:
Мертвец стоит передо мною,
С кровавой пеной на устах.

В пустых глазницах черви вьются,
Язык отрезан, культы рук
Торчат. Из ран струёю льются
И боль, и ненависть. Но вдруг

Узнал себя я в этом прахе!
Передо мной стена зеркал...
И, развернувшись, в диком страхе,
Назад, к ручью я побежал.

Живу — как будто в тёмной яме.
Не видно стен, лишь зеркала.
И я в удушливом тумане
Сгораю медленно дотла.

* * *

Я бы хотел научиться летать,
Только не знаю, как начать.
Взмыл бы я в небо, облаком став.
Крылья над грешной землёй распластав,
Долго парил бы, счастья искал.
А надоело, — на землю б упал
Белым сияньем, снегом шальным,
К морю сбежал бы ручьём заводным.
Вот, я сижу и мараю тетрадь,
Думая, как бы мне облаком стать.

* * *

Я хочу написать здесь прегрустный стих,
Про моих палачей и про судей моих.
Я хочу написать здесь про тех людей,
Что лишили меня и судьбы, и друзей.
Я хочу написать про темницу мук,
Про решётку стальную и сломанный сук

*Александр
Бойченко-Нерченский*

В СТРАНЕ РОБИНЗОНИИ

рассказ попутчика

Однажды довелось мне ехать в двухместном купе с бывшим моряком-рыбаком. Это я узнал потом. А сначала он долго возился со своим багажом, а я задумчиво смотрел в окно. Скорый поезд мчался так, что вагон трясло и подкидывало. Придорожные столбы, словно солдаты, стоящие по стойке «смирно», мелькали один за другим.

Вечерело. Попутчик выложил на столик палку копчёной колбасы и отвлёк моё внимание от окна. Колбасу он порезал неровными шматками и

отодвинул в сторону. На её месте оказалась золотистая, холодного копчения, рыбина. Она светилась, будто прозрачная, чуть ли не насквозь, и напоминала кусок янтаря. Походила рыбина на наш судак, но оказалась заморской. Попутчик заметил, как мои глаза впились в чудо в его руках и назвал рыбину, но я пропустил это мимо ушей. Сосед порезал и её. В довершение, выставил на столик бутылку «Столичной». Азартно потеряв руки, он крякнул от предвкушаемого удовольствия и пригласил меня разделить трапезу. Я не отказался, но предупредил, что непьющий. Попутчик вздохнул и с сожалением изрёк:

— Не беда! Налью и тебе — будешь чокаться со мной. В одиночку пьют алкаши и всякие жлобы.

Я налегал на рыбу, а он на «Столичную», и сам себе произносил тосты. Один меня насторожил, когда он произнёс:

— За страну «Робинзонию».

Я перестал жевать и с удивлением спросил:

— Что за страна такая?

— Знаешь, вздохнул попутчик, — в моей жизни произошла история, в которую трудно поверить...

— Что же особенного случилось?

Он задумался. На лбу его собрался пучок морщин, лицо покраснело, то ли от напряжения

мысли, то ли от выпитой водки. Наконец он усмехнулся и проговорил:

— Хочешь верь, хочешь — нет, но событие произошло со мной.

— Ты меня заинтриговал. Расскажи!

— Правда, история длинная...

— Нам некуда спешить, — усмехнулся я. — Нужно же как-то убить время. Дорога длинная.

— И то правда, — согласился попутчик.

Действительно, услышал я от него удивительную быль, или фантазию, но очень похожую на правду.

Ходил он, как говорят моряки, на рыболовецком океанском траулере, матросом. Я в морских терминах не особенно разбираюсь, если что назову по-сухопутному, — прошу прощения.

Звали попутчика Жорой. То есть, Георгием. Среднего роста, широкоплечий. Видимо, сильный. Руки, как совковые лопаты. Я ещё подумал: «Если загребёт ими — вряд ли вырвешься.» Глаза карие, на голове копна русых волос, бритый до синевы, лицо круглое, как полная луна. Одет в тёмно-синий гражданский костюм, но из расстёгнутого ворота рубашки выглядывает уголок полосатой тельняшки.

По корабельному табелю, в случае бедствия, как бывшего шофёра, назначили его рулевым-

мотористом на самоходный спасательный бот, схожий с большой красной бочкой из пластмассы. Плот плотно закрывался и становился водонепроницаемым. Для доступа воздуха есть специальный клапан. имеется на плоту запас пресной воды в консервных банках, пища (на сколько человек и на сколько дней, Жора не сказал), медикаменты и другие вещи, необходимые в вынужденном плавании.

Однажды всё это изъяли из бота, чтобы заменить на свежее: кончался срок годности, но с заменой не спешили. Потом получилось по поговорке: «На охоту идти — собак кормить.» Это, когда что-то не сделано своевременно. Подобное случилось и здесь, но об этом потом.

Летели самолётом, сменить команду. На борту кондиционеры — прохладно. Кто-то из ребят тихо вздохнул:

— В порту, видимо, духота.

Не жара, в нашем понимании, а парко — когда воздух перенасыщен влагой.

— Наверное, — соглашается сонный голос.

И опять тишина. Слышно только, как надрывно режут двигатели за бортом самолёта, да кто-то захрапел.

Матросы ошиблись. Утро в аэропорту встретило приветливым экваториальным теплом, голубым чистым небом и только восходящим солнцем.

Пройдёт не так много времени, и оно будет готово сжечь всё живое.

Автобус привёз команду прямо к кораблю, стоявшему у портовой стенки. Он сверкал свежее-выкрашенным корпусом, яркой белизной выделялись ходовая рубка и надстройки.

Капитан и его помощники принимают судно, матросы устраивают свой быт. Утром объявили, что формальности закончились и пора покидать порт.

Буксир выводит траулер на фарватер и уходит. Теперь встреча с землёй произойдёт через полгода.

Люди настраиваются на долгую работу: готовят цеха, морозильные камеры, проверяют оборудование. Каждый знает своё дело и запасается терпением.

Рейс проходил удачно, брали большие косяки, сдавали на приёмку и снова шли на промысел. Донимала тропическая жара, матросы работали полураздетые. Капитан гоняет за нарушение техники безопасности. Закатил старпому выговор за недосмотр.

Жора хмыкнул и сказал:

— Я где-то читал: «Экватор — сгусток сверхъестественных сил, а не «пояс», делящий земной шар на два полушария.» И в самом деле,

он преподносил нам каждый раз новые и новые сюрпризы, сцены, явления, созданные силами природы, которые нам в диковинку. Здесь всё необычно. Однажды ночью даже снег пошёл. До того нас удивил: днём невыносимая жара, а ночью — зима. Или рассвет и закат. По ним можно часы сверять. Всё происходит в считанные минуты: только что освещалось солнцем, и вдруг наваливается чёрная, как сажа, темень, в которой в двух шагах человека не различишь.

На пароходе всё интересно. Однажды наблюдал, как забрасывают трал, он исчезает в пенном следе за кормой. Вытаскивают его пузатым, наполненным рыбой. С хорошим уловом, настроение поднимается у команды. Однажды с косяком захватили акулу. Когда вытряхнули её на палубу, она прыгала, корчилась, клацала зубами, как злая собака. Боцман бегал вокруг рыбины с молотом и бил её по голове, а ей хоть бы хны. Наконец добил акулу, вытер рукавом пот со лба и увидел, что один матрос сидит на палубе и растерянно смотрит на рану на ноге: акула задела его кончиком хвоста и как рашпилем содрала кожу. Боцман в крик:

— Что ж ты, кулёма, сидишь! Зелёнки быстреей!

Боцман заливает рану и отчитывает раззяву. Вечереет. Солнце садится: громадный, какой можно увидеть только в тропиках, ярко-красный,

распухающий на глазах, шар. Чайки, лениво взмахивая крыльями, летят за кормой.

Над палубой сгустились душные сумерки. На бездонном небесном куполе зажигались большие и малые звёзды. Над головой — Южный Крест. И вдруг крик:

— Буря идёт!

— Я, — говорит Жора, — глянул на горизонт, а там чёрная туча. Ветер крепчает. Команда с благодарностью приняла прохладу, после изнурительной жары.

Перемена погоды в океане не в диковинку. А вот слово «авария» всегда вызывает неприятное ощущение у любого человека, а уж моряку — нож в сердце...

Беду почувляли, когда шторм разыгрался не на шутку. Ночь навалилась чёрная, непроглядная. Небо заволокли тучи, звёзды исчезли. Капитану доложили на ходовой мостик, что забортная вода поступает в туннель, где проходит валолиния. Если по-сухопутному, — где проходят валы от двигателей к винтам за бортом. Капитан строго спросил:

— Откуда вода?

— Неизвестно! В туннеле воды уже по грудь и всё прибывает.

— Почему не откачиваете?

— Электромоторы в воде! Качаем ручной помпой, но это ничего не даёт! Что делать?

— Запускайте аварийный насос!

— Запускаем! Но не получается!

В телефонной трубке было слышно, как капитан кого-то разносил. И вдруг вопль:

— Тонем!..

— Готовить спасательные средства! — Приказал капитан. — Туннельные двери задрать!

— Они долго не выдержат напора! — Был ответ.

На пароходе началась беготня и суета. А непогода всё набирает силу.

Жора вздохнул и продолжал:

— Меня, медсестру и повариху загнали в бот. Мы захватили свои чемоданы, которые стоят в готовности, на этот случай. Нам подавали паки с продуктами, водой и медикаментами. Мы принимаем, а сами прислушиваемся к вою непогоды. Ветер завывает на все голоса. То по-волчьи, то вообще не понять, что за зверюга такая... — Жора замолчал и скептически усмехнулся. — На сердце муторно от такой «музыки». Тем временем, шторм превратился в ураган. Команда попряталась. Такая сила обрушилась на палубу, что бот задвигался, как живой. Вдруг приподняло его и швырнуло, словно пушинку, в океан. — Жора вновь усмехнулся. — Я едва успел задрать лаз, а то пошли бы на дно, как топор.

Он замолчал и наливал водку. Я наблюдал, как она пузырилась по стенкам стакана, будто шампанское, а потом воздушные пузырьки исчезли. Жора выпил и закусывал колбасой. Я не утерпел и спросил:

— Ты чего рыбу не берёшь?

— Самая лучшая рыба, — усмехнулся он, — это колбаса. Настоящая рыба надоела мне до чёртиков.

— А зачем ты её нарезал?

— Для тебя! Вообще-то, везу её для гостинца своим.

— Понятно! — Улыбнулся я. — А дальше что было?

— Дальше? — Пожал плечами попутчик. — Нас швыряло и крутило по волнам несколько суток. Сколько — сказать не могу. Мы болтались в этой бочке, как приговорённые к пыткам и голодной смерти. Нас швыряло из угла в угол, как щепки в половодье. Окончательно выбились из сил без сна. О еде и не вспоминали. Глаза слипаются. Только начинаешь дремать, а тебя так швырнёт, что не до сна...

Однажды порывом ураганного ветра бот приподняло и понесло, словно что-то невесомое. Чувствуем: летим, как в самолёте, только без гула моторов. Их заменял вой непогоды. Когда ощутили удар и всё утихло, мы тут же заснули, как уби

тые, где кто находился в тот момент. Без еды можно терпеть, а вот сон — штука серьёзная...

Жора замолчал и вылил из бутылки остатки водки. Заскрипели тормоза, поезд дёрнулся и стал. Я вышел в тамбур, проветриться и переварить услышанное. Выглянул из двери. Уже ночь. Станция освещена фонарями. Поезд стоял недолго, дал гудок и пополз в темноту, всё набирая скорость. Я вернулся в купе. Жора спал, похрапывая.

Утром, проснувшись, попутчик засобирался: скоро его станция. Я всполошился:

— А как же дальше?

— Это длинная история. Дай адрес, я тебе напишу. Ты, как писатель, возможно, используешь мои записки.

Поезд стал. Я проводил попутчика в тамбур. Рядом — кондукторша, с флажками в руке. Жора пожал мне руку и сказал:

— Не волнуйся, обязательно напишу. Прости! Видно, вчера перебрал: голова гудит, как пустая коробка. Прощай!

— Лучше — до свидания!

Поезд тронулся. Кондукторша загнала меня в вагон и закрыла дверь. Жора остался на перроне. Я видел его, пока поезд не прошёл станцию.

На следующей остановке подсадили женщину. Это создало мне массу неудобств. Терпел, вздыхал и вспоминал Жору.

Прошло около месяца. Попутчик пропал. Мне казалось, что он забыл о моём существовании. И вдруг письмо. Отложил все дела и вскрыл. Приветствия и пожелания пропустил, сразу добрался до того, что интересует. Написано неряшливо, словно в спешке. Буквы прыгают, чуть ли не из строчки в строчку. Меня это не волновало. Мне нужна суть.

«— Сколько спали, не знаю, — писал он. — Когда проснулись — темнота, словно в подполе. Спрашиваю.: «Живые?» Отозвались. На ощупь нашёл лаз и раздраил его. Яркий дневной свет резанул по глазам и ослепил. Мы прикрывали веки, щурились. Когда освоились, выбрались из бота и уселись на нём...»

Картина предстала перед ними нерадостная. Посудину выбросило на песчаный берег, метров за пятьдесят от кромки воды. По пляжу с белоснежным песком ползают небольшие черепахи. Кое-где виднеются полузасыпанные панцири, словно в пустыне, скелеты погибших животных.

Тишина. Только стонет океан, будто от непосильной ноши, да шуршит набегающая волна: «шур, шур...» Голубое бездонное небо вдали, на горизонте, соединяется с океаном. Жора переводит взгляд на сушу. «Что это, — подумал он, — остров, или?...»

Метров за двести — редкий кустарник. Присмотрелся — нет, незнакомые кусты. Ещё дальше перелесок на склоне горного хребта. По скалам прыгают дикие козы, чем-то напоминавшие домашних. На выступе, который нависает над лесистой частью горы, стоит, словно изваяние, дикий козёл с закрученными в бублик рогами. Гордый и неприступный. Он зорко следит за самками и за людьми, словно они, неизвестные ему существа, могут чем-то нарушить его существование. Вокруг ни строений, ни единой человеческой души.

— Страна Робинзония. — Хмыкнул Жора и оглянулся на женщин.

Они испуганно оглядывались по сторонам и молчали. В глазах у них удивление и страх.

— Вы чего молчите, как в рот воды набрали? — Продолжал Жора. — Что делать будем, красавицы?

При погрузке, он их не рассматривал: темно было, а во время болтанки по волнам, об этом не думал. Сейчас изучающим взглядом окинул их.

Медсестра — Лиза. Лет тридцати пяти, белокурая и не худая, и не полная, с вьющимися волосами, которые за время скитаний сваялись и стали, как шерсть линяющей собаки, висят пучками. Лицо, хоть и неумытое, можно сказать — красивое.

Повариха — Тося, едва пролезла в лаз. Нездаром при котлах. Чернявая, с короткими волосами, пухлыми губами и курносый, пуговкой, носом.

— Так, что будем делать?

— Ты мужчина, тебе и решать, — пожала плечами повариха.

— А что тут решать? — Продолжал Жора. — Людей нужно искать.

— А как? — Удивилась Лиза.

— Утром возьму, на всякий случай, десяток сигнальных ракет и пойду. Вы останетесь здесь.

— А если кто нападёт? — Удивилась Тося.

— Ныряйте в «корыто» и задраивайте лаз!

— Тебе хорошо говорить, — вздохнула Лиза, — а если лютый зверь?..

Жора окинул её пристальным взглядом:

— А ты трусиха... Ничего, совладеете. А сейчас нужно пожевать. Что у нас есть?

— Консервы и галеты. — Отозвалась повариха. — Разогреть бы?

— Ничего! — Улыбнулся Жора. — И так сойдёт. Мы по-солдатски. А то живот к спине присох. Сколько мы не ели? Не знаете. И я не знаю...

Утром Жора позавтракал разогретыми на спиртовке консервами и стал собираться в незнакомую дорогу. Взял десяток ракет, пару банок

консервов. Тося засуетилась и подала ему большой столовый нож, как он попал в бот, осталось загадкой.

— На! — Сказала она. — Это единственное у нас оружие.

— Здоровенный тесак. — Хмыкнул Жора. — Я за пояс его заткну.

— Ты аккуратней! — Посоветовала Лиза. — Не рискуй...

— Постараюсь.

Он закинул за плечо торбу, сработанную женщинами, и пошёл. Его спутницы по несчастью угрюмо смотрели ему вслед. Это понятно. Боязнь потерять единственного защитника и опору.

Жора ушёл не оглядываясь. Ни дорог, ни тропинок — кусты и заросли. Он сразу определил, что места нехоженые. Пробивался сквозь сплетения ветвей с помощью ножа. Только в горной части обнаружил козьи тропы, узкие, едва заметные.

Путник всё примечал и запоминал, словно зарубки делал в мозгу, на всякий случай. Набрёл на небольшую пещеру. Вошёл и осмотрелся. Внутри козий помёт. Нетрудно догадаться, что в непогоду животные находят здесь укрытие. «Удобная штука» — подумал он и пошёл дальше. Через полсотни шагов обнаружил одичавший яблоневый сад или рощу. Сорвал плод, попробовал

— чуть кислит. «Ничего, — решил, — есть можно.»

Где-то впереди слышался шорох, будто через заросли пробирается живое существо. Прислушался и понял свою ошибку: так шумит ручей. Подошёл, попробовал воду и усмехнулся, шлёпая губа

ми : «Нарзан», да и только! А мы пьём из банок опреснённую...»

Поднялся выше и обнаружил полуразвалившуюся хижину. Построена она из подручного материала — стволов больших деревьев, ветвей и глиняного раствора. У нас его называют саманом. «Ничего, — подумалось ему, — восстановить можно...»

Внутри, на ложе, что когда-то, видимо, служило человеку кроватью, лежал скелет. Как он сюда попал, не трудно было догадаться. Да вон и доски от какого-то корабля. Один он был, или ещё с кем-то? Когда умер, и похоронить было некому...

Жора осмотрелся. У изголовья — сундук, окованный железом, с налётом ржавчины. В углу лопата, настоящая, железная, а также самодельные деревянные грабли и двухрожковые вилы.

«Здесь можно жить, — решил он. — Только нужно убрать скелет. Женщины увидят его и побрезгуют...»

Взяв лопату, Жора пошёл искать место для могилы. Во время поисков, обнаружил в зарослях травы признаки огорода. Вырвал перья, похожие на луковые, попробовал: «Настоящий лук. — Обрадовался он. — И вода рядом...»

После того, как убрал скелет, отправился дальше. С трудом пробивал дорогу в зарослях, поднимая шум. Всполошил козье стадо. Они ринулись на высоту. Исцарапав руки до крови, решил идти пляжем. Так обошёл остров вокруг, вернее, громадную скалу, с намытыми песчаными берегами.

Когда круг замкнулся у яблоневого сада, набрал в пазуху, как бывало в детстве, с чужого дерева, яблок и пошёл к своему «корыту». Так но окрестил спасательный бот.

Вернулся к женщинам, когда солнце склонилось к горизонту. Глянул на часы — шесть, — и определил: «На экваторе в шесть темнота, хоть глаз выколи, а тут только заходит. Значит, остров находится ближе к Южному полюсу...»

Женщины встретили его упрёками:

— Где тебя носит?! Мы чего только не передумали!

— Думай, не думай, сто рублей — не деньги. — Пошутил Жора.

— Ты дурака не валяй! — Разозлились спутницы. — Рассказывай!

— Чего рассказывать, — вздохнул он. — остров это. Вернее, огромная скала, торчит из океана, как пика у казака. Кроме нас, коз и черепах — ни души!

— А звери есть? — Забеспокоилась Лиза и передёрнула плечами, как при ознобе. — Я очень боюсь диких зверей...

— Я же сказал — ни души!

— Слава Богу! — Вздохнула облегчённо Лиза.

— Что будем делать, бабы? — Продолжал Жора.

— Не бабы, а голубки! — Усмехнулась повариха. — Других у тебя нет.

— Зато у вас такой красавец есть...

— Небритый, — перебила его повариха.

Жора только сейчас разглядел, что она, за время блуждания по океану, сильно сбросила вес. Щёки не такие пухлые, живот подтянулся. Тося стала будто моложе. Он оглядел её изучающе и подумал: «А она ничего. — Перевёл взгляд на медсестру. — Эта тоже красивая! Какую же выбрать?»

— Что ты предлагаешь? — Перебила его мысли Лиза.

— Не знаю! — Пожал плечами Жора. — Вопрос трудный. Сколько проживём на этой «Робинзонии», не известно. Возможно, всю жизнь...

— Но жить как-то надо? — Не отставала медсестра. — Не ложиться же в могилу живыми?

— Я холостяк. Жениться могу только на одной...

— А вторую куда? — Забеспокоилась Тося. Она почувствовала, что выбор будет не в её пользу.

— И всё же, — вмешалась Лиза, — вторая — тоже живой человек. Раз так вышло, справедливо будет жить вместе и не обижать друг друга.

— Да я чё? — Вздохнул Жора. — От вас всё зависит...

Так он приобрёл двух жён. Иногда улыбался и шутил:

— Султан! Настоящий! Если рассказать ребятам, скажут: «Травишь!»

— Ты меньше фокусничай, а то получишь развод! — Пригрозила Лиза.

Как-то получилось, что она верховодила, но в серьёзных вопросах слушала мужские советы.

— Если я, — усмехнулся Жора, — получу отставку, то она и вас не минует.

Все трое громко расхохотались. Они не унывали, несмотря на то, что попали в ужасное положение. Молодость брала своё. Им в то время было в пределах тридцати пяти лет — кому чуть больше, кому меньше.

Решили перебраться в хижину. «Корыто» бросили на берегу. Его осмотрели и нашли трещину, полученную, видимо, от удара, когда бот выбросило на берег. Уплыть на нём — верная гибель. И жить в этой бочке неудобно.

Сразу приступили к налаживанию своей жизни на острове. Жора восстанавливал хижину. Разделил её на две половины: у женщин могут быть свои житейские тайны. Расчистили огород от зарослей. Видимо, у прежнего хозяина имелись семена.

Нашли одичавшие овощи, которые использовали в пищу.

Весь день в заботах. Нашли глину и стали лепить посуду, а обжигали на костре. Не фабричная и не очень красивая, но в быту годилась. Тося попросила сделать навес и печку для приготовления еды. Жора охотился на коз и черепах. Приручили двух коз — пили молоко, ели мясо и фрукты. Скучали по хлебу... Иногда вспоминали магазины, полные разных товаров. Разговоров об этом — на долгие вечера, особенно, зимние.

С тоской смотрели в океан, на север, где находилась родная земля. Изредка ходили к боту, запускали движок, слушали радио, узнавая новости, в которых не очень разбирались, сверяли время, число, год. Жора ходил вокруг посуды, рассматривал её, вздыхал и, расстроенный, уводил своих жён.

Однажды обнаружили сундук, заброшенный во время ремонта всяким хламом и позабытый. Раскопала его Лиза и воскликнула:

— Сундук! Похож на пиратский с золотом!

Вскрыть его оказалось не так просто. Замки и петли так приржавели, что впору резать автогеном. Пришлось взламывать, а крышку вовсе сорвали. Когда она с треском упала на пол, все трое склонились над сундучным нутром. Там лежали морские карты, подозрная труба и толстая амбарная книга. Записи навели на мысль, что это не иначе, как корабельный журнал. Жора полистал его и пожал плечами:

— Написано не по-нашему.

— Ну-ка, дай! — Протянула руку Лиза. — Я малость знаю английский.

— Что там? — нетерпеливо спросил Жора.

Она тоже пожала плечами:

— Не знаю... не понятно.

Порылись ещё в сундуке. Ничего больше не нашли. Всякие тряпки, которые когда-то были одеждой. Так об участии предшественника ничего и не узнали.

Прошло два года. Первый год прожили, как на пикнике: всё интересовало их, а заботы убивали время. Потом началось однообразие, которое разъедало душу.

Однажды заболела Лиза. Она из интеллигентов — оказалась слабой. Тося — из мужицкого рода, выносливей. Она выхаживала подругу, как могла, но всё оказалось напрасно. Лиза долго болела и умерла. Что за болезнь у неё, Тося и Жора не знали. Лиза, как медик, видимо, подозревала, но молчала. Однажды она попала под ливень — возможно, простудилась, или ещё что приключилось.

В этой части океана погода переменчива: словно по чьей-то прихоти, то заживо сжигает солнце, то вдруг прольётся ливень или неожиданно налетит ураган.

Так и в тот день: солнце встало из-за горы и покатилося по голубому небосводу, не забывая поджаривать попутно. Вслед за светилом примчалась серая туча, заволокла полнеба, а потом и всё. Засверкали молнии, загремел гром, словно артиллерийская канонада, и разродилась туча ливнем. По океану забушевали громадные волны, но они уходили от острова, задевая его лишь краем. Жора смотрел на это чудо, а по нему стекали потоки воды.

— Ты чего рот раззявил?! — Крикнула ему Тося.

— Смотрю на океан: впервые вижу, чтобы волны шли от острова.

Не спеша, Жора вошёл в хижину: куда спешить, если уже промок до нитки. Оглядел помещение — в некоторых местах крыша протекала.

— Как ты крыл? — возмутилась Тося.

— Нормально крыл. Это ливень...

— Кончится дождь, вместе перекроем...

Тося ещё что-то говорила, но он не слушал её, а наблюдал, как с горы несутся бурные потоки, и удивлялся, что они обходят жильё. Место было выбрано с расчетом, чтобы вода обходила хижину.

Жоре «Робинзония» надоела до чёртиков. Всё чаще он стал ходить к посудине на берегу. Сидел часами, оглядывая повреждение, обследовал, прикидывал, пробовал и так, и сяк заделать злополучную трещину. Долго ничего не получалось. И всё же, он нашёл способ ремонта «корыта». И радовался, что скоро покинет опостылевшую скалу. И вот, по его словам, дальше получилось, как у Жюль Верна в «Таинственном острове».

«Закрепив последнюю латку, я ходил вокруг бота и радовался, что завтра мы сможем покинуть «Робинзонию». И вдруг началось землетрясение! Остров закачался, словно китайский болванчик. Я глянул на гору, где осталась Тося. С вершины, будто горох из мешка, сыпались камни. Землю под ногами тряхнуло так, что я едва устоял. И тут увидел, что к берегу катит гигантская, с десятиэтаж

ный дом, волна! Я едва успел вскочить в бот и задраить лаз, как его подхватило и потащило прочь от острова. Мне удалось спастись, а Тося, видимо, погибла. Мою посудину подобрали наши рыбаки, когда я уже совсем помирал от голода. К счастью, в банках оставалась вода, она поддержала меня.

Вот и всё. Твой Жора! Подпись, число, месяц и год.»

Меня возмутило его «Вот и всё»! Написал ему письмо и спросил, что случилось с судном, спаслись ли люди? Что известно о Тосе? Устоял ли остров? В общем, оставались десятки вопросов, а он: «Вот и всё»!

Долго не было ответа. Мне уж думалось, что его не будет никогда. И вдруг письмо.

«Тося жива! — пишет он. — Она уцепилась, как клещ, за упавшее дерево, и носило её по океану, пока не подобрало судно.

Траулер не утонул: всё же нашли дырку и заткнули её. Там полетел «дейдвудный» подшипник — для меня это тёмный лес, Жора же никаких пояснений не даёт — вот в эту щель и пошла вода.

Когда пришло твоё письмо, я был у Тоси. Случилось это неожиданно. Друзья сообщили мне, что она жива и адрес, — бросил всё и помчался к ней! Она здорова, только после пережитого никак не придёт в себя. Сейчас мы вместе, живём у меня. Часто вспоминаем «Страну Робинзонию», ко

торая канула в океан, как дырявое решето. Рассказал ей о тебе.

Теперь, надеюсь, всё. Время будет, — приезжай.

Твой Жора! Случайный попутчик на всю жизнь!»

Такие вот случаются попутчики, с удивительными историями. Я ни на минуту не забывал о нём. Мне казалось, что в этом повествовании нет конца. Однажды сказал об этом жене. Она, не задумываясь, посоветовала:

А ты поезжай! Проветришься. Всё время за столом, да за столом. Тем более, приглашают.

— Нет уж! Сам не поеду! Айда вместе?

На том и порешили. Дали телеграмму, собрались и поехали.

Жора встречал на небольшой станции с грузовиком. Я представил жену и спросил:

— Ты что, шофёришь?

— Да, в колхозе. А Гося доярка.

— А море, а океан как же?

— Знаешь, — вздохнул он, — иной раз вспоминаю гул набегающей, громадной, как гора, волны, рёв урагана, — в холодный пот бросает. Нет, с меня довольно! Да и не моряк я...

— Как так?! — удивился я.

— Да так... — Вздохнул Жора. — Пошёл рыбалить, чтобы на машину заработать...

— Ну и как, заработал?

— А как же! Два белых, а третий как снег... После такой встряски — ни шагу с берега. Хочу, чтобы похоронили на родной земле.

— Ну, ты даёшь! — Усмехнулся я. — Помирать собрался?

— Пока нет. Но когда-нибудь придётся. Все по Богом ходим...

— Это так. — Согласился я.

Деревня расположена на донбасщине. Колхоз, видимо, зажиточный. Улицы асфальтированы, озеленены. Ночами освещены электричеством. Дома почти все новые, или отремонтированы. У каждого — палисадник с цветами. Имеется универмаг и клуб. Это я окинул взглядом, пока ехали.

Встретила нас полная симпатичная женщина лет сорока, в цветастом переднике, с завивкой на голове. Видно, готовилась к нашему приезду, чтобы понравиться.

Хозяйка суежилась около нас и всё пыталась усадить за стол. Мы растерялись. Жора уловил это и усмехнулся:

— Тося! Дай людям прийти в себя после дороги. Я отгоню машину, тогда и поедем.

Пришёл он часа через полтора. Всё это время Тося что-то жарила, варила, резала, стучала деревянной скалкой, крутила мясорубку... Хозяин хмыкнул и остановил её бурную деятельность:

— Бросай свои поварские замашки! Давай, всё, что есть на стол!

Засиделись за разговорами до сумерек. Улучив момент, я спросил:

— Скажите, Тося, как вы спаслись, как остров ушёл под воду?

— Грустная история. — Вздохнула она. — Даже не хочется вспоминать.

— Если хотите, — признался я, — за этим и приехал.

Она удивлённо глянула на меня, пожала плечами и сказала:

— Ладно, слушайте.

... В тот день с утра у меня ныло сердце, словно предчувствовало надвигающуюся беду. Когда гора закачалась, как ванька-встанька, ничего не поняла. И вдруг земля стала уходить из-под ног. Глянула на берег, где Жора латал нашу бочку. Вдали катила громадная волна. Меня словно столбняк хватил: не могу пошевелиться. Вижу, супруг засуетился и, не долго думая, прыгнул в бот. Его тут же накрыла волна и потащила в океан. Тогда поняла, что осталась я одна...

Хозяйка помолчала и продолжала:

— Потом я узнала, что такая волна называется «цунами». В ту минуту времени на раздумья не было. Гора тряслась, как параличная, посыпались камни с добрую скалу. Трясущимися руками

надевала на себя тёплые вещи, поверх натянула дождевик, который выдали ещё на пароходе. Машинально сунула во внутренний карман документы. Это в дальнейшем помогло мне...

Рассказчица снова помолчала. Лицо её нахмурилось, выявляя морщины на лбу и в уголках глаз. На неё словно тёмная туча накатила, такой сделалась грустной и мрачной.

Я терпеливо переживал, но не удержался:

— А дальше что?

— Дальше? — Задумчиво проговорила хозяйка. — Плохо помню. Земля качнулась, меня швырнуло на поваленное дерево. Я запуталась в ветвях. Пока кувыркалась в них, почувствовала, что в воде, и поплыла. Глянула назад — острова уже не было. Только самая верхушка ещё маячила, будто посылая мне последнее «прощай». Накатила волна — и канула та в бездну...

Тося вздохнула и умолкла. Все напряжённо ждали продолжения. Она хмыкнула и улыбнулась:

— Это сейчас хорошо: будто сказку слушаете, а тогда — растеряйся я, и сгинула бы вслед за островом. Вскоре пришла в себя и стала способна мыслить. Одежда промокла, меня трясёт, то ли от холода, то ли от шока. На всякий случай, пристегнула себя поясным ремнём к толстой ветке. Так и блуждала по волнам. Подобрали меня без сознания. Очнулась в каюте иностранного судна. Вот здесь и пригодились документы. Вскоре передали

меня нашим. Вначале лечили, а потом включилась в работу команды. После окончания рейса, сказала: «Баста! Хватит с меня морей!». Поступила на работу, а тут Жора и забрал меня. Вот так и закончилась моя необычная история.

Я понял, что это и есть тот конец, которого добивался, и нам здесь больше делать нечего. Для приличия, погостили неделю и засобирались домой, где меня ждала большая неоконченная рукопись. Рассказ остался лежать без окончания. Потом умерла супруга и я вовсе забыл о нём.

Прошли годы. Изредка мы переписывались, но потом связь оборвалась. И вот, прошлым летом, неожиданно приехал Жора. Я сразу с вопросом:

— А Тося?

— Умерла моя повариха... — Помолчал и добавил: — Неожиданно. Сердце схватило. Я был на работе. Прихожу, и пожалуйста...

Я не стал теревить его душу. Мне было видно со стороны, что он любил свою повариху и тосковал без неё.

Он купался в наших морях: то в Азовском, то в Чёрном, а больше в проливе. Однажды сказал:

— Знаешь, как ни странно, а меня тянет в океан. Был бы моложе — ушёл бы...

«Да-а, — вздохнул я, думая, — У каждого своя ностальгия!» А ему предложил:

— Приезжай почаще к нам и болтайся в наших морях!

— Это, уж как получится... — Он помолчал и добавил: — Пиши изредка. У меня никого не осталось. Ты мне сейчас, как брат.

Мы обнялись и потискали друг друга по-мужски. Я заметил в его глазах грусть. Она затаилась, но, как ни пряталась, выдавала себя.

С этим случайный попутчик и названный брат уехал. Долго смотрел я на удаляющийся поезд, а в душе что-то щемило. Почему-то казалось, что больше мы не встретимся.

Предчувствие не обмануло. Через некоторое время, на моё письмо пришла телеграмма: «Жора погиб в автокатастрофе.»

И тогда я вспомнил о неоконченном рассказе, чтобы написать:

КОНЕЦ

сентябрь 2004 г.

*Лилия
Блейник*

РОЖДЕНИЕ СТИХА

Желторотая литера,
случайно выпавшая
из гнезда кириллицы,
расправив
слабенькие крылышки,
стоит в изголовии слова,
начинающего стишки.
Гадкий утёнок, мечтающий
о чудесном преображении,
смотрит глазами незрячими
в зеркало неба.
Соками в лозах

наполняются
мысли брожением.
Выхода ищет душа
из неволи сомнений...

Исподволь слоги текут
на невинность листка.
Медленно капает суть
вдохновенного слова.
Как ручеёк,
начинается
снова строка,
не возвращаясь к началу
истока родного.

БЕССОННИЦА

Вновь бессонница
змейкой ленивой
вползает в меня,
И клубком неизбежным,
без спроса
на сердце ложится.
Ну, а мысли,
назойливо так,
начинают роиться
Над потоком
из всех неурядиц

минувшего дня.
 Ах, как трудно подчас
 мне предчувствовать вновь
 её плен,
 И ещё неохотней, —
 делить своё ложе
 с тревогой.
 И всё каяться,
 каяться в вечных грехах
 перед Богом,
 И всё чувствовать пульс
 переполненных негою вен...

Я пытаюсь наладить
 с бессонницей
 свой диалог,
 Но она, молчаливо,
 по-прежнему
 ставит преграды.
 И мне вновь не осилить
 невидимой этой ограды,
 И кольцо замыкается
 мысленно-вязких дорог.

Что ж, смирилась я:
 если пришла, — проходи.
 Хочешь, я угощу тебя
 сладостно-томным напитком?

Вдохновения хватит
 двоим нам с тобою,
 в избытке.
 До утра далеко,
 и вся ночь у меня впереди.

К ЮБИЛЕЮ

Как не хочется сдаваться в плен годам!
 Как им хочется сказать: Я не отдам
 Ни тепло, ни нежность, ни печаль,
 Ни того, чего доселе жаль.
 Ни морщинки — то печали след,
 Ни сединки — то жемчужный свет,
 Ни души есенинскую цветь,
 Что горит и не даёт стареть.
 Что даёт мне силы петь и жить,
 И легко над буднями парить?
 То, что заставляет волновать,
 И гореть самой, и зажигать!
 Я почти такая, как была —
 Только подустали два крыла.
 Дам им отдохнуть, поберегу,
 Ведь без них я в жизни не смогу.
 Пусть, кружу давно уже одна —
 Одиночеством своим слегка пьяна.
 Высоты, поверьте, не боюсь,
 И, как в детстве, многому учусь.

Я учусь предательство прощать,
 Фальшь и ложь вокруг не замечать.
 Поздновато, скажете, учусь?
 Может быть. — Я вовсе не стыжусь.
 «Ах, наивная!» — я слышу часто вслед —
 «Ты забыла, сколько тебе лет?»
 Нет, я помню годы, их я берегу,
 И пока ещё на этом берегу!

*Вера
Новаль*

ОСВЕНЦИМ

Освенцим знаю я не понаслышке.
 Я там была. Всего однажды. Летом.
 И рассказала всё своей малышке,
 Не упустив малейшего при этом.
 «Нас привезли в Освенцим в жаркий полдень,
 Морально подготовив к страшной встрече.
 (Что отбывалось здесь в войну, мы помним).
 Торжественные не звучали речи.
 Из Керчи группу встретил гид любезно.
 Повёл нас в местный кинозал сначала,
 Где было всё, как в морге — не помпезно,
 Набатов диктора слова звучали.

И от увиденного сердце билось
 Всё чаще, чаще, и больней, чем прежде.
 С экрана эхом горе прокатилось,
 Где люди вереницей шли, в надежде
 На чудо, на спасенье, в смерть не веря.
 Частички киноленты люди сохранили,
 Как доказательство смертей евреев,
 Где лагеря телами завалили.
 Мы с ужасом кино теней смотрели.
 И под рубашкой поднимался волос!
 А на кострах тела живых горели.
 И нам хотелось крикнуть во весь голос:
 «Остановитесь, люди! Смерть и муки
 Вас ожидают в лагерных бараках.»
 Для всех здесь грозно издавала звуки
 Эсесовская форма на солдатах.
 В молчании уйдя из кинозала,
 Отправились осматривать бараки,
 Где нас ужаснее картина ожидала:
 Здесь люди жили, в газовой атаке.
 Мы даже не могли себе представить,
 Чудовищность какая здесь вершилась.
 И только Гитлер мог своих заставить
 Себе подобных убивать. Сложилось
 Такое впечатленье, что здесь пеклом
 Сам Сатана руководил. Безгрешных
 Сжигали, покрывая землю пеплом.
 Творили беззаконие поспешно,
 Не думая о том, что ждёт потомков.

Мы смерти комбинат увидели воочью.
 И тонны тут волос, вещей котомки,
 Где привиденья всюду бродят ночью.
 Освенцим облетаю даже птицы,
 Обходят стороной зверьё и твари.
 Увиденный здесь ужас, долго снится
 И на даёт покоя, сердце травит.
 Здесь — кладбище в четыре миллиона.
 Пожар войны людской потушен кровью.
 Их не спасли — ни Яхве, ни Мадонна.
 И стонут души мёртвых жуткой болью».

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Пишу письмо тебя я, мама, из окопа.
 Уверен я, что не дойдёт оно к тебе.
 Прошли и проползли мы пол-Европы.
 Последний раз пишу, родная, о себе.

Я всем вам врал, что на войне не страшно,
 Что обувают нас и кормят хорошо.
 Мы ротой в бой ходили рукопашный,
 И землю-матушку мы стёрли в порошок

Своими сапогами. И устали.
 Устали ждать конца войны фронтовики.
 ... А сколько не закопанных друзей бросали! —
 Мы шли вперёд, не до того! И далеки

Ещё победы рубежи. Остался
 Лежать я, мама, на чужой земле. Нет сил.
 Они покинули меня. Я сдался.
 Но участи такой жестокой не молил.

Я накрепко к земле свинцом врага пришит,
 И от неё уже не оторваться.
 И вороньё над головой моей кружит —
 Останками моими будут наслаждаться.

Не будет на земле моей могилки,
 Не принесёт ко мне любимая цветы.
 На месте трупа прорастут травинки.
 Не плачь, я не боюсь, как в детстве, темноты.

* * *

А. К.

Я выпорхну в окно ночное,
 К далёким звёздам полечу.
 Я в небо устремлюсь родное,
 Свободной птицей стать хочу.

Ладони звёздам я подставляю,
 Ловить их буду на лету,
 С рождением месяц я поздравлю,
 Увижу неба красоту.

Хочу я со вселенной слиться,
Частицей малой в небе быть
И в хороводе звёзд кружиться,
Земные тяготы забыть.

А если вдруг тебя здесь встречу,
Я громко «Здравствуй! — прокричу, —
К тебе спешила в этот вечер.»
И тихо имя прошепчу.

* * *

Когда беда тебя настигнет,
Не ной, не хнычь и не скули.
Пусть воля в сердце не погибнет.
Её — в кулак! А не моли.

Пощады пусть беда попросит.
Не дай же ей себя сломать.
Пусть навсегда она уносит
Свой дух: тебя ей не поймать.

БОГИНИ В ШИНЕЛЯХ

Девчонки в белых бальных платьях
Шагнули с выпускного бала на войну,
Не став заботиться о братьях,
Покинули свой дом, родную сторону.

На Родину напал агрессор.
Она в огне, и им родную защищать.
Был призван в армию профессор —
Нет лекций. Нет студентов — некому читать.

Переодевшись в гимнастёрки,
Не своего размера форму, сапоги,
Экзамен сдали на пятёрки.
Пошли на фронт — не стряпать дома пироги.

Ушли девчонки в медсанбаты.
А кто в шофёрши и зенитчицы пошёл,
И взяли в руки автоматы.
Кто верных потерял друзей, а кто — нашёл.

И эти милые девчонки
Взрывали гулом от моторов тишину:
«Ночные ведьмы» в гимнастёрках
Так покоряли за штурвалом вышину.

Богини в шапках и шинелях,
Кем ни были б вы в буднях фронтовых,
Никто не видел на коленях
Перед врагом — ни пожилых, ни молодых.

Ах, милые Танюши, Вали,
Светланы, Леночки! Вас всех не перечесать!
И как бы вас, родных, ни звали, —
Земной поклон вам, женщины, хвала и честь.

* * *

Пойду в черешневый свой сад
И там упиюсь черешневым я соком.
Нарушу жизненный уклад,
Когда тебя я встречу ненароком.

Мы будем сладкие плоды
Срывать и ими мило любоваться.
И до последней до звезды
С тобой мы будем целоваться.

Когда звоночком сквозь листву
Пробьётся лучик золотого солнца,
Мы ягод соберём братву,
Воды холодной выпьем из колодца.

Чтоб губы вместе охладить,
Прильнём к ведру с целебной влагой жизни.
И, взявшись за руки, бродить
Мы будем, даже если будут ливни.

Навстречу будем мы идти
Рассвету, жизни, позднему закату.
И пасмурные дни в пути
Преодолеем вместе, как когда-то.

* * *

Я — женщина,
И терпкий колдовской напиток:
Он жжёт уста,
Едва коснёшься.
Я и дикий мёд,
И мука от сладчайших пыток,
Твой нежный луч,
Когда проснёшься.
Я — женщина,
И непрочитанная книга.
И для тебя —
Всегда загадка:
Читай меня всю,
До последнего мига,
В моих строках
Найди разгадку.

* * *

Налью и выпью я вина,
Чтоб заглушить разлуки боль.
И чашу выпью всю, до дна.
На рану ты насыпал соль.

Настала осень, иль зима
В душе моей, что в небесах.
Осталась в эту ночь сама,
И потому глаза в слезах.

Какое счастье — обретать
Друзей, подруг, свою любовь.
Как это страшно — потерять,
И знать, что не вернётся вновь.

ОДА СТОЛУ

Я оду воспою рабочему столу.
Он друг мне и помощник близкий.
За верность в службе я ему пою хвалу
И кланяюсь столу я низко.

Немало времени я провожу за ним
Бессонными ночами, с лампой.
И оба мы всю ночь таинственно молчим.
Ему бы я «пожала лапу».

Он тайны все мои сердечные хранит.
За ним писала робко строки:
Впервые из «источника» здесь был испит
Глоток воды — стихов истоки

От моего стола на волю полились.
И вот, под взглядом глаз прекрасных
Джоконды милой, годы быстро пронеслись.
И нет стола родней и краше.

*Пётр
Котельников*

ПОСЛЕДНИЙ РАУНД

(«Записки судмедэксперта»)

В глубине двора дома № 40 по улице Пролетарской, метрах в девяти от сараев, разбросав руки, лежит труп неизвестного мужчины (по ходу следствия будут установлены его паспортные данные). Погода зимняя, морозная, бесснежная, а на нём надеты добротный костюм чёрного цвета, белая сорочка с чёрным галстуком, на ногах чёрные кожаные туфли. Одежда и обувь соответствуют моде, но не сезону. Он без головного убора. Волосы чёрные, аккуратно подстриженные, в правой

теменной области они обильно смочены кровью, здесь же видна рваная рана, длиной 3 см, глубиной до кости. В метре от головы лежит многоугольный камень твёрдой породы, на одном из углов следы крови, объём камня в два сложенных вместе кулака. На руках след от браслета часов, но самих часов нет. Карманы одежды пусты, ни денег, ни бумажника, ни документов — ничего. Оперативники, а попросту, сыщики, пытаются меня убедить, что рану на голове неизвестный получил при падении и ударе головой о камень. Я с ними не соглашаюсь, но и не спорю. Зачем спорить, когда ещё будет исследование мёртвого тела. А главное, я понимаю их замысел. Боятся бесперспективности поисков преступника. Всё чаще и чаще дела заходят в тупик. Что-то назревает в обществе. Говорят, происходит смена поколений. Уходят те, что в милицию пришли по зову партии, бывшие фронтовики. Они могли день и ночь, в погоду и непогоду, пешком топать в промокшей обуви по участку, знали всех, проживающих на нём. Знали своих и залётных. Раскрывали то, что, казалось, не подлежит раскрытию. Сейчас транспорт в милиции появился, училища и институты окончили, а цепкости в работе нет. Ведь это они заставили меня усомниться в ценности моей работы, кладя мои заключения под сукно.

Вот и сейчас, в принципе, я мог бы отказаться от участия в осмотре места происшествия, по

скольку, уже полгода, как оставил должность штатного судебно-медицинского эксперта, перейдя на работу заведующим паталого-анатомическим отделением второй городской больницы. Следственные органы не сумели разыскать занявшего мою прежнюю должность Ковалёва, и, по старой памяти, обратились ко мне. Мне непонятно, как может эксперт, куда-то уезжая, не поставить в известность прокуратуру и милицию. Я работаю, по привычке, не спеша, зная, что осмотр места происшествия даёт эксперту шестьдесят процентов информации, которую можно использовать при обдумывании заключения. И сегодня моё несогласие с выводами следственной бригады имеют под собою самые серьёзные основания. Лежащий на земле мертвец не проживал в этом дворе, никто из жильцов двора прежде его не видел. С какой целью он оказался в этом дворе? Как он сюда попал — пришёл сам, или его привели? Ну, не мог же он, пусть даже и пьяный, разгуливать по городу так легко одетый! Дом на Пролетарской никакими достопримечательностями не обладает. А куда делось содержимое карманов и часы? Расположение раны не характерно для падения и удара об этот камень. У меня уже сложилось мнение о том, что ему был нанесён удар камнем. Причём, нападавший должен быть значительно более высокого роста, чем потерпевший. И ещё, оружие убийства, а в этом у

меня не было сомнения, позволяло думать, что к нему не готовились. Цель — ограбление. Но я молчал, ибо все эти вопросы не входили в круг компетентности эксперта. Осмотр окончен. Протокол составлен и всеми подписан. Я могу быть свободен. Однако, этим дело не закончилось, и мне пришлось подвергнуть тело исследованию. По той же причине: эксперта не нашли! К тому времени неизвестный мужчина стал известным. Звали его Воронько Глеб Фёдорович, проживал и работал в Днепропетровске, женат, имеет двоих детей. В Керчь приехал по производственной надобности, в командировку. В городе два дня, снимал номер в гостинице «Керчь». Вечером, накануне, его видели в ресторане гостиницы с каким-то высоким субъектом, описать его никто из опрошенных не мог. Я, при исследовании трупа, иных повреждений, кроме раны в правой теменной области, не нашёл. Это исключало возможность драки. Удара Воронько не ожидал. Рана носила прижизненный характер (в мягких тканях вокруг — кровоизлияние). Отмечался отёк мозга и множественные мелкоточечные кровоизлияния в мозговое вещество. От органов и из полостей тела ощущался запах алкоголя. Мною был взят материал для исследования на алкоголь и кусочки внутренних органов для исследования под микроскопом. Имея свою лабораторию, часть кусочков мозга взял для личного исследования их.

Зная мой несговорчивый характер, прокурор города Гавриш, предложил появившемуся Ковалёву перевскрыть труп, что тот и сделал. Я об этом в известность не был поставлен. Не знал я и о том, что он, в своём заключении, причиной смерти «сделал» охлаждение. Как прекрасно: зашёл Воронько, невесть зачем, в забытый Богом двор незнакомого ему города, стукнулся головой о камень, раскинул руки, словно в постели находился, заснул и замёрз. А видел ли Ковалёв, только начавший работу после института, к тому же, на Юге, хотя бы позу замерзающего, свернувшегося клубочком, прячущего руки у себя на груди. Но об этом заключении я узнал тогда, когда в Керчь прибыл Старостин, начальник танатологического отделения Крымского бюро судебно-медицинской экспертизы. А причиной послужил мой акт судебно-медицинского исследования трупа Воронько, появившийся у прокурора на столе. Причиной смерти я считал отёк и набухание мозга, вызванные мелкоточечными кровоизлияниями в вещество мозга, вследствие удара камнем. Прошло ещё три дня, и меня пригласили в морг. Не повезло покойному, третий раз его принялись вскрывать. На этот раз основанием для вскрытия стало разночтение причин смерти, выставленных в заключении мною и Ковалёвым.

Когда Старостин стал рассматривать уже не раз вскрытый желудок, я сказал стоящему рядом Ковалёву: «Ты когда-нибудь видел пятна Вишневского, появляющиеся в слизистой желудка? А я видел их десятки раз. Не было ни одной метели в Орловской области, где я долгие годы работал, которая не прихватила бы с собой чью-либо жизнь! А здесь, кроме набухшей и гиперемированной слизистой, характерной для употребления большого количества спиртного, я ничего не вижу!»

Старостин был вынужден признать мою правоту в этом вопросе. Но, в свою очередь, выдвинул в виде причины смерти — отравление алкоголем. Внутренне я был взбешён! Так открыто уходить от проблемы насильственной смерти! Но, сдержавшись, я сказал: «Ну, хорошо, отравлением алкоголем можно увести прочь рану на голове. А как вы расцените те мелкие экстравазаты, множество которых находится в веществе мозга? Их наличие там подтверждено гистологическим исследованием!»

На это Старостин спокойно ответил: «Мы проверим в нашей лаборатории!» Я с ним не стал вступать в конфликт, попросив всё же сообщить о данных гистологического исследования кусочков органов Воронько. Позднее письменно Старостин подтвердил наличие кровоизлияний в веществе головного мозга. На, дескать, строптивый правдолюбец, кусок истины и подавись ею! Я мог быть

доволен... Но я не знал, в сущности, какому заключению ход дан!

Но почему-то утвердился во мнении, что Старостину удалось найти устраивающее нашу прокуратуру и оперативников управления МВД заключение. Дело можно было сдать в архив. Что поделатъ, в государстве нашем тогда шла очередная кампания по профилактике правонарушений, и по высоким показателям её, судили о соответствии занимаемой должности! Нам, признаться, нормальной работе всегда мешали шумные кампании. А прокурору я сказал: «Больше меня не вызывайте. Я никогда не отвечу на вашу просьбу!»

Это был мой последний раунд в судебной медицине. Я ушёл с гордо поднятой головой. Но я не победил.

Потому что это была не победа, была боевая ничья, означавшая, что в правовые нормы змей вползает беспредел!

*Вера
Дубинская*

ВЫСОТА ШУМСКОГО

(десант на Эльтиген)

Спят вечным сном на высоте солдаты,
Где ветры машут шёлком ковыля.
Нам не забыть кровавые закаты,
Что помнит эльтигенская земля.

Здесь было очень жаркое сраженье,
Кипело море огненной волной.
Земля от ран стонала, Эльтигена,
Десантом шёл отряд передовой.

Сердца бойцов стучали яркой мезтью,
 Им дорог был Отчизны славной зов.
 В атаку шли, им помогала песня
 Непокорённых русских моряков.

Приказ был, командира батальона —
 Любой ценою высоту занять,
 Сражаться до последнего патрона
 И с керченской земли не отступить.

И смерти страх отвага победила.
 Дошли к высоте восемнадцать смельчаков.
 И высота огнём заговорила,
 Непобедимых русских моряков.

Их вражеские танки окружали,
 Но моряки на занятом посту
 Отчаянно атаки отражали,
 Держали крепко эту высоту.

«Полундра! — Шумский прокричал. — Ребята!»,
 С гранатой к танкам вражеским бежал.
 Был ранен он осколком от снаряда,
 Но верный автомат в руках держал.

Им было трудно, помощи просили.
 Но не могли солдат туда послать:
 Враги кольцом их плотным окружили
 И помощь невозможно было дать.

Курган курится, видимость не зрима,
И гарью пахнет взрытая земля.
Погибли все. Но гордо своё имя
Оставили Отчизны сыновья.

Бесшумно осыпаются траншеи,
Скорбит и молча плачет тишина.
На высоте той обелиск белеет
И маки алые рассыпала весна.

И восемнадцать вишен расцветает, —
Фату набросив белую, стоят.
Они невест парней напоминают,
Покой солдат в бессмертии хранят!

ВЕТРЕНАЯ ОСЕНЬ

Дует надрывисто ветер,
В разные стороны вертит.
Кружит сухие травы,
В мокрые сносит канавы.

Ночь копошится в листьях,
Хлещутся ветки со свистом.
Слышу берёзок я вопль,
Бьётся отчаянно тополь.

Лихо гуляет осень.
Мне она нравится очень.
В дождь обложной не скучаю,
Грусть от себя отгоняю.

Пой под окошком мне, ветер,
Буду я слушать весь вечер.
Время твоё люблю очень,
Ветром рождённая, осень.

ПРИЛЕТАЙТЕ ПОСКОРЕЕ, ЖУРАВЛИ

Ещё яблоки поспевшие висят, —
Журавли скорей на юг уже спешат.
Поседевшие оставили поля.
И прохладой повеяла земля.

Описали круг прощальный журавли,
Потянулся журавлиный клин вдали.
Улетели высоко за облака,
Их тоскливый слышу крик издалека.

Я желаю вам счастливого пути,
Мою песню чтоб на крыльях донесли.
Возвращайтесь, когда яблони — в цвету,
Вас с любимым на заре встречать приду.

ГДЕ ЖЕ ПОЮЩИЕ ПТИЦЫ?

Где же поющие птицы,
 Шелест весёлой листвы,
 Белых ромашек ресницы,
 Запах душистой травы?

Тихо в саду стало очень,
 Молча деревья грустят.
 Нынче гуляет здесь осень,
 Жёлтые листья летят.

Тёмные тени ложатся,
 Блики бросает луна.
 К тебе я пришла приласкаться,
 Но только, как видишь, — одна...

Птицы весной песни пели,
 И сад абрикосовый цвёл,
 И звёзды над нами горели,
 Меня по тропинке ты вёл.

Под яблоней старой сидели,
 В объятьях твоих я была.
 Но сладкие дни улетели
 И сыплется тихо листва...

*Леонид
Ланин*

ПАРОДИИ

* * *

*Этот солнечный улей —
Сонно-приторный яд.
Раскалённые пули
Рассекают закат.
Умирает светило,
Чтоб родиться с утра,
Нереальная сила —
Молодая жара.
Первых сукровиц мая
Неземной аромат.
Пули пчёл, рассекая,
Жалят пьяный закат.
Этот солнечный улей —*

*Тёплый вздох янтаря.
В нежном бархате улиц
Вновь рождается заря.
И увидит весёлый
Предрассветный пожар,
Как пушистые пчёлы
Ищут терпкий нектар.
(Юлия Котлер)*

ПЧЁЛЫ

Просыпается улей
И жужжа, и звеня,
Раскалённую пулей
Ты стреляешь в меня.

Я умру со светилом,
Чтобы утром ожить
И с реальной силой
Тебя жарко любить.

Кровь весеннего мая
Вдруг почудится мне,
Я тебя вспоминаю,
Где-то там, на Луне.

Пчёлы даль рассекают
И как пули жужжат,
И с любовью кусают
Опьяневший закат.

Золотистой весною
Улей дышит теплом
И рождённой зарёю,
И цветным янтарём.

Вдруг пожаром весёлым
Запылает заря
И пушистые пчёлы
Окружают меня.

Чтоб нектаром соцветий
Допьяна напоить,
А потом на рассвете
Вновь меня застрелить.

* * *

*Больна тобою
Уж который год.
Не в радость мне
Ни праздники, ни будни.
И каждый твой
Очередной уход
Мне пережить
Больнее и отрутней.
Не выгнать мне любви
Из сердца вон.
Она живёт во мне
С рожденья и до смерти.
И только тихо в сердце
Слышен слабый стон,
Любовь рыдает там,
Как на паперти.
(Галина Дмитриюкова)*

БОЛЕЗНЬ

Ты мной болеешь много долгих лет,
И в жизни всё тебе осточертело.
Сегодня я с тобой, а завтра снова нет,
Отрутил яд твоё больное тело.

Как только ты на свет народилась,
Меня с пелёнок сразу полюбила,
И вмиг любовь в твоей душе зажглась,
Огонь которой ты не потушила.

Боюсь, что ты не долго будешь жить,
Пока любовь огнём в тебе пылает.
Спеши пожар скорее затушить
Слезой любви, которая рыдает.

Стонать не будет сердце никогда
И без любви ты здоровее станешь,
Противоядье примешь, и тогда,
Наверняка, сто лет ещё протянешь.

*Анатолий
Кузнецов*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СОЛНЕЧНАЯ АКТИВНОСТЬ

То, что Солнце оказывает глубокое воздействие на всё живое, было известно ещё в далёкие времена. Ничего удивительного нет в том, что деятельность Солнца отзывается в полярных сияниях, что морские приливы обусловлены движением Луны, что солнечные бури сказываются на деятельности человека. Но что действительно нового обнаруживается в наши дни - это то, каким тонким и далеко идущим может быть это влияние.

Здесь нельзя не вспомнить идеи выдающегося учёного А. Л. Чижевского и восьмидесятилетие со дня выхода в свет его первого фундаментального труда «Физические факторы исторического процесса», в котором он, в частности, писал, что «жизнь всей земли, со всеми растениями, животными и со всем населяющим землю человечеством, мы должны рассматривать, как жизнь одного общего организма».

С именем Александра Леонидовича Чижевского (1897 - 1964г.г.) связаны открытия в области солнечно-земных зависимостей. В его исследованиях весьма тесно переплетаются общая биология, физиология, медицина с одной стороны и геофизика, метеорология, астрономия, социология с другой. А. Л. Чижевским было замечено, что «ещё в древности выпадали эпохи, когда Природа и мир человека приходят в волнение: стихийные катастрофы, наводнения или засухи, землетрясения или извержения вулканов, поварные болезни среди животных и людей потрясают целые страны».

Эпидемия повального разбоя, воровства со взломом в Англии в конце XVII века. В Голландии - тюльпаномания в XVII веке, когда дворяне, горожане, фермеры, моряки, трубочисты - все взялись за торговлю тюльпанами.

В своей монографии А. Л. Чижевский писал, что «всякое массовое общественное событие, движение народных масс, в которых участвуют

многие страны, могут протекать одновременно с какими-либо колебаниями или изменениями сил окружающей природы».

В глубокой древности человек постиг главенствующую роль Солнца, жизнь нашего мира и связь между земными и космическими явлениями. Это сопровождалось обожествлением Солнца, созданием астрологии. В 70х годах XIX века была установлена синхронность пятнообразовательной деятельности Солнца и частоты полярных сияний и колебаний напряжённости земного магнетизма. Затем появились указания на связь между периодами в солнечной деятельности и циклическими движениями в атмосфере. Циклоны, ураганы, бури, смерчи в экваториальной зоне земного шара бывают чаще и сильнее при максимальной солнечной активности.

Многие физические явления на Земле поставлены А. Л. Чижевским в причинную зависимость от степени напряжённости солнечной активности: колебания напряжённости атмосферного электричества, количество ультрафиолетовой радиации, температуру у поверхности земли и морской воды, атмосферное давление, количество осадков, высота уровня моря, колебания климата и др. Во время сильных солнечных вспышек происходят аварии на высоковольтных линиях электропередачи, становятся неустойчивы к коррозии магистральные газо-, нефтепроводы, ухудша

ется надёжность работы протяжённых телефонных линий.

Астрономы, изучая явления в солнечной системе, открывают в ней явления, аналогичные функциям живого организма. Поэтому не удивительно, что каждый атом живой материи находится в постоянном, непрерывном соотношении с колебаниями атомов окружающей среды. Дыхание ближнего космоса сказывается непосредственно на жизнедеятельности биологических объектов, в том числе и человека.

Перечислим ряд явлений в органическом мире Земли, которые сопоставлены А. Л. Чижевским с периодической деятельностью Солнца, из книги «Земное эхо солнечных бурь»(1936г.). - Величина урожая, количество и качество получаемого вина, прирост древесины, размножаемость и миграция у рыб и животных, падёж скота, количества кальция в крови, частота пожаров от молний, колебание веса младенцев, частота обострений во время болезни, частота эпилептических припадков, рождаемость, количество браков, эпидемии и др..

«Воздействие Солнца на человеческий организм, - пишет А. Л. Чижевский, - прежде всего сказывается на изменении химизма кожного пигмента, который играет очень значительную роль в регулировании тепла, в защите организма от болезнетворных агентов». Во время электромагнит

ных бурь происходит изменение крови даже у здоровых людей. Когда происходит резкое увеличение геомагнитной активности, наблюдается снижение количества эритроцитов и гемоглобина, замедляется свёртываемость, увеличивается РОЭ.

От деятельности Солнца изменяются метеорологические условия, которые, отражаясь на урожаях, работе транспорта и пр., влияют на экономическое состояние регионов и стран. Ухудшение снабжения населения продуктами питания приводит к голоду, а голод хуже стихийного бедствия - так и в давние времена было, и теперь приводит к политическим кризисам. На основании количественных соотношений, А. Л. Чижевский пришёл к основным положениям, характеризующим течение всемирно-исторических процессов: «На различных континентах Земли в различных странах у различных народов, зависящих или не зависящих один от другого в политическом или экономическом отношении, главные моменты их истории в движении масс стремятся быть синхронными с максимумом солнцедетельности и уменьшением с приближением минимума».

Но бывают несовпадения, когда максимумы военной и политической деятельности наступают не вполне одновременно с солнечными максимумами. Дело в том, что активность Солнца имеет многочастотный характер. Установлена реальность 11-летнего и 22-летнего циклов. Есть осно

вания утверждать, что существует цикл деятельности 90 лет (вековой цикл).

Есть и 1000-летний цикл. Предполагается, что Земля находится в потоке Межпланетного магнитного поля, которое имеет секторную структуру, т.е., в зависимости от направления поля в источнике, магнитное поле вблизи Земли может быть направлено от Солнца (+) или к Солнцу (-). И это важно для возникновения и протекания магнитных бурь на Земле и формирования погоды. Измерения, проведённые в последние годы, на спутниках, показали, что магнитная буря на Земле наступает тогда, когда в Межпланетном пространстве магнитное поле больше в десятки раз и имеет более нерегулярный характер, чем в спокойные периоды. Ещё в 30-е годы XX столетия А. Л. Чижевский утверждал, что «величайшие ошибки и неудачи правителей народов часто вызваны тем, что они, не сообразуясь с состоянием экономического, социального и психического предрасположения масс, требовали невозможного, несоответствующего их состоянию». «Жизнь идей в массах - вот что должно интересовать депутатов и представителей власти...» «Когда человек приобретёт способности управлять всецело событиями своей социальной жизни, в нём выработаются те качества и побуждения, которые иногда и теперь светятся всё ярче и сильнее и наконец вполне озаряются светом, подобно свету Солнца, путей к со

вершенству и благополучию человеческого рода»...

Судьба Чижевского А. Л. сложилась драматично по ложному доносу провокатора профессора арестовали и отправили в лагерь. Как бы ни было трудно, Чижевский продолжал бороться за свои идеи, доказывая правоту своих открытий.

В 1958 году профессор был реабилитирован. Учёный нашёл в себе силы продолжать исследования.

Говорить о Чижевском только как о человеке, погружённом в свои научные идеи, значит обеднять личность учёного, богатство его духовного мира. Александр Леонидович был человеком всесторонне одарённым. Он увлекался живописью, особенно удавались ему пейзажи.

Страстью Александра Леонидовича была и поэзия. В молодости он выпустил два сборника стихотворений, встречался с Брюсовым, Маяковским, Есениным. В 1918 году издал в Калуге брошюру «Академия поэзии», в которой изложил проект создания в Москве специального научно-исследовательского и учебного центра по изучению поэзии и широкому профессиональному образованию поэтов.

В лагерях для заключённых и в карагандинской ссылке он тоже пишет стихи. Вот одна строфа из «Плиния Старшего» (стихотворение написано в тюремной камере в январе 1943 года):

Ты устоял пред бредом бездны чёрной,
Глядел в неё, не отведя лица.
Познания Гений - истинный учёный,
Был на посту до смертного конца.

Создаётся впечатление, что это он пишет о себе.

- В нём звучало одновременно сразу множество струн. - Рассказывали о нём друзья. - Каждая - гармонично и сильно.

А. Л. Чижевский был не только теоретиком. Им была создана первая в мире лампа-аэризатор. «Лампа Чижевского» даёт мощные потоки отрицательно заряженных аэрионов, которые нейтрализуют ионный смог положительно заряженных аэрионов, что несёт болезни.

Много вредных ионов находится на дорогах городов, в квартирах, где по многу часов в день включены телевизоры и компьютеры. Самый лучший воздух - это лесной и морской, воздух горных курортов, воздух у водопадов и воздух после грозы, или - с «Лампой Чижевского» дома.

Не случайно участники Международного конгресса биофизиков, выдвигая кандидатуру А. Л. Чижевского на соискание Нобелевской премии, вместе с его научными достижениями отмечали литературную и художественную деятельность,

характеризовали учёного как «Леонардо да Винчи XX века».

Теория Чижевского доказывает зависимость человека от Природы, но может быть, ещё большее значение имеет зависимость народов друг от друга...

Теория Чижевского позволяет предвидеть будущее на сотни и тысячи лет вперёд.

Например, - большая засуха в XXI веке, которая явится результатом сложения столетнего, тысячелетнего и других циклов и нарушения экологического равновесия по вине богатых стран...

Последующее за засухой снижение солнечной активности в XXII - XXIV веках приведёт к увеличению влажности и изменению климата в сторону похолодания...

Зная всё это, народы должны быть более сплочёнными и не забывать в надвигающихся проблемах о дружбе народов, потому что наша сила и спасение - в ЕДИНСТВЕ. Мировое сообщество те деньги, которые тратит на вооружение, должно направить на программу выживания в связи с усилившейся засухой и другими проблемами...

В наше время ещё большее значение имеет Вера в то, что Природа подчинена законам и что научная мысль и открываемые ею возможности способны преодолеть все возникающие проблемы и трудности.

МУЗЫКА

Явился долгожданный Новый год,
Опять идут крещенские морозы.
И неисправен вновь водопровод
И в холоде застыли в вазе розы.

Пусть нервы - как звенящая струна,
Ведь в бедах жить не каждый привыкает.
Хоть трудные приходят времена,
Божественный родник не замерзает.

О, муза - путеводная звезда!
Ты в моём сердце снова оживаешь.
Но жизнь, как испытание всегда,
А с песней легче в той борьбе шагаешь.

МОИ ГОДА

Уезжаю теперь навсегда.
Возвращаться возможности нет.
Я в Сибирь не вернусь никогда,
К жизни, прожитой множеством лет.

Вот и время итог подвести.
Мало радости в памяти той.
Мой удел, что я должен нести;
А судьба всё играла со мной.

Был прекрасным когда-то наш сад,
 Но враждебный огонь всё спалил,
 Только чёрные сучья торчат...
 Много бед перенёс, пережил.

Как росток, пересажен туда,
 Где в песках саксаул лишь растёт
 И не плещет живая вода,
 Что от гибели верной спасёт.

Был в то время совсем я не тот.
 Пролегли между нами года.
 Сбирать созревающий плод
 Не давала злодейка судьба.

По чужим городам и домам
 Я искал своей истины след.
 Пролетели года и я сам
 Убедился, что там её нет.

Вспоминаю суровый Кузбасс
 Я, в таёжном далёком краю.
 Рисковал своей жизнью не раз.
 Всё же помнил я песню свою.

Верю я: ещё время придёт
 И мне будет, конечно, дано
 Вновь собрать созревающий плод.
 Так озимое зреет зерно.

*Елена
Шербина*

ИСПОВЕДЬ РЕКИ

Бежит вода с высоких гор.
Ведет нелепый разговор,
Осведомляя берега:
«О! Я бесценно дорога!
Я родилась из ледника
И словно в небе облака
Плыла и таяла в дороге.
Светило солнце. И пороги
То замедляли бег, то ускоряли
И птицы надо мной летали
И пили воду из ручья...
А я была совсем ничья.

Ледник мне силы свои дал
 В дороге ветер подгонял.
 Была ручьем и стала речкой.
 Ах, бедное мое сердечко!
 В дороге я не отдыхала.
 То плакала, то хохотала,
 Когда в воде плескались птицы
 В лучах рассвета и зарницы.
 Когда же в небе звезды были
 Все капельки во мне грустили
 И ждали солнечных лучей,
 Чтоб заискрился вдруг ручей
 И зайчик солнечный скользя
 Мне говорил, что мы друзья.
 О, эти чудные мгновенья!!!
 Лучистых стрел прикосновенье...
 Я наполнялась светом ярким
 И было мне от солнца жарко
 А я все медленней бежала
 И почему-то шире стала
 И отдалились берега,
 Но мне их дружба дорога.
 Я расплылась и подобрела
 Себя раздать я захотела
 Берите люди мою воду.
 Ее взяла я у природы
 Меня создал ледник могучий
 И слезы мне дарили тучи.
 Берите воду, мне не жалко

Она пусть будет всем подарком
 Цените люди благо это.
 Вода из чистоты и света
 Из тайн великих и простых
 Энергий мудрых и святых».

ПОГРУЖЕНИЕ В СОН

Под звездным покрывалом покоится земля
 И в райскую обитель летит душа моя.
 Созвездия мелькают. Стремительный поток...
 Неведомая сила меня к себе зовет.
 Душа стремится к свету. Она летит на Зов.
 С малиновым рассветом вернуть Земле любовь.
 И излучать, как солнце, тепло и благодать.
 Летит душа к Всевышнему, вселенную познать.

ЗАКАТ

Пылает небо на закате
 Огнем седые облака объаты.
 Сгорает день, прожитый нами
 И вечер разными цветами
 Ласкает взгляд и дарит нам,
 Пред тем, как предаемся снам,
 Закат, манящий в вышине,
 И ожиданье...
 В тишине,
 Взлетела, небо прорывая,
 Молитвы молния золотая
 И заискрился небосвод

В лучах горящих желтых звезд.
Сияньем небо озаряя,
Звучит мелодия святая.
Что на душе - не передать...
Какая льется благодать!

КЕРЧЕНСКИЙ ПЕЙЗАЖ.

Июль, всех мучает жара,
Цветет софора желтым цветом
И дворники метут с утра
Софоры цвет за скудные монеты.

Асфальт, как уголь раскален,
Парит... И воздух дышит влагой
У моря, в парке, старый клен
Шуршит листвою, как бумагой.

Подставляю я лицо ветрам.
Стряхнуть хочу усталость зноя.
Струится ветер по плечам,
Ласкает слух мой, шум прибоя.

Все небо в дымке голубой.
Жара навеяла усталость...
Я не ропщу – пусть будет зной.
Хочу, что б лето не кончалось!

ОСЕННЯЯ РАПСОДИЯ

Нас закружила осень эта
 В багрянец, золото одета.
 Нам постелила покрывало.
 Душа чего-то ожидала...
 Но ветер чувства разогнал.
 Свиданья час – разлукой стал.
 Досадной, горькою ошибкой.
 Любовь, неведомой тропинкой
 Ушла, оставив боль утраты.
 Твоей любви тепло объятий.
 Разбилось счастье, как стекло
 Осколки ветром разнесло.
 Костры любви сжигает осень
 Уж на траве под утро проседь
 И журавлей прощальный крик
 Напомнит расставанья миг.

* * *

Кружится карусель
 Моей судьбы итог
 Холодным стал апрель.
 Ну как ты, как ты мог?
 Сменил ты на огонь
 Спокойствие воды
 Меня теперь не тронь...
 Недолго до беды.

Последний разговор
И поезд разлучил.
Итог последних ссор-
Теперь ты только «был!..»

* * *

Когда последняя звезда
Спадет с ночного небосвода,
Ночь растворится навсегда,
Нам подарив любви свободу.
И звездный праздничный шатер
Нас напичкает звездным светом.
И сердца пламенный костер
Запахнет розовым букетом.
И упоения волна
Сметет преграды между нами.
И буду счастьем я полна
Во власти сказки с чудесами.
И с наслажденьем, до краев,
Прохладой тело наполняя,
Рассвета дымка голубая
Омоет нас, чтобы без слов
Родить великую любовь!
Не растерять... Не растерять!
Все это счастье ненароком
Пусть будет в сердце благодать
Блаженством страсть, а не пороком

* * *

Надо спать! Скоро будет рассвет.
 Сон ушел и его не верну я
 Ночь. Темно. А в душе моей свет
 Льются строки, и их я рифмую.
 И на сердце моем благодать,
 Упоенье даровано свыше
 И колышет Вселенная – Мать
 Нашу Землю все тише и тише.
 Пусть насытит святая любовь
 Души каждого радужным светом
 Осознав ценность Божьих даров
 Стать счастливым с началом рассвета.

* * *

Когда в душе смятение боль и стон.
 Тебе покажется, что силы на исходе
 Сольются крик и колокольный звон
 Но место ты свое найдешь в природе.
 Не разрушать- творить и создавать.
 С природой жить в единстве и гармонии,
 И отдавать любовь и получать.
 Без злобы, зависти, агонии.
 Ты только осознай, что ты не раб
 Сын божий не единый, но любимый
 И жизнь откроен новый для тебя этап.

И станешь ты любовью одержимый.
 И напившись благами небес
 Пройдет переоценка жизни этой
 Чтоб, как Христос, сознанием воскрес
 Наполненный свободой и светом

* * *

Капли дождя траву напитают живительной влагой
 Солнечный луч на листву упадёт, и она его будет хранить
 Милость Всевышнего послана небом, как благо
 Сердце научится преданно, верно любить
 Солнце теплом согревает, но взгляду оно не подвластно.
 Глаз человеческий жмурится, солнышко жжёт
 Солнце для взгляда пытливого очень опасно.
 Взгляд опусти, если лучики солнце пошлет
 Тьма или свет, что же более глазу губительней
 Жемчуг ночей – это звезд мириады огней.
 Кружит планетная ось все стремительней
 Зло и добро чередуются за горизонтами дней.
 Зло и добро бесконечно сменяют друг друга.
 Зло истреблять - это благо или фанатизм?
 Где справедливость у этого вечного круга?
 Мудрость в гармонии - это, поверь реализм.
 Космос слагается из составляющих света
 Жизнь наполняет дыханием каждого дня.
 Мы восстановим страницы Святого Завета
 В импульсе вспыхнет лучина святого огня.

В мире иллюзий, порою нам не постижимом,
 Путь в лабиринте запутанных дней и ночей.
 Свой храм души очищая огнем негасимым,
 Будем хранить свет от солнечных ярких лучей.

* * *

Явить любовь спешит моя душа
 И целый мир от ожидания замер.
 И солнца луч прольется не спеша.
 И кто-то там... запустит таймер
 Всплеснет волна холодной водой
 Взмахнет крылом испуганная птица
 И вспыхнет свет звезды над головой
 И сердце чувствами большими возгорится.
 От синих туч, от радуги цветной.
 От всех чудес, что дарит нам природа.
 Ты ощутишь, как этот мир цветной
 Дает тебе бесценную свободу.
 Ах, что это такое есть, Любовь?!
 Свобода, или же неволя твоим чувствам
 Когда взыграет от волненья кровь,
 Тогда в душе, поверь, не будет пусто.
 Вулкан страстей уже не удержать
 И словно лава, чувства разольются.
 Их сможешь ты сдержать? Как знать...
 Сомненья треснут, как фаянсовые блюда.

Звени любви возвышенной струна.
И воспевай любовь, как гимн свободе,
Чтоб я могла испытать судьбу до дна
Сгореть звездой на синем небосводе.

* * *

Мне мало просто жить,
С рассветом просыпаясь.
О счастье говорить
По-детски улыбаясь.
Мне надо, чтобы свет
Наполнил душу, тело
И как звезда в рассвет
Моя душа летела.
Мне надо у Вселенной
Почувствовать дыхание.
Мне надо непременно.
Смысл понять мироздания.
Определить мотив
Движенья тел небесных
И ощутить прилив
Энергий неизвестных.
Мне надо пропустить
Сквозь сердце милость Бога
Мне надо всех любить.
В единстве с чувством долга.

К ЗИМЕ СКВОЗЬ ОСЕНЬ

Шагает осень за окном
 И веет по лицу прохладой.
 Она приходит с золотым добром
 Грустить, поверь совсем не надо.
 Не правда, что она с тоской обручена
 И напевает грустные мотивы.
 Задарит ягодой сполна.
 Создаст цветов пестрящих диво.
 Она волшебницею в дом войдет
 И нас окружит ароматов сладость.
 Кто душу ее щедрую поймет-
 Тому она подарит радость.
 Не пожалеет ветра и дождя
 И листья бросит нам ковром под ноги.
 Боготворю святую осень я.
 Она к снегам и льдам дорога.
 Как будто ласковая мать,
 Снимает все тревоги ливнем.
 Спешит себя до капельки отдать,
 Готовит к жизни трудной, зимней.

*Александр
Пикаченко*

ИСТОШНОЕ

Налью для начала,
чтоб сердце,
как молот стучало.

Напьюсь у причала,
чтоб тело
от боли кричало.

Убьюсь невзначай я,
чтоб душа
в аду обитала...

МУРАВЕЙНИК

Инстинктов и традиций
Порука круговая.
Двойным кольцом сдавила
Судьбы рука стальная.

Духом сильные лишь в силе
К небу взоры устремлять.
Телом слабые в могиле
Скоро крепко будут спать.

Возлетая к славе солнца
И его лучи любя,
Не забудь – в долине мёртвых
Терпеливо ждут тебя.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Две ночи, один день.

Будильник на столе,
в окне – сирень.

Азов седую хмурит брось,
а мы с тобою вновь и вновь,

и вновь...

ОТЧАЯНИЕ

Любви познав все виды:
кинжал и яд,
и дуло пистолета,
петли тугой канат
и яркий луч в тоннеле света,
любовь не полюбил я,
власть надо мной
её бессильна —
живей живых я!
А как стремился
в мир иной,
припав к хладеющим
губам подруги неживой —
любви вечной
замогильной...

УРОК РУССКОГО

В родительской частице *не*
сошлись слова и сны, оне
все смыслы перепутали во мне.
Сон *слово* снова
мне свет застит
и душу тербит
молчаньем безнадежным.
Но слово *сон*

вливает в душу
 твой сладкий
 и безумный стон,
 которого не знать бы мне вовеки,
 который мне сжигает веки
 и чернотой бессонной
 обступает.
 Однако он ещё не знает,
 что предстоит увидеть
 мне в кино
 бессмысленном
 и яростном его...

ЗАВЕЩАНИЕ

Если усну,
 разбудите меня ввечеру –
 Хочу видеть,
 как солнце уснёт.

Если умру,
 не будите меня, ни к чему.
 Уже видел,
 как солнце умрёт.

Алексей Вдовенко

С МАМОЙ

Посмотри!

«Раз,

Два,

Три!»

Мама — друг прекрасный

самый,

Что скрывать? —

Так приятно в прятки с мамой

Поиграть!

СОВА И СОВЯТА

Всегда права,

Во всём права,

Такая мудрая Сова.

И очень важная

при этом.

К ней звери ходят
за советом.
Но то Сова.
А вот совята, —
Как все птенцы
и все зверята.
Охота им, —
ну, что сказать, —
И пошалить,
и поиграть.

РИСУЮ ДОЖДЬ

Я, конечно, не художник.
Ну и что ж?
Нарисую мелкий дождик —
Будет дождь.
Помечтать о чуде этом
Всем пора.
Потому что в Крыму летом
Ох, жара!
А пойдёт ли с неба дождик?
Не знаю.
Я, конечно, не художник, —
Мечтаю.

ВЕРБЛЮД

Горбат и неуклюж верблюд.
 Все «кораблём» его зовут.
 Хоть моря нету и в помине
 В песочной солнечной пустыне.
 Почти не ест, совсем не пьёт.
 Он молча движется вперёд.
 И всё мечтает за барханом
 Увидеть волны океана.

ОЗОРНИКИ

Вольный ветер-озорник,
 Днём и среди ночи
 Он всегда-всегда привык
 Веять, где захочет.
 Ах, и сам ведь я таков:
 И зимой, и летом
 Вслед за ветром я готов
 Мчаться на край света.
 Я пою для ветерка —
 Он мне подпевает.
 Жаль, летать ещё

ТЮЛЕНЬ

Лежит на льдине целый день
Полярный увалень — Тюлень.
Забот особенных не знает —
За рыбой иногда ныряет.
Ему подвластен водный мир,
Ведь пил он в детстве рыбий жир.

ЕНОТ

В лесу под ёлкою живёт
Мохнатый умница — Енот.
Зимой и летом поутру
Он чистит лапами нору.
И это — важная работа:
Жильё в порядке у Енота.

АЛЁНКА

Смеётся очень звонко
Весёлая Алёнка.
Нет во дворе девчонки
Задорнее Алёнки.
Я вместе с ней играю
В пятнашки-догонялки,
С Алёнкой повторяю
Знакомые считалки.
И ссорюсь с ней порою —

Без этого нельзя, —
А всё-таки, не скрою,
С Алёнкой мы — друзья.

МЕДВЕДЬ

Михайло Потапыч —
Добрая душа.
Он на задних лапах
Ходит не спеша.
Любит ребятишек
И, — чего скрывать, —
Очень любит Миша
В цирке выступать.
Всем он — друг сердечный,
В сказку всех зовёт.
И в лесу, конечно,
Ведает, где мёд.

КАЧЕЛИ

Мне не надо карамелек,
Не дарите шоколада!
Но зато я на качелях
Покачаться всегда рада.
Хоть от взлёта и паденья
Нападает страх и жуть, —
Всё ж, на целое мгновенье,
К звёздам ближе я чуть-чуть.

Матьяна Левченко

КОНСЕНСУС

Йшов сніжок, м'який, біленький,
 Як морозиво пломбір.
 Йшов востаннє він, легенький,
 Мов пір'їни голубів.

Дощик встав на мокрі лапки,
 Тупотить навперейми,
 На асфальті ставить крапки
 По закінченню зими.

Стрілись хмарками на раду.
 І на тому там зійшлись:
 Щоб усе було до ладу, —
 Разом зливою злились!

ВЕСНЯНИ СНИ

В небі хмари снили марами,
 Що вони — маленьки хмаринки,
 Ще не стали вони хмарами,
 Не ховають зірок жаринки.

На сукеньках — прошви-веселки,
 А на личиках — весняночки,
 Що плямує сонце весело
 Крізь прозорі їх панамочки.

Вітерець легенький грався
 З ними — танок-ланцюжок водив.
 Снили хмари, й проливався
 Дощ весняний — сльозии спогадів.

ОЧЕНЬ СТРАННО!

Вырастает **СЛИВА** на **СЛИВЕ**,
 Вызревает **ГРУША** на **ГРУШЕ**.
ПЕРСИК расцветает красиво.
ПЕРСИК — наслаждение кушать.
АБРИКОС даёт **АБРИКОСЫ**.
 И **ОРЕХ** — **ОРЕХИ** нам сбросит.
 Ягоду рябину клюют зяблики.
 Почему же: на яблоне — яблоки?!

РОЖДЕНИЕ ТУЧКИ

Было жарко, было парко.
 С Женей мы гуляли в парке.
 Пар — клубами и волнами:
 Над землёю и — над нами,
 Над деревьями, над крышей.
 А потом всё выше, выше...

Он туманом стал сначала,
 Но его всё выше мчало.
 В облачко он превратился, —
 Ещё выше устремился,
 Закрутился, завихрился, —
 Видно, с ветром подружился.
 Мы вослед ему глядели:
 Что же это, в самом деле?!
 Получается: мы с Женей
 Тучки видели рожденье!

Фаина Дерий

СПОР

Звери спорили в лесу
 Про совиную красу:
 Что глаза большие,
 Почти что золотые.
 Ночью не боится,
 «Умной» зовут птицу.
 Но филин тоже, как сова —
 Глаза и клюв, и голова...
 Но тут вмешался старый ёж:
 «Да, филин на сову похож.
 Но у совы и у совят
 Ушей не видно —
 Не торчат».

* * *

Как громко каркает ворона!
 На весь микрорайон слышна.
 Быть может, номер свой коронный
 Так репетирует она.
 И каждым утром,
 Каждым утром
 Всем повторяет всё одно.
 Мудры вороны, или мудры, —
 Но надоело всё равно.
 По-моему, ей соло дали —
 Ведь громче всех она поёт.
 И в нашем, именно, квартале
 Певица данная живёт.
 Придите слушать, коль хотите,
 На ту певицу посмотреть.
 Но только «Браво!» не кричите,
 А то не будет больше петь.

МАЛЫШИ

Рано утром встала я.
 Вижу: кошечка моя,
 С нею рядом — детки,
 Котятки — разноцветки.
 Стала я котят считать,

Насчитала ровно пять:
 Чёрных два, а рыжих — три.
 Если хочешь, посмотри.
 Ах, какие малыши! —
 Хвостики — карандаши,
 Маленькие ушки, —
 Просто, как игрушки!

СЧИТАЛКА

Из глины, словно из муки,
 Слепила Катя пирожки
 С разною начинкой,
 А себе — с малинкой.
 Кто с малинкою возьмёт,
 Тот из круга сам уйдёт.
 Получайте, что хотите:
 Вот — с картошкою берите,
 Вот — с горохом, земляникой,
 С луком, с маком, с ежевикой.
 И единственный, любимый,
 Отдаю пирог с малиной!

Людмила Хралкова

САМОКАТ

Мне купили самокат!
 Самокат — ну, просто клад:
 Он — зелёный, на колёсах,
 В жёлтых, солнечных полосках.
 И звонок, на всякий случай,
 У него на правой ручке.
 Весь блестящий! Как я рад —
 Лучший в мире самокат!
 Только, жаль, у друга Вовы
 Самоката нет такого...
 Нет, так нет... Ну, что считаться?
 Будем вместе мы кататься:
 Он два круга, я два круга,
 Мы же с ним два верных друга!

ПОДСОЛНУХ

Угадать его не трудно, —
 Из цветов он самый мудрый!
 Поутру его цветок
 Смотрит прямо на восток!
 Вместе с солнцем — выше, выше,
 Будто голос солнца слышит.

Ну, а если за полдень, —
 Вместе с солнцем к западу!
 Кто же он?
 Подсолнышек!
 Маленькое солнышко!
 Среди лета он цветёт,
 Дарит нам прекрасный мёд!
 Ешьте мёд подсолнечный,
 Крымский, вкусный, солнечный!.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ПИРОГ

С папой мы решили маме
 Сделать праздничный пирог.
 Без подсказки, только сами.
 Папа важен, даже строг.
 Изучили все рецепты,
 От строки и до строки,
 Вся в ходу посуда «Цептор»,
 В ней взбиваем мы белки.
 Три часа месили тесто
 В две руки и в три руки.
 В тесте папа, я и кресло,
 В тесте даже башмаки.
 Тесто вылили на доску,
 Раскатали на круги.
 Вижу, папина причёска

Стала белой от муки.
 Я сказал: «Побольше крема!» —
 Миксер взял и стал взбивать.
 Крем весь вылился на стену,
 На меня и на кровать.
 В пятнах папина футболка
 И в кокосовой крупе,
 У меня вихор и чёлка
 Все в яичной скорлупе,
 На коленках масло с содой,
 В креме туфли и носки,
 Шоколадные разводы
 От щеки и до щеки.
 Молоко, яйцо и сахар
 Мы взбивали, кто как мог, —
 Я взглянул на папу, — ахнул, —
 Он, как кремовый пирог!..
 Мама долго убирала
 Дом — почти четыре дня.
 И ещё два дня стирала:
 Папу, кошку и меня.

Михаил Чудновский

МЫ — ДРУЗЬЯ

Что за шум возник в квартире?
 День рождения у Иры.
 Входят гости с угощением
 Для приятного общенья.
 Бери армянский хлеб — лаваш,
 Застолье общее уважь.

Украинские галушки —
 Своим ценителям подружки.
 Вот татарский чебурек,
 Чтобы сыт был человек.
 Еврейский цимес — очень сладок:
 Он из моркови, мёда, яблоч.
 А если русский съешь калач, —
 То танцевать захочешь вскачь!
 Грузинский сочен хачапури...
 Нет, не страшны нам жизни бури,
 Потому что мы — друзья
 И поссорить нас нельзя!

ЧЕМПИОНАТ

Кошка шахматы убрала:
 Матч Вороне проиграла.
 «Кар-кар, звери!» — «Мур-мур-мур!
 Начинаем новый тур!»
 А теперь кто чемпион?
 Это старый добрый Слон.

Анна Чудновская

ЛАСТОЧКА

Прямо над моим окном
 Строит птичка новый дом.
 Домик гнёздышком зовётся
 И не строится, а вьётся.
 Это мама мне сказала,
 Птичку ласточкой назвала.
 А ещё твердит народ:
 «Ласточка весну несёт.»
 У окна я простоял,
 Но Весну не увидал.
 Может, просто я проспал?

СЧЁТ

Я люблю считать предметы:
 Раз — котёнок, две — конфеты,
 Три банана на тарелке —
 Мне, Катюше и Валерке.
 А четыре — это лапы
 У моей собачки Тяпы.
 Пальцев пять — одна рука.
 Вот и весь мой счёт пока.

ЦЫПЛЯТА

Эти жёлтые комочки —
 Детки нашей Рябы-квочки.
 Называются цыплята.
 Очень дружные ребята.
 Ходят с мамой по дорожке,
 Ищут зёрнышки и крошки.
 Мне они дороже вдвое,
 Чем яичко золотое.

НЕВАЛЯШКА

Неваляшка-колобок:
 Положу её на бок —
 Вскакивает и звенит,
 Словно что-то говорит.

И пою я, и качаю, —
 Всё равно не засыпает!
 Маленький братишка Сашка —
 Вот такой же «неваляшка»!

АРБУЗ

Словно зебра, полосатый,
 Очень нравится ребятам,
 Красный, сладкий, как конфета!
 На, возьми кусочек, Света!
 И тебе кусок, Серёжа,
 И Витальке ломтик тоже,
 На, Витюшка, ешь, бутуз!
 Вот и кончился арбуз.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ночь пришла. Спать пора.
 Все уснули до утра:
 Спит щенок, котёнок спит.
 Только мышка всё шуршит.
 Тише, мышка, не мешай!
 Спи, малыш мой, засыпай!

Александр Бойченко-Нерченский

Малолетним узникам нацизма посвящаю

РУБИНОВЫЕ ЗВЁЗДЫ сказка

Расскажу я тебе, дружок, правдивую сказку. Происходило это давно, так давно, что люди стали забывать. Если сказка получится, то она будет напоминать маленьким гражданам страны Рубиновой Звезды о Великой войне...

В то время на нашей голубой Планете обитало много всякой нечисти. Правда, её и сейчас хватает. После разгрома Фашистики, нечисть примирела, но не исчезла, и старается укусить побольней из-за угла.

Фашистикой правил четырёхглавый Пауцище Свастика. Он ненавидел людей и страну Рубиновой Звезды, где встаёт солнце, чтобы потом озарять всю землю ласковыми лучами.

Пауцище мечтал завоевать её, людей — кого уничтожить, а кого угнать в рабство, в Логово Пауков, чёрных Тараканов и коричневых Прусаков.

Свастика напала на Звезду. Бились они насмерть. Люди всего Мира, затаив дыхание, следили за битвой. Они знали: победит Свастика —

наступит тьма и смерть. А если Звезда — Мир осветится ярким светом Свободы и Счастья.

Вначале Свастика одолевала Звезду. По всей Планете пронёсся такой силы стон, что закачались высокие дома, задрожали горы, вызывая грохочущие камнепады.

Войска Рубиновой Звезды пятились, а заодно, собирались с силами, чтобы однажды нанести врагам сокрушительный удар.

Пришли коричневые Прусаки и чёрные Тараканы в город, где жил мальчишка Котька. Враги вешали и расстреливали его земляков. Он собрал друзей и сказал:

— Что же мы, друзья, так и будем тихо по углам сидеть и смотреть, как нас уничтожают?!

И организовали они отряд Красных Галстуков. Как могли, вредили мальчишки чужеземцам. Генералы Свастики рычали от злости.

Однажды Котька с друзьями устроил врагам страшную западню. В тот день много уничтожили коричневых Прусаков и чёрных Тараканов. Слуги главного Паука надели на шеи знаки с распятым орлом и помчались ловить диверсантов. А когда узнали, что это всего лишь мальчишки устроили такую страшную западню — взвыли по-волчьи от ярости! Главный Генерал бушевал, с пеной у рта:

— Поймать! Повесить! Расстрелять!..

Слуги Свастики напали на след отряда, который уходил от преследования. Враги настигали. Котька приказал друзьям:

— Уходите! Я задержу их.

Мальчишка оборонялся изо всех своих небольших сил. Главное он сделал: товарищи смогли уйти от погони. Котьку же схватили чёрные Тараканы, скрутили руки колючей проволокой, сорвали с его шеи красный галстук и потащили к Генералу Пауку. Тот кричал, топал ногами, стучал кулаком по столу:

— Где отряд?!

— Отряд ушёл. — Спокойно ответил Котька. — А куда — не знаю. И вам, вонючим Тараканам никогда не узнать!

Больше он не проронил ни слова. Его били плетью, жгли огнём, вырывали волосы на голове, грозились повесить. Котька молчал, как в рот воды набрал. Ничто не могло заставить его заговорить. Главный Паук города не выдержал и приказал:

— Увезти непокорного в Фашистику! Там всё скажет!

Но ошибся Паучище. По дороге Котька убежал, его ловили, он опять убегал... И так, пока эшелон с невольниками не пришёл в Логово Свастики.

Всё повторилось. Его били, жгли, и грозились сжечь живьём в большой печи — кремато

рии. Ничего не действовало на мальчишку. Он молчал. Тогда главный чёрный Таракан приказал бросить Котьку в тюрьму.

Тюрьмы Котька не боялся. Его томила тоска по Родине, товарищам, которые сражались с врагами. Он часами простаивал у зарешёченного окна и смотрел на восток. Там его страна, там восходит солнце, оттуда, с высоких башен, посылают ему лучи надежды Рубиновые Звёзды. Это они по утрам отражают яркий свет восходящего светила и ослепляют Пауков, Тараканов и Прусаков. Те от злости беснуются, скрипят зубами, но поделаться ничего не могут.

Страна Рубиновой Звезды набралась сил и погнала ненавистные войска Свастики в её Логово.

Котька с тоской и надеждой смотрел на лучи, пронзающие тьму, и вздыхал. С ним вместе, в страшных застенках паучьей тюрьмы, томились многие сотни и тысячи таких же смелых мальчишек и девчонок, которых Свастика, чтобы сломить их дух, увезла от Родины, от друзей, подальше от света Рубиновых Звёзд. Все они, как и Котька, ждали победы своей страны, освобождения из страшного плена. Многие не выдерживали тяжкой тюремной доли, непосильного труда, каким морили их Тараканы и Прусаки. Малолетних узников становилось всё меньше...

Котька надеялся, что очень скоро бойцы Рубиновой Звезды спасут от смерти мальчишек и девчонок. Он делился этой надеждой с товарищами и рассказывал, как они тогда вырвутся из тюрьмы и, с оружием в руках, пойдут добивать смертельно раненого врага всего человечества.

И вот этот день настал. Однажды утром, когда только зарождалась заря, маленькие узники услышали гром канонады, а вскоре — бормотание моторов. В окно ворвалось множество малых лучей от танковых звёзд. Котька радовался, что настал миг, которого он так долго ждал. Он взял оружие и вместе с бойцами Рубиновой Звезды пошёл штурмовать Логово Свастики.

Бились долго и беспощадно. И наконец, отсекли последнюю голову ненавистного Паучищи. И солнечным майским утром люди всей Планеты узнали о крахе Фашистики! Ликовал народ, ликовал и Котька. Он шёл с бойцами по улицам чужого города и кричал:

— Ура-а-а! Победа-а-а!

И в этот момент какой-то недобитый Прусак высунулся из щели и выстрелил в счастливого мальчишку. Сражённый предательской пулей, Котька упал на брусчатку. Он продолжал улыбаться, и когда подбежали к нему бойцы, еле слышно прошептал: «Мы победили!» С этими словами умер патриот своей Родины, храбрый мальчишка Котька.

Многие, очень многие малолетние узники фашизма не вернулись домой с той войны. Но мы, живые, не забываем о них.